

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 42

**Томск
2011**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Томский государственный университет
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; **Бохан Т.Г.**, д-р психол. наук, доц.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО; **Залевский В.Г.**, канд. психол. наук, доц.; **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); **Козлова Н.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Красноярцева О.М.**, д-р психол. наук, проф.; **Левицкая Т.Е.**, канд. психол. наук, доц.; **Лукьянов О.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Мещерякова Э.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Муравьева О.И.**, канд. психол. наук, доц.; **Серый А.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Финогенова Г.А.** (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Бохан Н.А.**, д-р мед. наук, проф. (Томск); **Вассерман Л.И.**, д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Вяткин Б.А.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); **Демина Л.Д.**, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); **Доценко Е.Л.**, д-р психол. наук, проф. (Тюмень); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (Томск); **Залевский Г.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); **Зинченко В.П.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Москва); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Карнышев А.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Иркутск); **Клочко В.Е.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Коробейников И.А.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кравцова Н.А.**, д-р психол. наук, доц. (Владивосток); **Кунце Г.**, д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); **Мухина В.С.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Павлик К.**, д-р психологии, проф. (Гамбург, Германия); **Семке В.Я.**, д-р мед. наук, проф., действительный член РАМН (Томск); **Смирнова С.В.**, канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); **Соловьев А.В.**, канд. психол. наук, проф. (Москва); **Тхостов А.Ш.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Ушаков Д.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Шюлер П.**, д-р психологии (Марбург, Германия); **Юревич А.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); **Яницкий М.С.**, д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	5
-----------------------------	---

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Беляева Е.Н., Вассерман Л.И., Мазо Г.Э.</i> КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА И ОЦЕНКА ФАКТОРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ПАЦИЕНТОК С ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИЕЙ	6
<i>Королев А.А., Соколов Я.В.</i> К ВОПРОСУ О ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ ПРИ КОМОРБИДНЫХ ФОРМАХ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЯ ЭКЗОГЕННО-ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ПСИХОГЕННОЙ ДЕПРЕССИИ)	14

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Черменская Г.Г.</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	19
<i>Виноградова М.Г., Рыжов А.Л.</i> МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В РАБОТЕ С ТЕСТОМ РИСУНОЧНОЙ ФРУСТРАЦИИ С. РОЗЕНЦВЕЙГА. I. Мотивационный аспект	29
<i>Сутормин О.Ю.</i> ФЕНОМЕН АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	44
<i>Тюлюпов Ю.Ф.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМОЙ И ТЕХНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ	52
<i>Шевченко Т.И., Астафьев О.М., Макарова Н.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА МОЛОДЫХ ПОЖАРНЫХ И КУРСАНТОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА	60

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Володина А.Н.</i> ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ К БРЕНДУ	67
<i>Козлова Н.В., Ломоносова Т.Г.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ АКМЕ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	79

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

<i>Савин Е.Ю.</i> ОПЫТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ФАКТОРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ	93
<i>Толмачева Ю.В., Бохан Т.Г.</i> ДИАДНЫЙ КОПИНГ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	102

ИНФОРМАЦИЯ

Международная научно-практическая конференция «Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии» (Владивосток)	112
Из диссертационных советов	117
Наши авторы	119
Правила оформления материалов для публикации в «СПЖ»	122
Содержание журнала за 2011 г.	124

CONTENTS

ADDRES TO READERS	5
CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH	
<i>Belyaeva E.N., Wasserman L.L., Mazo G.E.</i> CLINICAL-PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS AND ESTIMATION OF THE FACTOR OF FAMILY RELATIONS AT PATIENTS WITH POSTPARTUM DEPRESSION	6
<i>Korolev A.A., Sokolov Ya.V.</i> THE QUESTION OF PSYCHICAL RIGIDITY IN CO-MORBID FORMS OF PSYCHIATRIC DISORDERS (THE EXAMPLE OF EXOGENOUS CNS INVOLVEMENT CO-MORBID WITH NEUROTIC DEPRESSION)	14
GENERAL AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON	
<i>Chermenskya G.G.</i> THE VALUE-SEMANTIC BASES AND PROBLEM OF SEARCH OF THE ETHICAL COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE	19
<i>Vinogradov M.G., Ryzhov A.L.</i> QUALITATIVE ANALYSIS IN WORK WITH TEST PICTURESQUE FRUSTRATION S. ROSENZWEIG. I. MOTIVATIONAL ASPECT	29
<i>Sutormin O.Ju.</i> PHENOMENON OF THE SPIRITUAL MAKING PERSON IN THE PROCESS OF CONSTRUCTION OF THE COURSE OF LIFE	44
<i>Tyulyupov Y.F.</i> THE COMPARATIVE ANALYSIS OF TECHNOLOGIES OF INFORMATION PROCESSING BY NERVOUS SYSTEM AND TECHNICAL DEVICES	52
<i>Shevchenko T.I., Astafiev O.M., Makarova N.V.</i> COMPARATIVE STUDY OF PSYCHOLOGICAL STATUS IN YOUNG FIRE-FIGHTERS AND STUDENTS OF THE FIRE AND RESCUE COLLEGE NRCERM, EMERCOM OF RUSSIA	60
SOCIAL PSYCHOLOGY	
<i>Volodina A.N.</i> INFLUENCE OF ADVERTISING ON FORMATION OF THE RELATION OF THE CONSUMER TO THE BRAND	67
<i>Kozlova N.V., Lomonosova T.G.</i> INTEGRATION OF INDICES DECISIVE THE MANAGEMENT POTENTIAL OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE CONDITIONS OF THE HUMANITARIAN AKME-ORIENTED TECHNOLOGIES	79
PSYCHOLOGY OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT	
<i>Savin E.Yu.</i> EXPERIENCE AND PERSONAL CHARACTERISTICS AS FACTORS OF PEDAGOGICAL IMPROVISATION AT STUDENTS	93
<i>Tolmacheva Y.V., Bokhan T.G.</i> DYADIC COPING OF PARENTS AND PRESCHOOL CHILDREN	102
INFORMATION	
International scientific-practical conference «The problem of personality health individual in theoretical and applied psychology» (Vladivostok)	112
From dissertation advices	117
Our avtors	119
Rules of registration of materials in SPM	122
Contents of the magazine for 2011 year	124

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие коллеги и друзья, здравствуйте!

Очередной номер (№ 42) Сибирского психологического журнала выходит в преддверии Нового 2012 года. Пользуясь случаем, хочу поздравить всех читателей журнала с наступающим Новым годом, пожелать крепкого здоровья – физического, психологического, социального и духовного – и творческих успехов! О своих творческих успехах отечественные психологи будут сообщать в 2012 году на 5-м Всероссийском съезде психологов, который состоится 14–18 февраля в Москве. Предстоит большой разговор о достижениях российской психологической науки и практики, ее вкладе в развитие мировой психологии. Оргкомитет Съезда направил членам Президиума Российского психологического общества (РПО) опросный лист; в нем предлагаются вопросы, которые должен задать себе каждый психолог. А поэтому я переадресую эти вопросы нашим читателям, попрошу на них ответить направив информацию в адрес редакции. Ответы могут быть опубликованы в журнале. Вот эти вопросы:

1. Как Вы оцениваете состояние современной российской психологии?

2. Какие теории и направления в психологии на современном этапе Вам представляются наиболее значительными?

3. Назовите наиболее значимые имена отечественных психологов.

4. Какие события и персоны повлияли на Ваше профессиональное становление?

5. Ваш прогноз развития психологической науки и практики на ближайшие 10 лет.

6. В чем Вы видите миссию РПО? Что Вы можете пожелать психологическому обществу накануне съезда?

7. Профессиональное сообщество (РПО) может и должно повлиять на развитие компетенций молодых ученых?

Объем: до 10 страниц.

В следующем выпуске СПЖ (№ 43) мы откроем рубрику «Ответы на вопросы Оргкомитета 5-го Съезда Российского психологического общества».

В завершение своего обращения хочу еще раз поздравить всех читателей с наступающим Новым годом, пожелать крепкого здоровья и пригласить к сотрудничеству с нашим журналом.

Будьте здоровы!

***Главный редактор
Г.В. Залевский***

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.9

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА И ОЦЕНКА ФАКТОРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ПАЦИЕНТОК С ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИЕЙ

Е.Н. Беляева, Л.И. Вассерман, Г.Э. Мазо (Санкт-Петербург)

Аннотация. Проведены клинико-психологическое и экспериментально-психологическое исследования с целью оценки уровневых и содержательных характеристик эмоционально-аффективных расстройств у женщин в послеродовом периоде и выявления роли психогенных факторов в их возникновении. Показано, что наряду с биологическими психосоциальные факторы играют важную роль в возникновении и течении депрессивного расстройства в послеродовом периоде. Данное исследование имеет непосредственное значение для психологической коррекции указанного расстройства.

Ключевые слова: эмоционально-аффективные расстройства; послеродовая депрессия; психологическая диагностика; психосоциальные факторы; психологическая коррекция; психотерапия.

Введение

По эпидемиологическим данным депрессивные расстройства настроения встречаются примерно у 10–13% женщин после родов и являются серьезной проблемой не только для специалистов, наблюдающих женщин в этот период, но и для психиатров, психотерапевтов и клинических психологов [19]. В МКБ-10 послеродовое депрессивное расстройство рассматривается в разделе F-53 (психотические и поведенческие расстройства, связанные с послеродовым периодом и не классифицируемые в других разделах).

Для послеродовой депрессии характерны переживание подавленности, уныния, «отсутствие радости» в связи с рождением ребенка, чувство слабости, усталости, пессимистическая оценка жизненных перспектив, снижение или даже утрата прежних интересов, а также раздражительность, нарушение сна и ухудшение аппетита, когнитивные затруднения (вторичного генеза) [6, 7, 10]. Депрессивное расстройство может возникнуть как в первые недели после родов, так и в течение последующего за родоразрешением года, сочетаясь нередко с тревожными и астеническими проявлениями в эмоциональной сфере [6, 7, 10].

Хорошо известно, что послеродовая депрессия влияет не только на саму женщину, но и на ее взаимоотношения со значимым окруже-

нием, в первую очередь, с новорожденным и семьей в целом. Младенец страдает, поскольку у матери снижается или вообще отсутствует интерес к общению с ним, отсутствуют адекватные эмоциональные реакции на его поведение. Депрессия матери негативно воздействует на развитие ребенка, особенно на его чувство безопасности, удовлетворение актуальных психофизиологических и психологических потребностей. Поэтому, по данным ряда авторов, в первую очередь происходят нарушения в эмоциональной и поведенческой сферах ребенка [13, 17].

Во многих научных публикациях имеются убедительные данные о том, что ведущая роль в возникновении депрессии в послеродовой период принадлежит гормональным изменениям, происходящим в организме родильницы [15, 16]. Ряд авторов отводят также важную роль психогенным факторам в инициации послеродового депрессивного расстройства, подчеркивая взаимосвязи с формами его течения и эффективностью лечения [8, 11, 17, 21]. Очевидно, что патогенез послеродовой депрессии на современном этапе следует рассматривать на основе биопсихосоциального подхода (комплексного влияния биологических, психологических и социальных факторов); это особенно важно для клинических психологов и психотерапевтов. При этом социальные факторы приобретают патогенное значение опосредованно, через личность пациенток с учетом системы их значимых отношений. Так, например, препятствия в реализации личностью своих актуальных социальных потребностей при высокой их значимости и относительно низком уровне компенсаторных возможностей фрустрирует женщин, создает условия для хронического стресса [4, 5].

Семейное окружение играет важную роль в гармонизации эмоционального состояния женщины после рождения ребенка. Участие всех членов семьи особенно важно в формировании адаптационных механизмов к новому уровню жизненного функционирования как матери, так и ребенка, поэтому главной задачей семьи, имеющей новорожденного ребенка, является грамотное распределение обязанностей между ее членами [12, 18].

Как уже отмечалось для женщин, страдающих послеродовой депрессией, характерно наличие высокой тревоги [6, 10]. Исследования, проведенные А.А. Прибытковым (2006), показали, что наиболее распространенным в послеродовом периоде является тревожно-депрессивный тип расстройства, который является основным дезадаптирующим фактором [7].

Важно подчеркнуть, что послеродовая депрессия может возникать как рецидив при склонности женщины к эмоционально-аффективным расстройствам еще до беременности и родов. Так, у 20% из трех тысяч обследованных пациенток, получающих акушерско-гинекологическую помощь, обнаруживались нервно-психические расстройства, из которых распознавались лишь 33% [20]. В результате большинство женщин, нуждающихся в психотерапевтической и психоло-

гической помощи, ее не получают. В нашей стране вопросы распространенности, специфики и клинико-психологической диагностики эмоционально-аффективных расстройств у женщин после родов остаются недостаточно изученными.

Целью настоящего исследования явилось изучение уровней и содержательных характеристик депрессивных расстройств настроения у женщин в послеродовом периоде с оценкой возможностей клинико-психологической диагностики личности и особенностей семейного функционирования для осуществления комплексной коррекции данного расстройства с учетом периода грудного вскармливания ребенка и факторов социального окружения.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на базе послеродового отделения перинатального центра ФГУ «Федеральный центр сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова», в отделении биологической терапии психически больных и лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Основную группу исследования составили 20 женщин с послеродовой депрессией, в возрасте 21–33 лет ($M = 28,4$). В контрольную группу вошли 20 практически здоровых женщин в возрасте 20–37 лет ($M = 26,9$) после родов без признаков депрессивного расстройства. Дополнительно были обследованы 12 женщин детородного возраста 22–37 лет ($M = 29,7$) с депрессивным расстройством в рамках эндогенной депрессии умеренной выраженности, не связанным с родами. По социальным характеристикам (образование, работа, семейное положение, материальное положение) группы значимо не отличались.

Клинико-психологическая диагностика проводилась с помощью формализованных клинических шкал: Эдинбургская шкала постнатальной депрессии (Edinburgh Postnatal Depression Score (EPDS)) [14]; Госпитальная шкала тревоги и депрессии (The Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS)), адаптация М.Ю. Дробизева [1]. Экспериментально-психологическая диагностика осуществлялась с помощью нескольких методик: «Шкала Цунга для самооценки депрессии», адаптирована Т.Г. Рыбаковой и Т.И. Балашовой [2]; «Шкала самооценки тревоги» Цунга [22]; «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale (FACES-3)) Д.Х. Олсона с соавт., адаптированная М. Пере [18, 12]; методика «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ), разработанная Л.И. Вассерманом с соавт. [4].

Результаты исследования

С помощью методики «Эдинбургская шкала постнатальной депрессии» и других специально направленных шкал (HADS, «Шкала

Цунга для самооценки депрессии»), которые применялись в этой работе, было отмечено наличие у женщин депрессивного состояния. В группе здоровых родильниц средняя оценка по EPDS составила $16,9 \pm 0,97$ балла, в то время как в группе женщин с послеродовым депрессивным расстройством были получены достоверно более высокие оценки – $24,42 \pm 2,97$ балла ($p \leq 0,01$).

Анализ данных, полученных по методике «Шкала самооценки депрессии Цунга», показывает, что глубина послеродовых депрессивных расстройств настроения в основном соответствует легкому депрессивному эпизоду ($52,6 \pm 1,54$ балла), в то время как у женщин, страдающих депрессией и не находящихся в послеродовом периоде, данная шкала фиксирует достоверно ($p \leq 0,01$) более тяжелый уровень расстройства ($61,1 \pm 2,51$ балла). По результатам применения методики «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS) лишь у 10% женщин с послеродовым депрессивным расстройством выявлена депрессия, достигающая клинического уровня. Женщины, страдающие эндогенной депрессией, не связанной с родами, в 3 раза чаще имеют клинический уровень депрессии.

Для женщин с послеродовой депрессией характерна следующая симптоматика: сниженное настроение, повышенная утомляемость, обеспокоенность своим состоянием и способностью получать удовольствие от ранее привычных форм функционирования. Этим женщинам трудно выполнять привычную работу и быть социально активными, они склонны к социальной инертности и проявлениям апатии, однако женщины с послеродовой депрессией продолжают осуществлять необходимый уход за ребенком.

Анализ данных, полученных по методике «Шкала самооценки тревоги Цунга», показал, что 90% женщин с послеродовой депрессией испытывают тревогу, которая достигает среднего уровня. Тревога проявлялась в «переживании неясного чувства опасности», «внутреннего напряжения», «ожидания чего-то неприятного, плохого». Женщины жаловались на «беспричинный страх», «неопределенное волнение», проявляли беспокойство за здоровье ребенка, за свое здоровье (исход послеродового периода). Опасения были связаны с началом кормления грудью, при этом женщины нередко выражали сомнения в возможности справиться с материнскими обязанностями. При клинико-психологическом опросе в тревожных переживаниях женщин с послеродовой депрессией отражалась актуальная психотравмирующая ситуация (болезнь новорожденного, конфликты с мужем, опасения за свое здоровье и т.д.). Вместе с тем двигательная активность матери была повышена, наблюдалась психомоторная расторможенность: суетливость, тремор рук, «беспокойная мимика», ускоренная речь.

Следует отметить, что иногда повышение тревоги наблюдается и у здоровых родильниц, но это состояние женщины полностью сами когни-

тивно контролируют и компенсируют. При оценке у них тревоги по методике «Шкала тревоги Цунга» выявлен нормальный или легкий уровень. При исследовании по методике «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS) в среднем оценки находятся в пределах нормы, но у 40% женщин после родов данная шкала фиксирует повышение тревоги. Появлению тревоги у родильниц можно дать объяснение с психосоциальных позиций. Беременность, роды, послеродовой период требуют от женщины мобилизации не только физических сил. В это время напряжение испытывает и эмоциональная сфера. Тревога, возникающая в период так называемого ситуационного стресса, на указанном этапе играет положительную роль, активизируя личностные ресурсы и механизмы стресс-совладающего поведения, направленного сознательно на поиск эффективных стратегий преодоления или избегания фрустрирующих обстоятельств [3, 5].

Ю.Л. Нуллер и И.Н. Михаленко (1988) подчеркивали, что почти у всех больных с депрессией возникают суицидальные мысли [6]. По данным анамнеза и проведенного клинко-психопатологического исследования, суицидальные мысли у женщин с послеродовым депрессивным расстройством наблюдались в 25% случаев. Женщины указывали на эпизодическое возникновение мыслей о «нежелании жить», «причинить себе вред», но при этом относились к этим мыслям с достаточной критикой, суицидальных действий не предпринимали. Отметим, что у женщин, страдающих эндогенной депрессией (группа клинического контроля), суицидальные мысли (по данным историй болезни) появлялись почти в два раза чаще. Наличие новорожденного ребенка, который не в силах о себе позаботиться, ответственность, чувство долга, сохранность базовых ценностей, по-видимому, препятствуют формированию суицидального поведения или реализации суицидальных действий у женщин с послеродовой депрессией.

По результатам клинко-акушерско-гинекологического анамнеза и клинко-психологического исследования было выявлено, что 70% женщин с послеродовой депрессией (также 70% женщин с эндогенной депрессией вне послеродового периода) отмечают наличие у себя предменструального синдрома (ПМС) в анамнезе, в то время как лишь 5% здоровых родильниц испытывают проявления ПМС ($p \leq 0,01$). Послеродовые депрессии встречаются достоверно чаще у женщин при патологическом течении родов (быстрые, стремительные роды, длительный безводный период, слабость родовой деятельности, оперативное родоразрешение) ($p \leq 0,03$). 20% женщин с послеродовой депрессией уже имеют в анамнезе депрессивный эпизод, также 20% женщин, страдающих данным расстройством, испытывали влияние психотравмирующих факторов во время беременности, родов или послеродовом периоде.

Как уже говорилось, особенности семейного функционирования и семейной адаптации у женщин с послеродовой депрессией исследовались с помощью опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности».

Понятие «семейная адаптация» отражает способность семьи приспособляться к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Для женщин с послеродовой депрессией, как и для здоровых родильниц, характерен «хаотичный» тип семейной адаптации. Хаотичность в семьях с новорожденным ребенком вызвана появлением нового члена семьи [18]. Семья с рождением ребенка должна перестроиться на новый вид функционирования, должно произойти естественное «вхождение» нового члена семьи в традиционный уклад семейных отношений. «Хаотичность» в семье с новорожденным ребенком отражает, по-видимому, ситуацию, когда семейная система еще не успела или не смогла, в силу каких-либо обстоятельств, перестроиться и включить своего нового члена в привычный уклад семейного функционирования.

Семьи женщин с послеродовой депрессией характеризуются прежде всего тем, что в них часто нет четко обозначенного лидера. Решения, которые принимаются в семье, подчас импульсивны и подчинены доминирующим на момент решения обстоятельствам, роли членов семьи неясны и часто переходят от одного члена семьи к другому, в семье нет четко закрепленных правил.

«Семейная сплоченность» определяет тип эмоциональной близости членов семьи [18]. Для семей женщин с послеродовой депрессией наиболее характерен «разобщенный» тип семейной сплоченности, в то время, как в семьях здоровых женщин преобладает «связанный» уровень сплоченности. В семьях женщин с послеродовой депрессией каждый член функционирует сам по себе, отношения между членами семьи дистанцированы и отличаются автономностью каждого из них. Члены семей женщин с послеродовой депрессией крайне разделены эмоционально, мало привязаны друг к другу, демонстрируют несогласованное поведение, они часто проводят свободное время раздельно, имеют каждый свои интересы и разных друзей, редко оказывают поддержку друг другу и решают совместно житейские проблемы [18].

При исследовании сфер социального функционирования с помощью методики «Уровень социальной фрустрированности» было обнаружено, что женщины с послеродовой депрессией чаще, чем здоровые родильницы, не удовлетворены взаимоотношениями с родными и близкими ($p \leq 0,05$); взаимоотношениями с друзьями, коллегами ($p \leq 0,05$); своим социальным статусом ($p \leq 0,05$); социально-экономическим положением ($p \leq 0,05$); здоровьем и работоспособностью ($p \leq 0,01$).

При анализе содержательных ответов выявлены факторы, которые склонны оказывать существенное стрессогенное воздействие (в порядке убывания значимости): отсутствие или неудовлетворенность работой, затруднительное материальное положение, неблагоприятные жилищные условия, плохие взаимоотношения с мужем, неудовлетворительный уровень образования, плохие взаимоотношения с родителями.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение:

1. Факторами риска развития послеродовых депрессий по результатам исследования акушерско-гинекологического и психолого-психиатрического анамнезов являются: наличие предменструального синдрома, патологическое течение родов, психические травмы во время беременности, родов и послеродовом периоде, депрессивные эпизоды в анамнезе.

2. Глубина послеродовых депрессивных расстройств в основном соответствует легкому депрессивному эпизоду и в 90% случаев сочетается с тревогой.

3. Семьи женщин, страдающих послеродовой депрессией, характеризуются эмоциональной разобщенностью между членами семьи, они не склонны оказывать поддержку друг другу и решать совместно житейские проблемы, что крайне негативно отражается на адаптации женщины в послеродовой период.

4. Психосоциальные факторы при высокой их личной значимости способны оказывать потенциально патогенное влияние на возникновение и течение послеродовой депрессии и являться стрессогенными для родильницы. К ним относятся: отсутствие или неудовлетворенность работой, затруднительное материальное положение, неблагоприятные жилищные условия, плохие взаимоотношения с мужем и родителями, неудовлетворенность уровнем образования. Для осуществления психопрофилактики послеродовых депрессий и планирования психокоррекционных мероприятий необходимо учитывать не только клинические особенности проявления депрессии и коморбидных с ним эмоциональных расстройств, но и психосоциальный контекст личностного функционирования пациенток.

Данная информация в реальных условиях консультирования и лечения женщин с послеродовой депрессией может быть получена (в дополнение к материалам клинического обследования) с помощью специализированных шкал и методик, с возможностью проведения клинко-психологических сопровождений, в особенности при оценке эффективности психотерапии и психологической коррекции, так как традиционная антидепрессивная терапия осложняется в связи с грудным вскармливанием ребенка.

Литература

1. Андрющенко А.В., Дробижев М.Ю., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий в общемедицинской практике // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 2003. № 5. С. 11–18.
2. Балашова Т.Н., Рыбакова Т.Г. Клинико-психологическая характеристика и диагностика аффективных расстройств при алкоголизме. Л., 1988. С. 19–22.
3. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика. СПб., 2003.

4. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Беребин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение: метод. рекоменд. СПб.: СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2004.
5. Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика. СПб., 2010.
6. Нуллер Ю.Л., Михаленко И.Н. Аффективные психозы. Л., 1988.
7. Прибытков А.А. Клинические особенности депрессивных расстройств невротического уровня в послеродовом периоде: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2006.
8. Скобло Г., Баз Л.Л., Дробинская А. Ей бы радоваться, а она плачет // Материнство. 1997. № 4. С. 80–85.
9. Скобло Г., Баз Л.Л., Дробинская А. Одна депрессия на двоих // Материнство. 1997. № 5. С. 86–88.
10. Смулевич А.Б. Депрессии в общесоматической практике. СПб., 2001.
11. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М., 2002.
12. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб., 2006.
13. Beckwith L. Adaptive and maladaptive parenting: implication for intervention. Cambridge; New York, 1990. P. 53–77.
14. Cox J.L., Holden J.M., Sagovsky R. // Brit. J. Psychiatry. 1987. Vol. 150. P. 782–786.
15. Harris B. Biological and hormonal aspects of postpartum depressed mood // Brit. J. Psychiatry. 1994. Vol. 164. P. 288–292.
16. Murphy P.A., Kern S.E., Stanczyk F.Z., Westhoff C.L. Interaction of St. John's Wort with oral contraceptives: effects on the pharmacokinetics of norethindrone and ethinyl estradiol, ovarian activity and breakthrough bleeding // Contraception. 2005. Vol. 71. P. 402–408.
17. O'Hara M.W. The nature of postpartum depressive disorders. N.Y., 1997. P. 3–34.
18. Olson D. FACES-3. Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale. Family Social Science. Minnesota, 1985.
19. Pop V.J., Komproe I.H., Son M.J. van. Characteristics of the Edinburgh Post Natal Depression Scale in the Netherlands // J. Affect Disord. 1992. Oct. Vol. 26, № 2. P. 105–110.
20. Spitzer R.L., Willams J.B., Kroenke K. et al. Validity and utility of the PRIME-MD patient health questionnaire in assessment of 3000 obstetric-gynecologic patient: the PRIME-MD Patient Half Questionnaire Obstetrics-Gynecology Study// Am. J. Obstet Gynecol. 2000. Vol. 183, № 3.
21. Stein A., Gath P.N., Bucher J. et al. The relationship between postnatal depression and mother-child interaction // Brit. J. of Psychiatry. 1991. Vol. 158. P. 46–52.
22. Zung W.W.K. How Normal is Anxiety? (Current Concepts). N.Y.: Vpjohn Company, 1980.

CLINICAL-PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS AND ESTIMATION OF THE FACTOR OF FAMILY RELATIONS AT PATIENTS WITH POSTPARTUM DEPRESSION

Belyaeva E.N., Wasserman L.I., Mazo G.E. (Sankt-Petersburg)

Summary. Clinical-psychological and experimentally-psychological researches for the purpose of an estimation levels and substantial characteristics of emotionally-affective disorders at woman in the postpartum period and role psychogenic factors in their occurrence. It is shown that along with biological, psychosocial factors play an important role in occurrence and a current of depressive disorders in the postpartum period. The given research has direct value for psychotherapy and psychological correction of the specified disorders.

Key words: emotionally-affective disorders; postpartum depression; psychological diagnostics; psychosocial factors; psychological correction; psychotherapy.

**К ВОПРОСУ О ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ
ПРИ КОМОРБИДНЫХ ФОРМАХ ПСИХИЧЕСКИХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЯ
ЭКЗОГЕННО-ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ
ГОЛОВНОГО МОЗГА И ПСИХОГЕННОЙ
ДЕПРЕССИИ)**

А.А. Королев, Я.В. Соколов (Барнаул)

Аннотация. Описываются особенности проявления психической ригидности, полученные на клиническом материале, в структуре мононозологических психических заболеваний (экзогенно-органические заболевания головного мозга и психогенная депрессия) и в их сочетании. Проводится анализ результатов психометрии, направленный на диагностику степени выраженности психической ригидности, для выявления психодиагностических маркеров, способствующих дифференциальной диагностике коморбидных форм психических заболеваний.

Ключевые слова: психическая ригидность; коморбидные психические заболевания; экзогенно-органическое заболевание головного мозга; психогенная депрессия.

Внимание исследователей к феномену психической ригидности, судя по данным литературы, в последние годы постоянно возрастает [3, 7, 9, 10, 12, 13]. Данная тенденция обусловлена, прежде всего, нуждами практической деятельности клинического психолога, поскольку фиксированные формы поведения, свойственные больным, имеющим в структуре личности выраженные черты психической ригидности, значительно затрудняют процесс психокоррекционной работы с ними. Кроме того, снижая адаптивные возможности личности, выраженный уровень психической ригидности может способствовать развитию ряда психических заболеваний преимущественно психогенной природы. Так, например, ригидность, прямолинейность, бескомпромиссность отмечаются в преморбиде у пациентов, страдающих психогенной депрессией [11].

Признаки высокого уровня психической ригидности характерны и для больных с экзогенно-органическими заболеваниями головного мозга (ЭОЗГМ). Как указывает Г.В. Залевский, психическая ригидность имеет значительно большую степень выраженности при экзогенно-органических поражениях ЦНС, чем при психической норме [5]. Интересен и тот факт, что в «Толковом словаре психиатрических терминов» при определении психической ригидности авторы указывают на ЭОЗГМ как заболевание, при котором она наиболее характерна и достаточно выражена [2].

Отметим, что в практической деятельности клинического психолога встречается большое число больных, имеющих признаки как невротической депрессии, так и ЭОЗГМ, которые характеризуются наряду

с клиническими (согласно концепции Б.Н. Пивень о смешанных формах психических заболеваний) определенными патопсихологическими особенностями.

Целью нашего исследования явилось установление качественных и количественных характеристик проявлений психической ригидности у больных, страдающих смешанными формами психической патологии, на примере сочетания невротической депрессии и экзогенно-органического заболевания головного мозга.

Нами было обследовано 143 пациента, получавших лечение в Алтайской краевой клинической психиатрической больнице им. Ю.К. Эрдмана (дневной стационар № 4, отделение пограничных состояний) в период с 2008 по 2010 г.; возраст больных 18–45 лет (средний $32,2 \pm 2,4$), диагнозы: невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (F43.20, F43.21, F43.22) и органические, включая симптоматические, психические расстройства (F06.6, F07.0). Испытуемые были разделены на три группы. В первую вошли пациенты, страдающие только экзогенно-органическими заболеваниями головного мозга (37 чел., или 25,8%); больные с психогенной депрессией (68 чел., или 47,5%) составили вторую группу; у 38 пациентов (26,5%) имело место сочетание экзогенно-органических расстройств и невротической депрессии – третья группа.

Исследование проводилось до начала медикаментозной терапии. Для оценки психической ригидности использовался Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ), направленный на комплексную оценку психической ригидности. В своей работе мы также использовали личностный опросник ММИЛ [1], где учитывали показатели по 6-й шкале (P_a – аффективная ригидность).

Статистическую обработку материала производили с помощью программ Statistica 6.0 И MS Excel 7.0, применяя непараметрические критерии: критерий Вилкоксона (различия считали значимыми для $p < 0,05$) и ранговый коэффициент корреляции Спирмена (учитывались связи, достоверные для $p < 0,05$).

Как показало исследование, значительные проявления психической ригидности были свойственны пациентам с мононозологическим диагнозом и с коморбидной патологией. Однако согласно квартильной норме степень проявлений психической ригидности у них была различной (табл. 1).

Из таблицы видно, что пациенты 1-й группы имели высокую степень выраженности психической ригидности по шкалам симптомо-комплекса ригидности и ригидности как состояния, во второй группе отмечались высокие показатели по шкалам СКР, СР, РСО и ПМР. В группе же больных с сочетанной патологией высокая степень проявления психической ригидности была зафиксирована по всем основным шкалам, иными словами, имела тотальное проявление.

Т а б л и ц а 1

**Средние значения показателей психической ригидности
у больных разных групп (по шкалам ТОРЗ)**

Шкала	1-я группа	2-я группа	3-я группа
СКР	132,2	139,0	162,9
АР	32,6	36	42,5
СР	37,2	42,5	46,1
УР	29,4	28,2	31,2
РСО	18,2	18,7	18,7
ПМР	37,5	42,5	46,2
ШР	12,0	14,2	12,9
ШЛ	14,4	15,1	14,9

Межгрупповой анализ психической ригидности у больных с разными формами психической патологии показал, что пациенты, страдающие экзогенно-органическими заболеваниями головного мозга в сочетании с психогенной депрессией, отличались достоверно большей выраженностью проявлений СКР, АР, СР, ПМР (рис. 1).

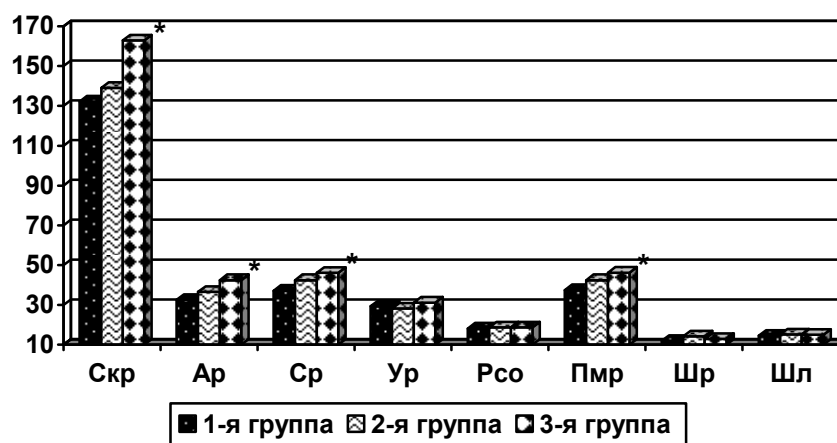

Рис. 1. Межгрупповые различия показателей психической ригидности у больных разных групп (* $p \leq 0,05$)

Преобладание в структуре психической ригидности у больных с коморбидной патологией симптомокомплекса ригидности может говорить об их большей склонности к проявлению широкого спектра фиксированных форм поведения, низкой флексибильности, недостаточной способности к интериоризации опыта и приобретению новых, более эффективных моделей поведения, что подтверждается и более высокими показателями по шкале актуальной ригидности, чем у пациентов 1-й и 2-й групп. Кроме того, у пациентов с коморбидной патологией имеет место более выраженная степень установочной ригидности, что заметно осложняет процесс принятия ими решений, затрудняет спо-

способность объективно оценивать свое поведение и изменять его в соответствии с меняющимися условиями среды. Делая больных более резистентными к психотерапевтическому воздействию и мешая выработке наиболее эффективных паттернов поведения, описанные особенности существенно снижают их адаптивные возможности.

При оценке степени выраженности психической ригидности путем анализа 6-й (P_a) шкалы «аффективная ригидность» личностного опросника ММИЛ, несмотря на некоторое повышение ее показателей (60–65 Т-баллов) у больных всех групп, сколько-нибудь значимых межгрупповых отличий установлено не было (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Средние значения показателей шкалы аффективной ригидности
и межгрупповые различия (по опроснику ММИЛ)**

Шкала	1-я группа	2-я группа	3-я группа	р (1–2)	р (2–3)	р (1–3)
Аффективная ригидность (P_a)	61,5	63,6	62,6	0,22	0,70	0,39

Внутригрупповой корреляционный анализ между шкалами опросника ТОРЗ и шкалой P_a опросника ММИЛ установил лишь достоверные положительные взаимосвязи только у группы пациентов с экзогенно-органическими заболеваниями мозга, в группе пациентов с невротической депрессией и коморбидной патологией наблюдалось отсутствие как положительных, так и отрицательных взаимосвязей, что определенно затрудняет распознавание сочетанной патологии в ходе экспериментально-психологического исследования. Данную особенность можно расценить как низкую чувствительность опросника ММИЛ к проявлению психической ригидности при дифференциальной диагностике сочетанных форм психических заболеваний.

Учитывая полученные данные об особенностях проявления психической ригидности в структуре сочетанной патологии, мы можем говорить о ней как значимой характеристике рассматриваемой группы заболеваний, что необходимо учитывать в процессе дифференциально-диагностического поиска. Результаты исследования дают нам определенные диагностические маркеры, а именно, при выявлении, в ходе экспериментально-психологического исследования, высоких показателей по всем основным шкалам ТОРЗ (причем баллы по шкале СКР будут стремиться к показателям очень высокой степени выраженности ПР) и повышения по шкале 6 (P_a) опросника ММИЛ, вероятность существования у обследуемого экзогенно-органического заболевания головного мозга и невротической депрессии становится достоверно выше. Исходя из установленных особенностей проявления психической ригидности изучаемой группы больных можно предположить, что психокоррекционная работа с пациентами, страдающими сочетанными

психическими расстройствами, будет более трудоемкой и потребует разработки специальных реабилитационных программ.

Литература

1. Березин Ф.Б. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психогигиене) / Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. М.: Медицина, 1976. 176 с.
2. Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / Под ред. Н. Бокова / В.М. Блейхер, И.В. Крук. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 640 с.
3. Варлакова Я.В. Психическая ригидность в патогенезе и психотерапии ишемической болезни сердца: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Я.В. Варлакова. Томск, 2007. 22 с.
4. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: учеб. / О.Ю. Ермолаев. 3-е изд., испр. М.: Флинта, 2004. 336 с.
5. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии / Г.В. Залевский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 272 с.
6. Залевский Г.В. Томский опросник ригидности (ТОРЗ) / Г.В. Залевский // Сиб. психол. журн. 2000. № 12. С. 129–137.
7. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии) / Г.В. Залевский. Москва; Томск: Том. гос. ун-т, 2004. 460 с.
8. Коркина М.В. Психиатрия: учеб. для студ. мед. вузов / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко, И.И. Сергеев. 3-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2006. 576 с.
9. Косова Е.Г. Психическая ригидность как фактор развития посттравматического стрессового расстройства у сотрудников оперативных подразделений, перенесших боевой стресс: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Г. Косова. Томск, 2005. 23 с.
10. Лапина С.С. Психическая ригидность в контексте функциональных асимметрий головного мозга и стиля мыслительной деятельности // Сиб. психол. журн. 2009. Вып. 33. С. 78–79.
11. Пивень Б.Н. Смешанные формы психических заболеваний / Б.Н. Пивень, И.И. Шереметьева. Новосибирск: Наука, 2003. 125 с.
12. Сагалакова О.А. Социальная фобия: психосемантический анализ устойчивых алгоритмов реагирования на социальные ситуации / О.А. Сагалакова // Сиб. психол. журн. 2004. № 19. С. 62–69.
13. Стоянова И.Я. Психологические особенности системно-уровневой модели адаптации у больных с расстройствами психологического спектра / И.Я. Стоянова // Сиб. вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3. С. 94–98.

THE QUESTION OF PSYCHICAL RIGIDITY IN CO-MORBID FORMS OF PSYCHIATRIC DISORDERS (THE EXAMPLE OF EXOGENOUS CNS INVOLVEMENT CO-MORBID WITH NEUROTIC DEPRESSION)

Korolev A.A., Sokolov Ya.V. (Barnaul)

Summary. The specific manifestations of psychical rigidity in structure of mononosological psychiatric disorders (exogenous CNS Involvement, neurotic depression) and their combination, maintained in sufficient clinical material are described. The analysis of the results of psychometric tests used to assess the severity of psychological rigidity in aim to discover any psycho-diagnostic markers abetting the differential diagnosis in co-morbid psychiatric disorders is provided.

Key words: psychological rigidity; co-morbid psychiatric disorders; exogenous CNS Involvement; neurotic depression.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.01

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Г.Г. Черменская (Томск)

Аннотация. Исследуются методологические проблемы научной самоорганизации психологии в контексте становления гуманитарной парадигмы и нового типа рациональности. Показана необходимость транспективного обращения к ценностно-смысловым измерениям человеческого бытия как к предельным понятиям, метафизическая семантика которых всегда выводит за границы конкретной теории, представляя специфику неклассической науки.

Ключевые слова: антропологизация; онтологизация; транспектива; тенденция; «постулат непосредственности».

В классической философской проблематике оснований человеческого разума, сформированной на картезианских принципах противопоставления объективного содержания знания и его субъективных предпосылок, понятия смысла и ценности традиционно выносились за пределы научной рефлексии, а ценностно-нейтральная природа объекта познания создавала научную картину мира вне «жизненного мира» человека. Пресловутый «постулат непосредственности», ориентирующий психологию на обоснование знания по критерию эмпирического соответствия фактам, сделал «нелегитимной» ценностно-смысловую проблематику. Г.В. Залевский с соавторами в аналитической статье по перспективам становления антропологической психологии считают духовность понятием психологическим, разделяя мнение В.И. Кабрина о всё более захватывающем науку «нозтическом ренессансе»: «Надо всё сделать, чтобы греческое название человека “антропос” – “устремлённый вверх”, т.е. к духовности, – не было забыто...» [10. С. 102–103].

Акцент на ценностно-смысловых измерениях человека как саморазвивающейся системы обозначил специфику неклассической и постнеклассической науки, в которой объект познания, не обладающий собственным смыслом, «опредмечивается» – «распредмечивается» в социокультурном контексте. Такой аксиологический дискурс превращает его не просто в систему знаний, а становится способом экзистенции исследователя. Базисный принцип современной философии науки, возвратившей человека в процесс познания, оформил концепцию ос-

мысления знания в контексте культуры: «Человек никогда не есть “что”: его самость заключается в его существовании (т.е. его “что” – это всегда его “как”), – писал М. Хайдеггер. – Экзистенциальная природа человека, позволяя ему осуществлять себя в самых разнообразных модусах бытия, всегда ставит его перед проблемой выбора. Следовательно, то, как человек существует, никогда не может быть определено через его логическую “сущность” или “чтойность”» [22. С. 49].

В. Дильтей, предпринявший попытки преодоления методологической парадоксальности описания и «объективного» объяснения психологических феноменов, предложил две психологии. И если «объяснительная» психология, избегающая метафизики, изучала только психику «без человека», то «описательная» уже проникала «в широкую связь его существования» и рассматривала «субъективную и имманентную целесообразность душевной структуры» как «тенденцию... возвышать жизненные ценности» [8. С. 120–125]. Пространство методологического поиска психологии и сегодня удерживается этой фундаментальной, оформленной ещё В. Дильтеем проблемой понимания, ядром которой являются онтологические основания опыта «очевидности». «Постулат непосредственности» не позволяет «напрямую» изучать ту сверхчувственную сферу, многомерность которой, по В.Е. Ключко, и представляет реальный предмет психологии и которая, прежде всего онтологически, «проблемно», а не «задачно» (на уровне объяснения и описания) связывает предмет с культурными универсалиями.

Транспективный анализ обнаруживает историко-культурные предпосылки системного усложнения психологии как флуктуации новых смыслов её «ставшего» предметного и категориального знания в *переходе* от «задачного» «знания-объяснения» человека к проблеме его «понимания-постижения» (В.В. Знаков). Конкретизируя проблему человеческого в человеке, психология обращается к ценностно-смысловым измерениям его бытия как к предельным (концептуальным) понятиям, метафизическая семантика которых всегда выводит за границы конкретной теории. Поэтому научная самоорганизация психологии – это возможность и необходимость её системного усложнения за счет принятия в себя «своего иного», «... переструктурируясь, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить» [18. С. 91]. И в этом контексте транспективный анализ, по В.Е. Ключко, понимается как *анализ «тенденциональный», «который вскрывает историю осуществляемых ожиданий»* [17. С. 41], объективируя тем самым антропологизирующую тенденцию в процессе становления психологии.

Духовно-практический аспект профессионального «освоения» ценностно-смыслового модуса знания не только превращает гносеоло-

гические категории психологии в онтологические характеристики психологической реальности человека, но и обосновывает относительность и субъективность научной истины. Э. Гуссерль, например, исследуя процесс познания, стремился очистить сознание познающего субъекта от эмпирического содержания «естественной установки», что привело его к идее «жизненного мира», которая позволила ему концептуализировать онтологические предпосылки науки через историческую трактовку познавательного опыта [7]. В такой эпистемологической переориентации с объекта на субъект, на «переживание истины», имплицитная предпосылочность духовного опыта «очевидности» уже фиксируется аналитической триадой «истина – ложь – смысл». Тогда пресловутый психологический «постулат непосредственности» выступает аналогом гуссерлевской «естественной установки» сознания, на которой и строилась классическая гносеология.

«Классика», имплицитно полагающая «объективную» реальность «саму по себе», в «чистом» виде, использовала культурные стереотипы как «самоочевидные», или «понятные без понятия», смыслы. Но такая «очевидная» реальность отнюдь не является естественной в психологии, так как априори *выбирается* на основе ценностной позиции психолога, в рамках которой эмпирические факты, нагружаясь *смыслом*, порождают концепцию психологической реальности. Представления о мире и человеке всегда уникальны, поэтому ценностно-смысловые установки психолога как *сверхчувственные измерения* его многомерного жизненного мира *интенционально* «восстанавливают» принципиально неполную, фрагментарную картину изучаемой реальности, в которой профессионально опредмечивается его человеческий опыт. Интенсивное развитие рефлексивной психологии, проясняя онтологический статус понятия «смысл», сегодня не только предметно определяет качественно иную, «субъективизированную» психологическую реальность, но акцентирует процесс профессионального постижения её многомерности, того, что В.Е. Ключко называет «метасистемностью» профессионального мышления психолога, а по Г.В. Залевскому, квалифицированного психолога можно рассматривать как профессионально «флексибильного» [9, 16].

В «останавливающих бытие» категориях классической психологии отражался не столько феномен Человека, сколько *историческая практика* предметных представлений о нём. «Душа мешает психологии быть научной. Мешает даже имя – Психология», – отмечает В.П. Зинченко, ссылаясь на С.Л. Франка, утверждавшего, что «материалистическая психология утратила право называться психологией» [11. С. 123]. Вопрос «Что есть человек?» не мог быть поставлен классической психологией, «убегавшей» от метафизики в дисциплинарном «межевании» с философией сознания. Но именно этот вопрос с середины XX в. фундирует неклассическую рациональность, которая включила в научную картину

мира сознание познающего субъекта в качестве собственного элемента: «Он есть часть мира и одновременно конструирует мир в своей смыслообразующей деятельности» [22. С. 80].

Необходимость тематизации «непрозрачных», ценностно-смысловых измерений человеческого бытия, которые сегодня должны обеспечивать самоорганизацию и знаниевый порядок психологии, была достаточно очевидна уже К. Юнгу: «Если бы душевная жизнь состояла только из данностей – что, впрочем, еще имеет место на первобытной ступени, – то мы могли бы тогда удовлетвориться прочным эмпиризмом. Однако душевная жизнь культурного человека полна проблематики, без нее она даже вообще невысказима» [26. С. 185.]. Юнг, исследуя природу культурных ценностей, считал «интеграцию бессознательного содержания... наиболее трудной задачей, требующей наивысшего уровня этической ответственности» [27. С. 64]. Но «редукционистское и негативистское» отношение Фрейда к культурным ценностям, основанное «на викторианской ценности “религии вытеснения”», исключало из психологических объяснений «извечные» вопросы морали и сложные образования духовной жизни. Сам же Юнг к концу жизни относился к введённому им понятию коллективного бессознательного уже «как к некой объективной душе» [27. С. 222].

Расхождения Фрейда и его учеников проходят по антропологической границе человеческого с «инстинктоидным». Введённые А. Адлером понятия фиктивного финализма и комплекса неполноценности уже очевидно обращены к сложности феномена человеческой рефлексии и к тому, что сегодня понимается как системная детерминация будущим. Подход Юнга к культурно-символическому контексту субъективного опыта человека предвосхитил появление новых психотерапевтических идей и подходов, обозначив ценностно-ориентированный антропологический тренд во вполне позитивной онтологии психоанализа. Постюнгианцы, разделяя антропологизирующее видение Юнга, пытаются преодолеть ортодоксию фрейдизма, построенного на экспликации интроектов, которые не представляют собой «ничего, кроме» результатов вытеснения сексуального инстинкта, и уже интерпретируют ключевые понятия психоанализа в сущностно человеческом пространстве ценностей и смыслов [27. С. 56–57].

Философия русского космизма, давшая языковую «наработанность» темы Духа и Души в понимании высших устремлений Человека, была ассимилирована Л.С. Выготским, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе, А.В. Ухтомским, В.И. Вернадским, К.Э. Циолковским. Разрабатывающие эту проблематику зарубежные концепции оформились в гуманистическое направление (А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс, Э. Шпрингер, Т. де Шарден, Э. Фромм, В. Франкл, и др.). А. Маслоу, говоря о «психологии Бытия», называет её ортофилософией будущего, которая поднимается над уровнем психологии –

«психопатологии среднего человека» и «теоретически может включить все её открытия в более полную структуру, в которой есть место... и для становления, и для бытия» [20. С. 105].

С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.В. Брушлинский, рассматривая процесс осознания человеком сущности собственной жизни, считали динамику смыслообразования порождающей основой психологической реальности. Феномен *смысла* в методологической рефлексии предпосылок научного познания, прямо указывая на невозможность описания эмпирического объекта «непосредственно» и независимо от духовно-практических процедур его осмысления, имплицитно включает не только «налично-очевидное» в предмете познания, но и то, что «должно» в нём быть с позиций субъекта познания. Многомерное, метафоричное по своей природе понятие смысла («со-мысли») выступает концептом духовных ценностей, в котором выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты. Но именно *ценностный*, определяя духовную жизнь человека, не только мыслится, но эмоционально переживается [5. С. 47–58].

В.Е. Ключко подчёркивает, что «нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. *Смыслы возникали сами*» как «продукты *самоорганизации*, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними: в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Более того, они дислоцировались на предметах, составляющих объективные условия деятельности, выступая как их особые сверхчувственные качества, считываемые эмоциями» [18. С. 98].

В.В. Знаков отмечает нетождественность морали как формы общественного сознания и нравственности как психологической характеристики личности, осознающей необходимость и внутреннюю потребность в исполнении моральных норм. Нравственность, представленная феноменами совести, самооценки и воли, позволяет человеку быть в «соотнесённости» (В.В. Знаков) со своим бытием [14]. Совесть как «вторичная рефлексия» обнаруживает *смысл* нравственных проблем человека и становится фундаментом его самосознания, которое «в нравственном аспекте – не сознание собственной значимости, а сознание собственной ответственности», для которого «более характерно состояние вины, чем состояние довольства, удовлетворенности» [14. С. 41]. В.Д. Шадриков считает, что «только знание, имеющее личностный смысл, адресованный к социальному окружению, становится духовным знанием. Поэтому духовные способности интимно связаны с эмпатией личности, основаны на сочувствии и сопереживании» (цит. по: [13. С. 105]). Духовность, по Б.С. Братусю, – это «индивидуальный

дух», уникальная система смыслов и ценностей, *онтологическая* «истинность» которых делает их атрибутом человеческого бытия. Антропотипическая сущность, представленная «специфическими функциями смысловых образований как основных конституирующих единиц сознания личности», определяет отношение человека к самооценности и потенциальности Другого [2. С. 121–125]. Духовность есть способность к ответственному принятию высших ценностей, которая заставляет человека «осуществляться» в Поступке (М.М. Бахтин). У М.М. Бахтина способность к Поступку есть онтологическое условие духовной жизни как самоосуществления «Я», поскольку «душа – это дар моего духа другому» [1. С. 86–113].

Сегодня психологи уже говорят о понятии души как «базовом концепте, методологическом принципе психологии, необходимом для адекватного теоретического отображения источника психической реальности», допуская, что «генеральным предметом интегральной психологии может стать именно душа» [4. С. 95; 12. С. 37]. Хотя по-прежнему категория души в психологии, скорее, метафора, которую предстоит «операционально» наполнить, но уже существует опыт её психологического понимания, которой исторически был предоставлен феноменом мифа. Миф, по Юнгу, – важная психологическая истина, которая выражает психологическую сущность человека в его предельной, полной субъектности. И если Бог – миф, то он объединяет теологический и научный контексты понимания метафизической сущности человека в его духовном стремлении к возвышению, усложнению ценностно-смысловой многомерности мира, в которой актуализация Самости проявляется предельной субъектностью и, переживаясь как Бог, становится смыслом человеческого существования. В. Франкл, рассматривая невроз как модус человеческого существования, как способ бытия человека в ситуации перманентного выбора, указывает на явную недостаточность его телеологической интерпретации [24]. Только в состоянии со-бытия, «транскоммуникации» (В.И. Кабрин) с уникальностью Другого человек творит культуру, обретая в её смысловой многомерности уникальность духа [15]. Трансцендентная природа смысла – «сверхсмысл» – в логотерапии раскрывается понятием логоса существования и объединяет Франкла с Хайдеггером, считавшим, что только путь к тому, что больше человека, и делает человека человеком, поэтому необходимо перенести акцент с человека на его бытие, в котором смысл как таковой уже содержится [22]. Не случайно у К. Юнга *сверхсмысл* парадоксально сливается с *архетипом* [27. С. 108–120].

Хотя сегодня спорность использования понятия души в качестве базового концепта обосновывается как его неопределённостью (впрочем, как и психики), так и невозможностью классического объяснения на принципах детерминизма и религиозным контекстом этого понятия. Русская Православная церковь считает, что человеческая душа, сама

себя ощущающая, выражающая собственное бытие в речи, мышлении, воли и чувствах, обладает самосознанием, но как божественное творение не может быть исследована наукой. Но И. Пригожин замечает: «Надо ещё, чтобы то, что неразрешимо научно, перестали отождествлять с болтовнёй» [21. С. 292]. Интересно, что А.Н. Леонтьев, определяя психологическую реальность как «единство деятельности и переживания», также понимал под переживанием «явление психики в самой себе» [19. С. 163, 164]. И хотя понятие души не вписывается в детерминистский контекст современной психологии, Л.С. Выготский в своих поздних работах писал, что истинным предметом психологии должны стать переживания человека, «неклассично» исследуя душевное переживание в «Психологии искусства».

В отрицании методологического потенциала понятия души особая роль принадлежит и психоаналитическому «дискурсу бессознательного», который, по мнению Л.И. Воробьевой, стал «наиболее успешной фигурой гуманитарного мышления в XX в.», чем обусловил «беспримерную рефлексивную атаку» на интимное и сокровенное в человеческой душе [6]. Ф.Е. Василюк считает, что историко-культурные условия психотерапии, да и сама психотерапия, стали симптомом утраты духовности современным западным человеком [3]. Говоря «об утрате духовности западным миром», Б.С. Братусь и Л.И. Воробьева имеют в виду «утрату христианской духовности» [6]. Сегодня только начинает обсуждаться сама возможность «христианской», или «нравственной», психологии, антропологический контекст которой определяется экзистенциалами переживания, совладания, преодоления, преобразования жизненной позиции, в которых только и возможна духовная трансформация человека.

Научное осмысление человеческой субъективности, ядром которого становится феномен рефлексии как специфической человеческой способности к самоанализу, всё заметнее обнаруживает тенденцию антропологизации психологии парадигмальным сдвигом «от психики субъекта» к «субъекту психики». В.Н. Мясищев, рассматривая стержневую категорию отношения, в которой человек наиболее полно и осознанно проявляет себя, именно осознанность считал высшим уровнем отношения. А Э. Эриксон понимал под идентичностью не только чувство собственной истинности в пространственно-временном единстве «Я», но и включенность в человеческое сообщество, в котором «этическая способность» как «истинный критерий идентичности» абсолютно необходима для «общечеловеческой идентичности» [25. С. 48, 49]. По В. Франклу, даже в эру отсутствия ценностей совесть есть «орган смысла» у человека, наделённого в полной мере способностью совести [24. С. 38, 295]. Поиск смысла становится важнейшей экзистенциальной проблемой самоактуализирующейся, «суверенной» личности, которая «способна самостоятельно, без посредников выходить к

культуре и вычерпывать из нее основания для сохранения и развития своего многомерного мира, т.е. самой себя», – отмечает В.Е. Ключко [16. С. 16]. Тогда «идея самоотбора» есть тот «реальный выход к процессу порождения многомерной реальности, не создав которую “невозможно действовать”» [16. С. 92].

Рефлексия не только усложняет «мерность» символического пространства жизни человека, но и «объективирует» *духовность* как *о-смысл*-енное переживание ценности отношения к себе, другим и миру, что открывает перед психологией новые отношения категорий человеческого бытия. Антропологическая матрица «психологии бытия» (А. Маслоу) как пространства человеческого «жизнетворчества» (С. Мадди) не только связывает различные теоретические подходы, но и выражает «характерную особенность открытых саморазвивающихся систем, способом существования которых является закономерное усложнение их системной организации. В этом “вперед и выше” заложен громадный смысл, ибо “назад и ниже” для саморазвивающихся систем равнозначно деструкции и гибели. И это справедливо как по отношению к человеку, так и по отношению к науке, представляющей собой особым образом организованную совместную мыслительную деятельность» [18. С. 97].

Культура постмодерна, оформив большие нарративы Становления и Духа, выявила необходимость методологического перехода от «дискретной психологии» к «психологии поля», в которой, как отмечает В.Е. Ключко, «мир человека» понимается «не как... “пространство для жизни”, а как... многомерное пространство жизни, в организации которого особая роль принадлежала смыслам и ценностям. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. В связи с этим требовался другой принцип понимания и объяснения» [18. С. 96]. Нелинейная, открытая, метафизичная и метафоричная в своей логической неразрешимости, «полевая» психология подчинена иным логикам – не столько формальной логике объяснения, сколько – понимания («нарративной», по Ф. Анкерсмит, «логике неопределённости», по А.Г. Асмолову), в которых процесс самоосуществления «субъекта» выражается непрерывным усложнением метафизического наполнения психологических категорий. Классическая психология, отказавшись от ценностно-смысловой многомерности человеческого бытия, лишилась *смыслового* источника своего научного становления и пыталась «обнаружить» Человека во множестве семантически замкнутых и поэтому ограниченных его объяснений. Неклассическая же «психология поля» строится на семантически безграничных нарративах понимания-интерпретации, так как «в каждом акте взаимодействия человек отражает объект и себя самого (свое отношение), особым образом представленное в объекте» [18. С. 98].

Таким образом, обращение к ценностно-смысловым измерениям человеческого бытия как к необходимой этической составляющей предпосылочного знания объективирует тенденцию антропологизации психологии, причём *онтологическая функция феноменов ценности и смысла заключается в связывании внутреннего опыта с внешними формами* в «духовно-душевно-телесном со-ответствии в человеке» [10. С. 102].

Литература

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 86–113.
2. Братусь Б.С. Начало Христианской психологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1995. 234 с.
3. Василюк Ф.Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1.
4. Волков И.П. Слово о душе, необходимое для развития отечественной психологии // Тр. Ярослав. методологич. семинара. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. 336 с.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2001. Т. 60, № 6.
6. Воробьева Л.И. Психотерапия как новая антропологическая практика // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 30–38.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Вл. Даль, 2004. 400 с.
8. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.
9. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва; Томск: Том. гос. ун-т, 2004. 460 с.
10. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и её здоровья // Сиб. психол. журн. 2009. № 33. С. 99–103.
11. Зинченко В.П. Субъективные заметки о психологической диагностике // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 121–132.
12. Зацепин В.И. О регуманизации психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Тр. Ярослав. методолог. семинара. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. 336 с.
13. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопр. психологии. 1998. № 3.
14. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психол. журн. 2003. Т. 24, № 2. С. 95–106.
15. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
16. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сиб. психол. журн. 1998. Вып. 8–9. С. 7–15.
17. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
18. Клочко В.Е. Смысловая теория мышления в транспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 87–101.

19. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
20. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997. 304 с.
21. Пригожин И. Человек перед лицом неопределённости. Москва; Ижевск: ИКИ, 2003. 304 с.
22. Ставцев С.Н. Введение в философию Хайдеггера. СПб.: Лань, 2000. 192 с.
23. Степин В.С. Становление норм и идеалов постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. 1997. № 3.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
25. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
26. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
27. Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 320 с.

THE VALUE-SEMANTIC BASES AND PROBLEM OF SEARCH OF THE ETHICAL COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

Chermenskya G.G. (Tomsk)

Summary. Methodological problems of scientific self-organizing of psychology in a context of formation of a humanitarian paradigm and new type of rationality are investigated. Necessity transspektiv references to value-semantic dimensions of human life as to the limiting concepts which metaphysical semantics always deduces for borders of the concrete theory is shown, representing specificity of a nonclassical science.

Key words: antropologization; ontologization; transspektiv; approach; a tendency; «the postulate of immediacy».

МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В РАБОТЕ С ТЕСТОМ РИСУНОЧНОЙ ФРУСТРАЦИИ С. РОЗЕНЦВЕЙГА

I. Мотивационный аспект

М.Г. Виноградова, А.Л. Рыжов (Москва)

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социально
детерминированные формы нарушения самоидентичности» № 11-06-00257a*

Аннотация. Рассматриваются возможности использования метода рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в клинической психологии. Предлагается и обосновывается применение метода качественного анализа к материалам методики, что подразумевает отход от формальной схемы, внимание к способам выполнения задания, учет последовательности ответов, контекста и модификации инструкции. В соответствии с традициями отечественной психологии при рассмотрении особенностей и нарушений психической деятельности, выявляемых методикой, выделяются четыре аспекта: мотивация, контроль и критичность, динамика, а также инструментальный аспект. Подробно описываются феномены, наблюдаемые при рассмотрении мотивационного аспекта.

Ключевые слова: метод рисуночной фрустрации Розенцвейга; качественный анализ; нарушения мотивации; идентификация в проективных методах.

Разработанный С. Розенцвейгом тест рисуночной фрустрации (P-F Study)¹ популярен среди отечественных психологов. Для русскоязычной выборки переведены и адаптированы взрослый [6] и детский [2] варианты. Простота проведения, наличие формализованной схемы обработки результатов, четкость и ясность получаемых показателей, трактовка которых не требует глубокого знакомства с имеющимся концептуальным обоснованием, являются достоинствами методики. Немаловажно и то, что методика дает количественные данные, которые подходят для дальнейшей статистической проверки значимости и достоверности различий в случае научного исследования. При этом традиционно P-F Study считается проективной методикой, т.е. относительно свободной от сознательного искажения результатов, имеющей «глубинную» направленность².

¹ P-F Study, P-F – это принятая и использовавшаяся автором аббревиатура от английского названия Picture-Frustration Study. В отечественных работах используются такие обозначения, как тест Розенцвейга, метод исследования рисуночной фрустрации Розенцвейга и пр., которые мы будем использовать как синонимичные.

² Оговоримся, что сам автор называл методику полупроективной и указывал, что результаты могут отражать разные «уровни поведения» (см. обсуждение ниже). Тем не менее указывалось на ее родство с ТАТ и ассоциативным экспериментом [26]. Автор также считал, что P-F может использоваться для демонстрации и экспериментальной

По замыслу автора методика направлена на исследование реакций на фрустрацию. Им предложена классификация типов и направлений реакций в ситуации фрустрации: (экстрапунитивное – E-A, интрапунитивное – I-A, импунитивное – M-A, направления и типы с фиксацией на препятствии – O-D, самозащите – E-D, потребностно-упорствующий – N-P³). Эти категории получили широкое распространение и могут рассматриваться как имеющие самостоятельное значение, например при описании индивидуальных особенностей адаптации (с использованием понятия «фрустрационной толерантности», введенного Розенцвейгом). Контекст применения методики на данный момент в основном ограничивается исследованием агрессивности, прежде всего «вербального агрессивного поведения», с использованием тех же категорий при интерпретации результатов [28]. В отечественных работах встречается трактовка P-F как метода исследования особенностей межличностного взаимодействия, с опорой на все ту же предложенную С. Розенцвейгом классификацию вариантов ответов (например, [4]).

В дополнение к формальной схеме анализа данных методики, знакомство с которой является, на наш взгляд, необходимым, мы предлагаем использовать метод качественного анализа. Это позволяет существенно расширить возможности применения P-F Study в клинике. Идея качественного анализа заложена в самом названии, на котором настаивал С. Розенцвейг, подчеркивая, что P-F – это больше чем тест, это метод исследования реакций на фрустрацию [10]. В сравнении с нормативными, «групповыми» показателями (отклонениями от средних данных по выборке) большее значение Розенцвейг придавал анализу идиодинамики, т.е. соотношению, балансу различных ответов в протоколе. Таким образом он указывал на относительность получаемых числовых данных. В совместной статье со С. Адельманом С. Розенцвейг отмечал, что конструктивная валидность методики «наполовину определена психометрическими критериями, а наполовину находится под влиянием клинических факторов, включающих способности, умения и опыт интерпретирующего» и должна учитывать взаимодействие субъекта, ситуации и экспериментатора [29]. Элементы качественного анализа содержатся в выделении эго-блокинг-овых и суперэго-блокинг-овых ситуаций, в анализе трендов, а также в тщательном и дифференцированном описании отдельных ответов на каждую стимульную ситуацию, предложенном в авторском руководстве по мето-

проверки некоторых постулатов проективной методологии (например, [27, 28]). В большинстве современных исследований методику определяют либо как проективную, либо как полупроективную, либо отмечают ее «непрямой» характер.

³ Напомним, что при кодировании ответов направление агрессии шифруется соответствующей первой буквой (E, I, M), а тип реакции – апострофом (для O-D), заглавным (для E-D) или строчным (для N-P) регистром. Например, E' обозначает экстрапунитивную реакцию с фиксацией на препятствии.

дике [23]. Но последовательно метод качественного анализа не был разработан ни самим Розенцвейгом, ни, насколько нам известно, другими авторами, поскольку формальные категории оставались неизменной основой для дальнейших выводов и интерпретаций.

Несмотря на ряд вызывающих оптимизм сообщений, С. Розенцвейг сохранял скептическое отношение к диагностическим возможностям методики в клинике (хотя клиническая направленность была очевидна в его ранних работах, где типы и направление агрессии связывались с защитными механизмами и через них с типами характера, например, истерическим, obsessивным, параноидным [24, 25, 27, 29]). Были предложения по модификации схемы интерпретации данных методики. Коше и Михан, сетуя на то, что не совсем понятен смысл отдельных показателей для клинициста, предлагали при помощи факторного и кластерного анализа выделить диагностически значимые паттерны [9]. Напротив, Грейбилл с соавт. [13] предлагали вовсе отказаться от категорий агрессии (т.е. типа и направления реакций) и опираться исключительно на отдельные кодируемые «факторы» (например, М' – «отрицание фрустрации», I – «самообвинение», е – «обращение за помощью»), которые для Розенцвейга имели скорее техническое назначение, поскольку именно категории рассматривались как базовые конструкты методики. Как показало упомянутое выше исследование, корреляция «факторов» внутри объединяющих их категорий не только является по большей части незначимой, но иногда и значимо отрицательной. Однако в таком случае сама обоснованность выделения девяти «факторов», полученных в результате дедуктивной теоретической классификации, ставится под вопрос.

Другое направление совершенствования метода интерпретации данных связано с дифференцированным анализом ответов на разные ситуации. Раухфлейш [22] использовал деление ситуаций на эго- и суперэго-блокинг-овые, сравнивая невротиков, психопатических и нормальных испытуемых. В работе с детским вариантом методики рекомендуется проводить сравнение ответов в ситуациях ребенок–взрослый и ребенок–ребенок [15, 31]. Грейбилл [12] предложил выделять ситуации с высокой, низкой и неопределенной степенью агрессивного содержания, доказывая, что последние более чувствительны к проявлениям индивидуальных различий в склонности к атрибуции враждебных намерений.

Все эти попытки, однако, так или иначе ограничены рамками «тестового» подхода. Более пригодным для решения данных проблем является метод качественного анализа. Нам также представляется, что при интерпретации данных методики необходимо отказаться от обязательного увязывания получаемых результатов с проблемой фрустрации–агрессии, поскольку результаты выполнения проявляют целый ряд других важных характеристик психической деятельности испы-

туемого, и нередко именно они выходят на первый план. В этих случаях трактовка в терминах фрустрации–агрессии может оказаться ошибочной и иррелевантной рассматриваемому случаю. Кратко сошлемся здесь на результаты исследований.

Так, в ряде работ ставилась проблема связи между поведением в реальных жизненных ситуациях фрустрации и результатами Р-Ф. С. Розенцвейг определял этот аспект как исследование «открытого» уровня поведения и в целом склонялся к мнению, что методика является валидным инструментом именно для анализа «вербального агрессивного поведения» (оговариваясь, кстати, что это верно для «нормальной популяции» [29]. Результаты исследований, однако, неоднозначны. В исследовании Симоса [30] врачам-психиатрам было предложено оценить особенности поведения больных по тем же категориям, по которым проводится интерпретация тестовых данных, что не дало соответствия. Значительное число пациентов, демонстрировавших «интрапунитивное» поведение, по результатам теста показали преобладание «экстрапунитивных» реакций, что позволило автору предположить, что они используют Р-Ф как «катартическое средство». Хольцберг и Познер (Holzberg, Posner, 1951) не обнаружили связи показателей теста с асертивностью, Альби и Гольдман (Albee, Goldman, 1950) – с открытой агрессией психиатрических пациентов, Уолкер (Walker, 1951, все по Lindzey, Goldwyn, 1954) – с враждебностью в клиническом интервью. Одно из наиболее оригинальных исследований было проведено Мельманом и Уайтманом [20], которые после предъявления методики экспериментально моделировали аналогичные ситуации с участием испытуемого и оценивали его поведение в них. Корреляции не отличались от случайных. В исследованиях Грейбилла [14] агрессивные ответы школьников в тесте выявили связь с показателями враждебности по данным самоотчета, но не с соответствующими оценками учителей. Это противоречит сравнительному анализу результатов различных исследований на взрослых, проведенному Розенцвейгом и Адельманом [29], согласно которому методика в меньшей мере отражает уровень «мнения» (opinion), а в большей – открытого поведения. Были получены также заметные гендерные различия (более враждебные ответы у мальчиков), что позволило авторам обсуждать роль социальных стереотипов в детерминации ответов⁴.

Некоторые исследователи склоняются к точке зрения, что Р-Ф отражает агрессивную идеацию (though content). Однако связь агрессивного фантазирования и Р-Ф также неоднозначна. Агрессивное содержание в проективных методиках ТАТ, тесте Роршаха оказалось не свя-

⁴ Ср. с несколько отличающимися данными исследования Басу [8], где не было получено различий в паттернах ответов между мальчиками и девочками, в то время как для мальчиков и для девочек различия были отмечены для ответов в ситуациях, когда персонажи являются мальчиками или девочками.

занным с соответствующими категориями Р-Ф в исследованиях Линдси [16]. Автор заключает, что Р-Ф не является сенситивной методикой для выявления особенностей агрессивного фантазирования. К выводу о том, что метод нечувствителен к глубинным проявлениям агрессивности, пришла также Макдонаф в результате исследования больных с артериальной гипертензией [19].

Более обнадеживающими являются результаты исследований, в которых выполнение Р-Ф связывалось с актуальными, осознаваемыми агрессивными переживаниями. В них рассматривалось влияние экспериментально вызванной фрустрации на показатели теста⁵. Не во всех исследованиях различия были значимы, однако в целом результаты сходны и указывают на возрастание числа экстраагрессивных ответов при снижении интраагрессии (хотя можно отметить, что для эгозащитных реакций и реакций с фиксацией на препятствии были получены противоречивые данные). Увеличение у детей процента экстрапунитивных реакций вслед за агрессивной игрой было показано Локвуд и Роллом [18]. То есть методика чувствительна к агрессивности, связанной с актуальной ситуацией, что затрудняет оценку стабильных личностных особенностей⁶. С. Розенцвейг, отметим, неоднократно подчеркивал, что метод направлен на исследование доступных всем поведенческих реакций, а не личностных черт как таковых [28] (ср. с пониманием диагностического значения «типа переживания» Г. Роршахом). О том же говорят исследования ретестовой надежности, где полученные коэффициенты колеблются от 0,5 до 0,66, указывая на взаимодействие личностных и ситуативных факторов [29].

Мы намеренно уделили внимание работам, в которых ставятся под сомнение различные аспекты традиционного использования Р-Ф Study. Это не отрицает диагностическую ценность методики, и можно было бы привести обширный список работ, подтверждающих ее валидность. Нашей задачей было показать, что однозначная интерпретация результатов таит в себе опасность ошибки, особенно в клинико-психологической практике.

⁵ Линдси, вероятно, были осуществлены наиболее изощренные эксперименты, где испытуемым нарочно причиняли боль, делая пробу крови из пальца, давали выпить литр жидкости, не позволяя затем помочиться в течение трех часов, заставляли голодать до 12 часов и затем моделировали неудачу в соревновании в группе, где в присутствии двух привлекательных девушек и двух студентов испытуемый демонстрировал худший результат в попытке заработать весьма заманчивое денежное вознаграждение.

⁶ Возможно, для объяснения этих результатов будет оправдано применение гипотезы, согласно которой показатели типа реакции носят более «проективный» характер, чем показатели направления агрессии [27], и таким образом скорее отражают устойчивые характеристики личности.

Метод качественного анализа в клинической психологии

Общие принципы качественного анализа, как он традиционно понимается в клинической психологии, подразумевают отход от измерительной парадигмы и метода тестирования. В отечественной психологии качественный анализ является основным принципом построения патопсихологического эксперимента [3]. Числовые данные могут использоваться в рамках качественного анализа с целью наглядности и удобства описания выполнения задания испытуемым, а не как выражение самих исследуемых психологических переменных. Методики, предназначенные для качественного анализа (такие как большинство традиционных патопсихологических методик), могут быть определены как клинические инструменты. Целью таких методик является помощь в выявлении особенностей психической деятельности испытуемого: совершаемых им ошибок, основных трудностей, стилевых характеристик и пр. Если в случае теста диагностический вывод обоснован статистическим аппаратом, заложенным в нем, то в случае клинического инструмента этот вывод делается самим психологом в результате анализа и сопоставления полученных данных. Сама же методика лишь вскрывает, делает доступным для анализа репрезентативный материал, позволяя наблюдать больного в его реальной деятельности. Важными для клинического инструмента являются не надежность и другие психометрические характеристики методики⁷, а способность отразить и детально описать специфические нюансы деятельности, которые иначе могут ускользать от исследователя.

Стоит отметить, что качественный анализ не тождествен глубинной интерпретации, использующейся в проективной методологии, и имеет иную направленность. В то же время приемы анализа так называемых «формальных», стилистических характеристик в проективных методиках близки традиционному «качественному анализу».

Применение качественного анализа к данным теста Розенцвейга

В отношении P-F Study качественный анализ может быть реализован следующими способами:

А. Через обращение к нюансам и специфическим особенностям ответов испытуемого. Это подразумевает отход от формальных категорий как исходного материала для интерпретации. Ответы, по формальной схеме попадающие в одну категорию (один «фактор»), могут быть различными по содержанию и диагностическому значению. Так, не менее

⁷ По сути психометрические параметры и не являются применимыми для оценки клинических инструментов [1. С. 483].

важным, чем экстрапунитивное или интрапунитивное направление агрессии, является обращенность к другому или его избегание: т.е. предполагается ли соучастие, взаимодействие, ответная реакция другого или возможность коммуникации «закрывается». Для качественного анализа необходима подробная и максимально точная запись ответов и любых особенностей поведения и взаимодействия с психологом в ходе выполнения методики. Могут также привлекаться оценочные категории, разработанные для других методик. Например, предложенное Д. Рапапортом для рассказов ТАТ определение «общего аффективного тона» ответов – беззаботность, раздраженность, подавленность, циничность, тревожность и пр. – может давать представление о восприятии испытуемым межличностных отношений, ожиданиях от них [21].

Б. Через анализ последовательности (динамики) ответов, сопоставление реакций на различные изображенные ситуации и их дифференцированный анализ с тщательным изучением особенностей самого стимульного материала. И если в формальной схеме С. Розенцвейга анализ динамики ограничивается рассмотрением «трендов» (различий между первой и второй половиной ответов испытуемого), а также сравнением реакций в эго-блокинг-овых и суперэго-блокинг-овых ситуациях (последний аспект не формализован), то важной составляющей качественного анализа является учет любых факторов, определяющих изменчивость ответов.

Отметим, что качественный анализ подразумевает анализ протокола в целом, что в некоторых случаях затрудняет приведение точных примеров как иллюстрации нарушений.

В. Через опрос и модификации инструкций. Опрос С. Розенцвейг рекомендовал проводить с целью выяснения того, к какому уровню поведения следует отнести проявившиеся при выполнении методики особенности реакций на фрустрацию, т.е. отражают ли они типичные способы поведения, представление о себе или относятся к агрессивному фантазированию. Подобной цели можно добиться через модификации инструкции с предложением ответить, например, «по-справедливости» или «как Вы бы повели себя на месте изображенного персонажа», «какие бы ответы дал бы обычный человек». Подобные модификации инструкции тем более необходимы, если мы полагаем, что существуют выраженные особенности мотивационного отношения к заданию, которые могут исказить его результаты. Следует, безусловно, соблюдать осторожность в вариациях процедуры проведения и учитывать, какое влияние она оказывает на результаты, но в некоторых случаях гибкость психолога и экспериментирование с содержанием предлагаемого задания необходимы для того, чтобы получить значимый клинический материал. В качестве же исследовательского приема (т.е. в научных работах) модификации инструкции и процедуры проведения методики неоднократно и продуктивно использовались, особенно в

отечественных исследованиях (например, Ф.С. Сафуанова, С.Н. Ениколопова, П.М. Якобсона, Н.В. Тарабриной).

Г. Наконец, качественный анализ может реализовываться через привлечение данных, позволяющих понять контекст обследования, сравнение с результатами других методик, анализ коммуникации с психологом. С этой точки зрения ситуация проведения теста Розенцвейга может рассматриваться с позиций общей методологии проективного исследования как метакоммуникации [5].

Данные качественного анализа, которые позволяет получить тест Розенцвейга, преимущественно относятся к четырем аспектам психической деятельности испытуемого, а именно: особенностям мотивации, контроля и критичности, динамическому и инструментальному аспектам. Рассмотрим их последовательно.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ

Специфика мотивации испытуемого должна быть проанализирована в первую очередь, поскольку это необходимо и для адекватной квалификации других наблюдаемых в эксперименте феноменов. Ее удобнее рассматривать, выделяя, с одной стороны, особенности отношения к заданию, ситуации обследования в целом, что можно назвать «экспериментальной мотивацией», и, с другой стороны, особенности эмоционального отношения к предъявляемым стимулам.

Экспериментальная мотивация

Распространенным вариантом, который можно считать условно «нормативным», является трактовка испытуемым методики как задания на исследование его способов взаимоотношения с людьми. Соответственно, ожидаемым может быть стремление испытуемого показать свою компетентность в общении, проявить способность к пониманию психологии и логики человеческих поступков, отразить свою индивидуальность в условиях социального взаимодействия. В немалой степени экспериментальная мотивация задается извне: через информирование испытуемого о цели исследования, через особенности контакта, степень его формальности или доверительности – как в ситуации проективного исследования или тестирования способностей, или экспертизы. На этом фоне индивидуальные различия в восприятии и отношении к заданию приобретают особое диагностическое значение.

Спектр проявлений особенностей мотивации в методике крайне широк, но в точном смысле слова нарушения на мотивационном уровне целесообразно называть те случаи, когда происходит подмена задания, не позволяющая в полной мере интерпретировать полученные результаты в традиционном ключе.

Одним из наиболее часто встречающихся вариантов, особенно при работе с подростками, является стремление шокировать экспериментатора, бравада подчеркнута асоциальными ответами. Такое поведение отражает значимость внешней оценки с одновременными тревожными ожиданиями пренебрежения, отвержения и т.п. По форме противоположным, но содержательно близким является подчеркнутое игнорирование в предлагаемых репликах своих интересов в пользу окружающих, демонстративная жертвенность. Общее мотивационное основание этих реакций – сверхзначимость социальной оценки – подтверждается теми случаями, когда они сочетаются в одном протоколе.

Существуют другие формы подмены задания. Одной из них является занятие особой позиции пренебрежения, обесценивания по отношению к изображенной сцене и ее участникам. Испытуемый отвечает свысока, противопоставляя себя тому, как скорее всего повели бы себя изображенные герои, глупые, наивные, неудачливые, необразованные или малокультурные, таким образом демонстрируя свое превосходство над ними. Так, например, ребенок может обратить внимание на то, что изображенный персонаж – девочка, и ответить: «Ну, девчонки всегда в таких ситуациях нить начинают: «Ну, мама, ну купи, ну купи мне куклу!!!». Подобное обесценивающее, надменное отношение нередко носит устойчивый характер, в результате чего искажается весь паттерн ответов, отражая в первую очередь особенности отношения к другим людям (хотя результаты формального анализа по предложенной автором методики схеме все равно могут представлять определенный интерес). В ряде случаев угадывается специфическая трактовка методики, как потенциально способной принизить испытуемого, что, вероятно, и лежит в основе данного паттерна ответов.

Для некоторых испытуемых формальные задачи обследования отступают на второй план, зато ситуация тестирования предстает для них прекрасной возможностью завладеть вниманием психолога. Демонстративность может по-разному проявляться в методике, в том числе в виде описанных выше нереалистичных, не вызывающих доверия жертвенных ответов, покорности, за которой не удастся скрыть совсем другие переживания («Ничего страшного, мне все равно видно маленький кусочек экрана», что получает по формальной схеме двойную шифровку Е', М').

Более специфичными, однако, являются такие особенности, как личностные комментарии («вот у меня такое было в кафе...»), подчеркнутая яркость, эмоциональность ответов, использование моральных шаблонов с элементом театральности, крайняя противоречивость, стремление вовлечь психолога во взаимодействие, добиться от него ответа («ведь так нехорошо поступать, правда?», «а как бы Вы ответили на моем месте?»). Испытуемый пытается сделать обследующего соучастником, разделяет с ним ответственность за данные ответы, вплоть

до того, что иногда происходит переворачивание ситуации (испытываемый как бы обследует психолога).

Потребность в постоянной поддержке, принятии, подкреплении является общим радикалом подобных реакций (сама доброжелательная нейтральность психолога является для истерического испытуемого вызовом, тем льдом, который необходимо растопить). То есть именно этой группе испытуемых особенно присуще стремление представить себя в наиболее выгодном свете, что может принимать разные, подчас гротескные формы. Так, иногда возникает подчеркнутая «наивная серьезность». Ее проявлениями могут быть чрезмерная включенность в изображенную ситуацию, избыточная идентификация с персонажем, трактовка конфликта как конкретного реального случая: «Но так же нельзя делать!» (испытываемый предлагает не ответ за персонажа, а высказывает собственное отношение к изображенной ситуации), «Тут надо обязательно позвать милиционера, иначе как потом докажешь, кто прав?». С другой стороны, «наивная серьезность» может найти свое выражение в попытке заниматься нравоучениями, привлечении моральных норм, значение которых несопоставимо с содержанием стимульной картинки. Важную роль может играть подчеркнутое стремление быть правильным, хорошим испытуемым, что будет отражаться в несколько наивном и поверхностном поиске «верных» ответов, с использованием моральных шаблонов (ищется такой ответ, который поможет понравиться психологу, предстать перед ним в выгодном свете).

Поиск правильных ответов и избыточное рассуждательство могут иметь другой характер, что встречается у традиционно противопоставляемых истерическим личностям пациентов с обсессивными чертами, а также у некоторых шизоидов. Их выполнение методики напоминает процесс решения задачи, а сама методика предстает для них как нечто подобное тесту на интеллект или коммуникативную компетентность. Они навязчиво и иногда мучительно пытаются угадать единственный истинный ответ или предлагают несколько, вводя дополнительные условия задания и создавая «дерево решений». Очевидно, за подобной тактикой могут стоять как крайняя неуверенность и желание избежать ответственности за выбор ответов, так и некоторая эмоциональная дефицитарность и трудности идентификации.

В отличие от описанного выше, встречаются пустые, бессодержательные комментарии, мало связанные с изображенной ситуацией, по сути являющиеся резонерскими. Это может быть проявлением грубых нарушений мотивационного компонента познавательной деятельности, подробно описанных в классических патопсихологических работах (Б.В. Зейгарник, Т.И. Тепеницына, М.М. Коченова, В.В. Николаева).

Особый вариант искаженного понимания экспериментальной ситуации представляет убежденность в существовании скрытого смысла задания, отражающаяся в настойчивых попытках понять его суть, по-

исках «правильного» ответа. Внешне это могут быть вполне безобидные уточняющие вопросы, социально желательные ответы, рассуждения, предваряющие ответ, настороженное внимание к реакции психолога и поспешное изменение уже прозвучавшего ответа. Такое поведение свойственно испытуемым, для которых обследование имеет чрезвычайную значимость и наиболее ярко проявляется у больных с параноидными чертами, причины настороженности которых лежат вне объективной ситуации. Но подобный паттерн может быть проявлением установочного поведения, например, при выписке из больницы, переводе из наблюдательной палаты или решении вопросов экспертизы.

Кроме ярких вариантов подмены и искажения экспериментальной мотивации, интерес могут представлять также и менее выраженные индивидуальные различия, проявляющиеся в специфичных тактиках выполнения задания, которые позволяют уточнить значение ответов. Примерами могут служить послушное, конформное, несколько формальное следование требованиям экспериментальной ситуации (увеличивающееся число импунитивных ответов, ответов с элементом социальной желательности – *i*, *E*, *m*) или сверхсерьезное, прилежное выполнение с потребностью обязательно определить ответственного за сложившуюся ситуацию, ее разрешение (могут чаще встречаться ответы *E*, *I*, *e*, *i*, а также соответствующие комментарии). Встречается и акцентированное стремление добавлять элемент драматизма (может увеличиваться число экстрапунитивных ответов, когда испытуемый получает очевидное удовольствие от разыгрывания ролей, что позволяет ему экстернализовать и символизировать внутренний конфликт). Прототипом подобной тактики у детей является игровое отношение к заданию.

Отдельно следует выделить стремление рассмешить экспериментатора. С. Розенцвейг специально указывал, что юмористические ответы могут быть, тем не менее, зашифрованы по формальной схеме (по [29. Р. 583]). Это не значит, что юмор или ирония в ответе не имеют значения для диагноста. Поскольку желание насмешить может иметь разные источники, требуется более детальный анализ ответов. Чаще всего его можно трактовать как соблазняющее или защитное (избегающее) поведение. С учетом того, что в полной инструкции подчеркивается необходимость серьезно отвечать на вопросы, повторяющиеся юмористические ответы могут рассматриваться как мотивационное нарушение.

Идентификация и эмоциональное отношение

Вариации экспериментальной мотивации не исчерпывают весь спектр мотивационных особенностей, которые могут быть выделены на материале теста Розенцвейга. Другую группу составляют проявления

нарушений эмоционального отношения, идентификации и эмпатии. Они также приводят к тому, что направленность деятельности испытуемого изменяется по сравнению с условно ожидаемой. Тест Розенцвейга основан на гипотезе прямой идентификации, которая ранее предлагалась Г. Мюрреем как базовый принцип интерпретации рассказов «Тематического апперцептивного теста». Позже гипотеза была подвергнута критике рядом исследователей, однако в отношении P-F Study C. Розенцвейг подчеркивал ее обоснованность, так как инструкцией испытуемого специально просят ответить за одного из персонажей («контролируемая проекция» по С. Розенцвейгу). Интерпретация результатов в согласии с формальной схемой возможна при выполнении условия прямой идентификации. В тех случаях, когда данное условие не соблюдается, использование формальной схемы не обосновано (по крайней мере, результаты не должны интерпретироваться буквально). Зато особенности идентификации и отношения к изображенным ситуациям представляют интерес для качественного анализа данных методики.

Было бы неверно нарушения экспериментальной мотивации и нарушения эмоционального отношения и идентификации обособлять друг от друга, поскольку речь идет, скорее, о различных способах описания. Мы указывали, что при обесценивающем отношении к заданию испытуемый не идентифицируется с изображенными персонажами, а противопоставляет себя им. Однако **препятствия на пути к идентификации** с изображенным персонажем могут быть связаны с более глубокими аффективными нарушениями, затрагивающими базальные уровни. Так, из-за дефицита эмпатии, отсутствия социальной направленности, интереса к другому человеку может возникать паттерн ответов, характеризующийся крайней формальностью, отстраненностью, отсутствием какого-либо личностного вклада. С другой стороны, нарушения эмпатии могут проявляться и иначе – через непонимание социального смысла изображенных ситуаций, ошибки в их трактовке. Еще одним проявлением выраженной дефицитарности эмпатии могут быть неприемлемые, грубые ответы, отражающие не столько не критичность испытуемого, сколько недостаток ориентации на психолога, безразличие к его реакциям.

Противоположностью является **легкость идентификации**, избыточная эмоциональная вовлеченность, узнаваемая по аффективно-заряженным ответам, комментариям к рисунку и собственным эмоциональным реакциям испытуемого. Но в силу особенностей стимульного материала подобные ответы встречаются редко, в основном при выраженной эмоциональной лабильности.

Иногда за избыточную идентификацию можно принять феномен «психологизирующего резонанства» – чрезмерную сосредоточенность на нюансах социального взаимодействия, стремление к обоснованию поступков и слов персонажей, неуместное сопереживание (в незначи-

мых ситуациях). В клинической практике это характерно для испытуемых, пытающихся компенсировать переживание отчужденности, отсутствие социальных контактов (например, для больных шизофренией в стадии ремиссии или шизоидов).

Встречаются специфические особенности идентификации, которые нельзя определить ни как дистанцированность, ни как избыточную лабильность, поскольку они носят двойственный характер. Подобные варианты отражают эгоцентрическую ориентацию, что особенно ярко проявляется в случаях нарциссической патологии, как чрезмерная поглощенность самим собой и отсутствие интереса к другим (хотя элементы эгоцентрической ориентации присущи многим психическим расстройствам). На поверхности бросаются в глаза трудности при необходимости ответить за другого человека, встать на его позицию, потеснив свои заботы и переживания («а я не знаю, как может человек ответить в такой ситуации», «но я бы и не брал ее самокат»). Но за этим скрывается невозможность признать другого как отличающегося от самого себя, уподобление его себе и формирование чрезвычайно жесткой связи с «образом-двойником».

Данная специфика находит отражение в комментариях, подчеркивании и навязывании личного видения, игнорировании чужой позиции, что среди прочего может выражаться в реакциях отрицания собственной вины (Е), особой аффектации, формулировке ответов, в которой пол персонажа меняется на собственный, сведении изображенных ситуаций к случаям из своей жизни, застревании на отдельных ситуациях и возвращении к ним (что должно быть дифференцировано с нарушениями динамики). Сочетание недостаточной легкости идентификации с фиксированностью на собственном Я можно увидеть в рассуждениях о том, как поступил бы нарисованный персонаж и как, в свою очередь, поступил бы сам испытуемый. Следует, однако, учитывать, что особенности идентификации не обязательно будут заметны по материалам выполнения Р-Ф. Более чувствительными к данной проблематике являются другие методики (например, ТАТ, рисунок человека, тест Роршаха).

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007. 688 с.
2. Данилова Е.Е. Детский «Тест Рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга. М.: Московский городской психолого-медико-социальный центр, 1997.
3. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1986. 287 с.
4. Лубовский Д.В. О применении теста фрустрации Розенцвейга в школьной психодиагностике // *Вопр. психологии*. 1990. № 3. С. 151–154.
5. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // *Мос. психотерапевтич. журн.* 1997. № 3. С. 15–38.
6. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: Метод. рекомендации. Л., 1984.

7. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
8. Basu J. The influence of gender stereotype on projection of aggression in the Rosenzweig Picture-frustration study // Sex roles. 1991. Vol. 25, № 5–6. P. 301–309.
9. Coché E., Meehan J. Factor and Cluster Analyses with the Rosenzweig Picture Frustration Study // Journ. of Personality Assessment. 1979. Vol. 43, № 1. P. 39.
10. Duncan B. The founder of common factors: A conversation with Saul Rosenzweig // Journal of Psychotherapy Integration. 2002. Vol. 12. P. 10–31.
11. Fonagy P., Target M., Gergely G. Psychoanalytic perspectives on developmental psychopathology / D. Cicchetti, D. Cohen (Eds.) Developmental Psychopathology. By 2-d ed. N.J.: John Wiley and Sons, 2006. Vol. 1. P. 701–749.
12. Graybill D., Heuvelman L.R. Validity of the Children's Picture-Frustration Study: A Social-Cognitive Perspective // Journ. of Personality Assessment. 1993. Vol. 60, № 2. P. 379–389.
13. Graybill D., Peterson S., Williams P. Variability of Responses Withing the Aggression Categories on the Rosenzweig Picture-Frustration Study, Children's Form // Journ. of Personality Assessment. 1989. Vol. 53, № 3. P. 472.
14. Graybill D., Williams P., Bodmer B., Peterson S. Relationship of the children's form of the Rosenzweig Picture-Frustration Study to children's behavior, gender, and fantasies // Psychological Reports. 1991. Vol. 68, pt. 1. P. 747–753.
15. Kinard E. Aggression in Abused Children: Differential Responses to the Rosenzweig Picture-Frustration Study // Journ. of Personality Assessment. 1982. Vol. 46, № 2. P. 139.
16. Lindzey G. An experimental test of the validity of the rosenzweig picture-frustration study // Journ. of Personality. 1950. Vol. 18, № 3. P. 315.
17. Lindzey G., Goldwyn R. Validity of the Rosenzweig Picture-Frustration Study // Journ. of Personality. 1954. Vol. 22, № 4. P. 519–547.
18. Lockwood J., Roll S. Effects of fantasy behavior, level of fantasy predisposition, age, and sex on direction of aggression in young children // Journ. of Genetic Psychology. 1980. Vol. 136. P. 255–264.
19. Mc Donough L. Inhibited aggression in essential hypertension // Journ. of Clinical Psychology. 1964. Vol. 20, № 4. P. 447.
20. Mehlman B., Whiteman S. The relationship between certain pictures of the Rosenzweig picture-frustration study and corresponding behavioral situations // Journ. of Clinical Psychology. 1955. Vol. 11, № 1. P. 15–19.
21. Rapaport D., Gill M., Schafer R. Diagnostic psychological testing (revised edition, edited by R.R. Holt). N.Y.: International university press Inc., 1968.
22. Rauchfleisch U. Diagnostic significance of ego and superego blocking situations in the Rosenzweig Picture-Frustration Test // Zeitschrift Für Klinische Psychologie, Psychopathologie Und Psychotherapie / Im Auftrag Der Görres-Gesellschaft. 1985. Vol. 33, № 2. P. 152–160.
23. Rosenzweig S. Basic manual for the Rosenzweig picture-frustration (P-F) Study. St.Luis: Dana House, 1978.
24. Rosenzweig S. The experimental measurement of types of reaction to frustration / H.A. Murray (Ed.). Explorations in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. P. 585–599.
25. Rosenzweig S. III. Need-Persistent and Ego-Defensive reactions to frustration as demonstrated by an experiment on repression // Psychological review. 1941. Vol. 47. P. 347–349.
26. Rosenzweig S. The picture-association method and its application in a study of reactions to frustration // Journ. of Personality. 1945. Vol. 14. P. 3–23.
27. Rosenzweig S. Some problems relating to research on the rosenzweig picture-frustration study // Journ. of Personality. 1950. Vol. 18, № 3. P. 303.

28. *Rosenzweig S.* Aggressive behavior and the Rosenzweig picture-frustration (P-F) study // *Journ. of Clinical Psychology*. 1976. Vol. 32, № 4. P. 885–891.
29. *Rosenzweig S., Adelman S.* Construct Validity of the Rosenzweig Picture-Frustration Study // *Journ. of Personality Assessment*. 1977. Vol. 41, № 6. P. 578.
30. *Simos I.* The picture-frustration study in the psychiatric situation-preliminary findings // *Journ. of Personality*. 1950. Vol. 18, № 3. P. 327.
31. *Spache G.* Sex differences in the rosenzweig p-f study, children's form // *Journ. of Clinical Psychology*. 1951. Vol. 7, № 3. P. 235–238.
32. *Winefield H.* Anger Expression in the Picture-Frustration Study Under Stressful Conditions // *Journ. of Personality Assessment*. 1981. Vol. 45, № 4. P. 370.

QUALITATIVE ANALYSIS IN WORK WITH TEST PICTURESQUE FRUSTRATION
S. ROSENZWEIG. I. MOTIVATIONAL ASPECT
Vinogradova M.G., Ryzhov A.L. (Moscow)

Summary. Possibilities of the usage of S. Rosenzweig's Picture-Frustration Study in clinical psychology are reviewed. The authors propose and justify the application of qualitative analysis to the data provided by method in question. It supposes the abandonment of formal schema of analysis, attention to the ways of accomplishing the task by subject, account of the sequence of answers and of the context, modifications of inquiry. Following the traditions of Russian pathopsychological school four aspects of mental functioning are distinguished in the material revealed by Study: motivation, dynamics, control and critical attitude, instrumental repertory. The phenomena observed when analyzing the motivation aspect are described in details.

Key words: Rosenzweig's Picture-Frustration Study; qualitative analysis; disturbances of motivation; identification in projective methods.

ФЕНОМЕН АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

О.Ю. Сутормин (Владивосток)

Аннотация. Рассматривается акмеологическая составляющая личности в процессе жизнетворчества. Процесс жизнетворчества анализируется как духовный процесс расширения познания личностью окружающего мира. По мнению автора, к процессу жизнетворчества может приступить только личность, достигшая высокого уровня акме. В то же время психологу важно научиться стимулировать и поощрять тенденцию к жизнетворчеству личности.

Ключевые слова: жизнетворчество; духовное развитие; акме; личность; саморазвитие; самоактуализация; взаимодействие с миром.

В нашей стране уделяется значительное внимание жизнетворчеству. Нам представляется актуальным расширить представление об этом процессе и рассмотреть духовную составляющую личности, которой может быть свойственно жизнетворчество, так как исследование этого процесса находится лишь в начале пути, а теоретическое и прикладное значение его бесспорно и отмечалось многими авторами. Так, Д.А. Леонтьев (2001) определял жизнетворчество, как личностно ориентированную практику развития и коррекции отношений с миром [7. С. 100–109]. А.С. Сухоруков (1996) считал, что жизнетворчество – «максимум развития», так как последняя форма движения смысловой системы личности является наиболее жизнетворческой [14].

А.В. Колесникова (2003) обозначала явление жизнетворчества как творение нового бытия, новой онтологической реальности, и в ней – нового человека [6]. Л.В. Сохань (2011) определяет жизнетворчество как духовно-практическую деятельность личности, направленную на творческое проектирование и осуществление ее жизненного проекта [15].

Как следует из приведенных определений, все они в своей основе сводятся к одному: жизнетворчество – это акмеологический процесс, направленный на расширение восприятия личностью окружающего мира.

Целью данной статьи является анализ акмеологической составляющей личности, приступившей к жизнетворчеству или только намеревающейся соприкоснуться с этим процессом. Нам представляется важным рассмотреть взаимосвязь процесса жизнетворчества и акме личности как максимума духовного развития человека.

В психологии акме – это вершина, на которую поднимается человек в своем индивидуальном, личностном и субъектном развитии [2]. Для нас закономерен вопрос, можно ли объективно измерить «акмеологическую» зрелость личности? Можно ли вообще фиксировать динамику акмеологического созревания личности, да еще в процессе ее жизне-

творчества? Думается, мы еще далеки от такой возможности по той простой причине, что не разобрались в концептуальном аппарате, который используем для описания зрелой личности, достигшей высокого уровня акме, как далеки и от полного понимания самого жизнетворческого процесса.

Акме человека может проявляться в наивысшем уровне ценностных ориентаций, конкретизирующихся в его отношении к разным сторонам действительности и оказывающих опосредованное или непосредственное воздействие на совершаемые им поступки, которые, как правило, свидетельствуют о нравственном калибре его личности [2]. В случае, когда мы говорим о личности в процессе жизнетворчества, нужно иметь в виду, что эта личность достигла такого уровня своего акмеологического развития, когда может брать на себя роль активного участника жизненного процесса. Такая духовно развитая личность отличается высоким уровнем нравственности, благодаря чему строит особые отношения с действительностью. Ее ценностные, нравственные ориентиры позволяют ей взять на себя роль Творца своей жизни. Эта личность самоактуализирована. Разумеется, таких личностей не может быть много, а значит, и сам процесс жизнетворчества не может быть массовым явлением.

Зрелый субъект может быть сопоставлен с высшим уровнем развития личности, традиционно называемым в западной психологии уровнем «самоактуализации». По мнению А. Маслоу, далеко не все люди достигают уровня самоактуализации. А точнее, не более 10% способны самоактуализироваться, т.е. развернуть полностью свой жизненный потенциал в современном обществе, а 90% не способны этого сделать. Происходит это потому, что для самоактуализации, помимо внутренних психологических механизмов и опыта, необходимо соблюсти ряд внешних социальных условий: во-первых, следует удовлетворить биологические потребности человека (иметь хорошую пищу и экологию); во-вторых, иметь крышу над головой и достойный заработок; в-третьих, иметь семью; в-четвертых, завоевать уважение окружающих. И только тогда, по мнению А. Маслоу (2006), человек способен достигнуть уровня самоактуализации (акме) и жить метапотребностями свободы, красоты, целостности, творчества, трансцендентности и т.д.

Нравственные свойства – это тоже свойства субъекта, которые созревают в акмеологическом смысле также довольно поздно, примерно в те же годы, что и характеристики «мировоззренческой» эмоциональности, а при отсутствии адекватных условий социальной среды – никогда [13]. Истинная акмеологическая зрелость, позволяющая приступить к процессу жизнетворчества, наступает, когда человек не только достигает вершины в развитии акме, но и становится способен расширить восприятие мира как нечто, что эта личность способна создавать. Более того, его духовная зрелость и активное взаимодействие с

окружающей жизнью позволяет ему «строить» свою жизнь. Такая жизнетворческая личность отличается уровнем акме, при котором ее духовной потребностью является потребность передать плоды своего развития другому, стать образцом и эталоном, достойным подражания и тиражирования своего опыта посредством обучения других восприятию жизненного процесса.

Г.С. Прыгин и Р.А. Ахмеров (2005) считали, что существует и другой важный аспект зрелости человека – аспект, характеризующий достижение психическими образованиями своего наивысшего (акмеологического) значения, обеспечивающими человеку так называемый личностный рост, наивысшие уровни его развития. Зрелость – одна из характеристик духовного развития, его определенная ступень или конкретная фаза. Принципиальное отличие *акмеологической* зрелости от *дефинитивной* состоит в том, что первая относится к целостным образованиям и структурам психики человека, а не к отдельным психическим и психофизиологическим свойствам и функциям. Достигнув определенной вершины, акмеологическая зрелость не останавливается на этом уровне, а продолжает расти [10]. Для нас это существенный момент в осмыслении акмеологической составляющей жизнетворческой личности. Прежде всего это необходимо, чтобы принять важный, с нашей точки зрения, факт: акмеологическая зрелость – это не константа, которую достигает жизнетворческая личность, а меняющаяся и постоянно развивающаяся величина. Во-вторых, нужно помнить, что жизнетворчество – не застывшая единица, это процесс, а значит, меняющаяся величина, которая определяется акмеологической зрелостью личности.

Как известно, наиболее зрелой психологической единицей является субъект. От чего зависит зрелость субъекта? В первую очередь от самого субъекта, его индивидуальности, личности и индивидуальных свойств, которыми он располагает. Только зрелый индивид, только зрелая личность, только зрелая индивидуальность может «породить» зрелого субъекта. Однако зрелость субъекта не наступает автоматически после того, как индивид, личность и индивидуальность достигли своей зрелости. С точки зрения В.М. Русалова (2006), решающая роль в формировании зрелого субъекта принадлежит, бесспорно, социальным, политическим, нравственным, а более широко – духовным факторам [13]. Мы уже приняли, что жизнетворчество – это осознанный процесс, характеризующий человека, акмеологическая составляющая которого достигла высокого уровня. В то же время если личность – это составляющая субъекта, зрелость, которого определяется зрелостью личности, то возникает закономерный вопрос: кому свойствен процесс жизнетворчества – личности или субъекту как более зрелой и масштабной психологической единице? На этот вопрос нам предстоит еще ответить. Вместе с тем когда мы говорим об акмеологической состав-

ляющей высокого уровня, возникает другой закономерный вопрос: кто определяет этот уровень? Ответ может быть один: сам человек, который готов «создавать» свою жизнь.

С.Л. Рубинштейн (1976) считал, что одним из основных признаков субъекта является его способность к саморазвитию, самоопределению, самосовершенствованию, другими словами, способность достигать высшего оптимального уровня своего развития, своего идеала [11]. Этот вывод важен для нас, так как процесс житнетворчества, в том числе и достижения высокого уровня акмеологической составляющей, невозможен без саморазвития, самосовершенствования. Житнетворчество направлено на достижение высшего оптимального уровня духовного развития, ну а если так, то возможно ли, чтобы личность осознала себя как целостное образование и достигла уровня субъекта? Ей и нужен процесс житнетворчества как способ развития и существования в мире, как способ развития своей акмеологической составляющей.

Э.А. Голубева (2005) отмечает, что акмеологические аспекты интеллекта и характера достигают своего апогея к 25–45 годам. Достигнув своей вершины, они продолжают развиваться и дальше. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования повышения эффективности интеллекта у людей преклонного возраста, если они продолжают заниматься профессиональной деятельностью [4]. Исходя из этого, процесс житнетворчества может начаться только тогда, когда ментальный и мотивационный опыт, копинг-стратегии и другие содержательные характеристики достигнут определенного уровня, а значит, человек должен достичь определенного акмеологического состояния, которое может быть свойственно только определенному возрасту.

Исследования Cook-Greuter (1994) высших уровней самопонимания взрослых людей свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности [19]. В этом случае возникает состояние, когда личность характеризуется такой акмеологической составляющей, при которой она готова перейти на новую стадию самовосприятия, что соответствует новому, более высокому уровню акмеологического развития. Наступает момент, когда, пройдя критическую точку невозврата своего прошлого восприятия, личность может стать житнетворческой и называться «житнетворческой», достигая такого уровня акме, когда она приходит к акмеологической зрелости.

В.Э. Чудновский (1999) определял зрелость как период стабилизации личности, период, когда уже накоплен значительный жизненный опыт и вместе с тем сохраняется достаточно далекая жизненная перспектива. Однако характер такой стабилизации существенно обусловлен своеобразием формирования смысловых ориентаций на

предыдущих возрастных этапах. В ряде случаев период зрелости может быть временем «ломки» смысложизненных ориентаций и поиска нового жизненного смысла. В этой связи можно выделить различные типы изменений смысложизненных ориентаций на протяжении жизни человека:

- эволюционные, постепенные изменения, частично затрагивающие структуру смысложизненной иерархии, но не нарушающие ее основы, главного компонента иерархии. При этом видоизменяется, но не исчезает «главная линия» жизни;

- эволюционные изменения, постепенно приводящие к качественному преобразованию структурной иерархии смысла жизни;

- революционные изменения, крутые повороты в жизни человека, приводящие к «ломке» прежней структурной иерархии, что имеет два следствия:

- а) создание иерархической структуры нового типа и появление новой «главной линии» жизни;

- б) исчезновение иерархической структуры смысла жизни, замена ее «конгломератом» смыслов [18. С. 74–80].

Для нас интересен третий тип изменений, так как чаще всего именно он ведет к акмеологическому прорыву и увеличивает вероятность того, что личность достигнет такой акмеологической зрелости, когда будет способна продолжить свое развитие через процесс жизнетворчества.

Акмеологическая составляющая жизнетворческой личности неразрывно связана с понятием смысла. Личность, достигшая высокого уровня акме, а именно о такой личности мы говорим, упоминая жизнетворческий процесс, наполняет свою жизнь особым смыслом. В свое время К. Обуховский (1972) отмечал: «Как свойством птицы является потребность летать, так свойством взрослого человека является потребность найти смысл своей жизни» [9. С. 183]. Мы можем предположить, что новое акмеологическое смыслонаполнение связано с жизнетворчеством.

С.Л. Рубинштейн (2002) считал, что смысл жизни каждого человека определяется только в отношении содержания всей его жизни с другими людьми. Все вопросы, которые затрагивают мировоззрение, ответ на которые определяет то, как человеку жить и в чем искать смысл жизни, формируются одним вопросом – о природе человека и его месте в мире [12]. Следовательно, акмеологическая составляющая жизнетворческой личности определяется особым смыслом восприятия существования и взаимодействия с окружающим миром.

К.А. Абульханова-Славская (1991) размышляла о смысле жизни как выражении стремления личности, ее потребности, подтверждении ее реальных достижений, реальной способности выразить себя в формах жизни. Таким образом, смысл жизни – это не только будущее, не только перспектива, но и мера свершенного человеком, оценка достиг-

нутаго собственными силами по важным для личности критериям [1]. Можно сказать, что акмеологическая составляющая житнетворческой личности нацелена в смыслонаполнении жизни на будущее, причем прочно стоит на опыте прошлого.

По отношению к смысложизненным ориентациям русский религиозный мыслитель начала XX в. профессор В.Ф. Марцинковский (1996) выделял четыре группы людей. Четвертая группа – это люди, нашедшие смысл жизни. Они начали с того, что перестали искать его в себе, в темной, бессмысленной жизни повседневного опыта, ибо это все равно, что искать света в темном погребке [8]. Они нашли жизнь осмысленную или, что то же, обрели Живой Смысл, приняли Его и пошли за Ним [16]. Действительно, житнетворческая личность наполняет свою жизнь особым акмеологическим смыслом: для нее жизнь – это творение, творческий процесс созидания. Возможно, на высоком акмеологическом уровне житнетворческого процесса границы между этой личностью и Жизнью стираются, и апогеем развития и существования такой личности является ее слияние с жизнью в сознании этой личности. Б.С. Братусь (1988) писал о смысле жизни как о насущной потребности, которая зиждется на фундаментальном противоречии между ограниченностью, смертностью индивидуального бытия и универсальностью родовой сущности человека [3].

Бессмысленно искать смысл жизни только в рамках биологического существования, утверждал Е.Н. Трубецкой (1995). Тот смысл, который мы ищем, в повседневном опыте нам не дан и нам не явлен [17]. Для нас это означает, что в процессе житнетворчества акмеологическая составляющая личности выходит за рамки обыденного, повседневного существования. Тогда мы опять возвращаемся к тому, что только духовно развитая личность может вырваться из рамок повседневного опыта и активно созидать свою жизнь и мир вокруг себя.

Э. Кант (1966) считал, что существенное отличие человека умещается во всем том, что образует личность. То обстоятельство, что человек может владеть представлениями о собственном «я», бесконечно возвышает его над всеми другими существами, которые живут на Земле. Смысл жизни не вне, а внутри человека, он имманентен личности. Фактором, образующим смысл жизни, является идея, которая принимает вид этического закона, обязанности, которая доведена до полноты понимания высшего блага, внутренне переживаемого человеком как одухотворенно-приподнятое состояние [5]. Для нас этим высшим благом является житнетворчество как наивысшая ступень акмеологического развития личности с наивысшим уровнем развития акмеологической составляющей.

В контексте исследования проблемы смысла жизни: смысл жизни не существует сам по себе как некий атрибут реальности вообще. Он – в осознании индивидом своего человеческого бытия, а это и есть про-

явление личности человека. Именно человеческий смысл дает индивиду в жизненных ситуациях ориентир добровольного самоподчинения этическому закону, который поднимает человека над его собственной природой. Условием и духовной формой такого возвеличивания человека над собой является осознание им своего места в мире [5. С. 11]. Процесс жизнетворчества неразрывно связан с осознанием места человека в мире. Акмеологическая составляющая жизнетворческой личности возвеличена в своей духовной форме Творца.

А.В. Колесникова (2005) характеризовала жизнетворчество как духовно-творческую установку, которая имеет своим истоком возрожденческий пафос свободы и мощи человеческой личности и является следствием противопоставления мира, данного Творцом, и мира, сотворенного человеком. Смысл этой установки – в создании второй реальности – новой жизни, которая будет лучше и справедливее, чем то настоящее, в котором пребывает человек, взявший на себя функцию Творца [6]. На наш взгляд, акмеологическая составляющая жизнетворческой личности не спорит и не конкурирует с Творцом, она сама становится этим Творцом.

С.Л. Рубинштейн (1976) отмечал, что человек не растворяется в деятельности, а посредством нее решает сложные жизненные задачи и противоречия [11]. С нашей точки зрения, Творец действует через жизнетворческую личность, и в этом случае жизнетворческая личность на акмеологическом уровне осознает себя Сотворцом. Она принимает это и наполняет свою жизнь смыслом создателя действительности вокруг нее.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что проблема изучения акмеологической составляющей жизнетворческой личности носит не только прикладной характер, позволяющий психологу, работающему с людьми, ставить перед собой задачу стимулировать и поощрять тенденцию к жизнетворчеству личности, она имеет экзистенциальный характер осмысления места человека в мире и его взаимодействия с этим миром. Таким образом, явление жизнетворчества как пика акмеологического развития личности и сам феномен акмеологической составляющей жизнетворческой личности требуют дальнейшего тщательного изучения и проработки.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Бодалев А.А., Вайзер Г.А., Карпова Н.А., Чуковский В.Э. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М.: Смысл, 2004. 328 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. 301 с.
4. Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс, 2005. С. 512.
5. Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Наука, 1966. Т. 6. 352 с.

6. Колесникова А.В. Житнетворчество как способ бытия русской интеллигенции. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2005. 147 с.
7. Леонтьев Д.А., Мазур Е.С., Сосланда А.И. Житнетворчество как практика расширения житненного мира // 1-я Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии. М.: Смысл, 2001. С. 100–109.
8. Марцинковский В.Ф. Смысл жизни. М.: Либрис, 1996. 270 с.
9. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972.
10. Прыгин Г.С., Ахмеров Р.А. Психобиографические характеристики субъекта с автономным типом саморегуляции деятельности // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2005. № 6. Р. 12–31.
11. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
13. Русалов В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006. № 5. Р. 10–31.
14. Сухоруков А.С. Житнетворчество и формы движения смысловой системы личности. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. Электронный ресурс: <http://www.psychology.ru>
15. Сохань Л.В. Концепция житнетворчества. 2011. Электронный ресурс: <http://www.gumer.info>
16. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993. 293 с.
17. Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Республика, 1995. 325 с.
18. Чудновский В.Э. К проблеме адекватности смысла жизни // *Мир психологии*. 1999. № 2. С. 74–80.
19. Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1994.

PHENOMENON OF THE SPIRITUAL MAKING PERSON IN THE PROCESS OF CONSTRUCTION OF THE COURSE OF LIFE

Sutormin O.Ju. (Vladivostok)

Summary. The spiritual component of the person in the course of construction of its course of life is surveyed. Process of construction of a course of life is analyzed, as spiritual process, expansions of knowledge by the person of world around. According to the author, the person who has reached of high level of spiritual development can start process of construction of life only. During too time to the psychologist will important learn to stimulate and encourage a tendency of aspiration of the person to build the course of life.

Key words: construction of a course of life; life construction; spiritual development; the person; self-development; self-actualization; interaction with the world.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМОЙ И ТЕХНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Ю.Ф. Тюлюпов (Чита)

Аннотация. С целью выявления технологических закономерностей обработки информации проводится сравнительный анализ информационных процессов в технических устройствах и нервной системе. В результате проведенного анализа предложены обобщенные формулировки технологических принципов обработки информации, представленной не только в цифровой, но и в аналоговой форме.

Ключевые слова: обработка информации; биологические и технические информационные системы; процессы; иерархическая структура.

В соответствии с позицией материалистической теории познания свойство информативности в его элементарной форме – запечатлении взаимодействия – присуще всем видам материи (и неорганической природе и элементарным частицам). Более сложными формами отражения являются раздражимость (начиная с растений и простейших организмов) и психика (у животных и человека). Высшая, специфическая форма отражения – сознание – присутствует только у человека [1. С. 9].

В настоящее время информационные процессы (различные последовательности действий, выполняемые с информацией) высокого уровня реализуются не только биологическими объектами (человеком и животными), но и техническими – информационными системами. Принципы работы технических средств, задействованных в процессах информатизации общества, подробно изучены и описаны, тем не менее это не привело к пониманию того, каким образом информация обрабатывается непосредственно мозгом человека.

Хотя информационные процессы в технических устройствах и в нервной системе осуществляются на основе различных физических явлений, структурные схемы этих процессов во многом аналогичны [4. С. 27]. Независимо друг от друга специалисты в области интеллекта биологических организмов и конструкторы, проектирующие искусственный интеллект и микропроцессорные системы, работающие в реальном масштабе времени, начали описывать или создавать системы с адекватной структурой [5. С. 8]. Эти обстоятельства позволяют провести сравнительный анализ функционирования наиболее типичных информационных систем: электронных (цифровых) вычислительных машин (ЭВМ) и искусственных нейронных сетей (ИНС), составляющих основу нейрокомпьютеров, а затем сопоставить полученные результаты с технологией обработки информации нервной системой живых организмов.

Анализ структуры является одной из основных процедур системного анализа – междисциплинарного курса, обобщающего методологию исследования сложных технических, природных и социальных систем [2]. Сравнительный анализ проведем, имея в виду структуры не информационных систем, достаточно подробно описанные, а технологические структуры информационных процессов, которые также могут быть представлены в виде сложных систем. Провести декомпозицию и установление взаимосвязей в системах, не имеющих геометрических границ между своими составляющими, возможно только в представлении этих систем иерархической структурой (таблица).

Иерархическая структура информационных процессов

Структурно-технологические уровни информационных процессов	Содержание уровней		
	Цифровые вычислительные машины (ЦВМ)	Нейрокомпьютеры (НК)	Нервная система живых организмов
Уровень 3: Использование результатов обработки информации	Решение интеллектуальных задач, поставленных человеком (программистом, пользователем)	Функции управления, распознавания и классификации образов, ассоциации, прогнозирования, аппроксимации и интерполяции и т.д.	Активная реакция организмов на воздействия внешней и внутренней среды
2–3: Согласование 2-го и 3-го уровней	Преобразование результатов к виду, пригодному для использования (интерпретация, визуализация и т.д.)		
Уровень 2: Операции обработки информации + материальная основа	Реализация принципов фон Неймана + программное обеспечение	Трансформация входного сигнала в выходной + результаты обучения ИНС	?
1–2: Согласование 1-го и 2-го уровней	Дискретизация, квантование по уровню, кодирование и т.п.		
Уровень 1: Физические процессы + аппаратные средства	Электрический ток + элементная база, электронные схемы	Электрический ток + структура искусственной нейронной сети (ИНС)	Электрохимические сигналы в форме потока нервных импульсов + биологическая нейронная сеть (БНС)

В результате технологических процессов происходит качественное изменение обрабатываемых объектов (в данном случае – информационных), предполагающее воздействие соответствующих физических процессов, а также наличие средств выполнения различных технологических операций.

В соответствии с таблицей в технологической структуре информационных процессов выделены три основных уровня и два промежуточных. К уровню 1 отнесена материальная основа (физические процессы и аппаратные средства), обеспечивающая протекание информационных процессов; к уровню 2 – операции обработки информации, заключающиеся в преобразовании одних «информационных объектов» в другие путем выполнения некоторых алгоритмов [1. С. 13, 222]; к этому же уровню относят материальную составляющую, обеспечивающую функционирование 2-го уровня (за исключением отнесенной к уровню 1), – программное обеспечение ЭВМ либо результаты обучения ИНС.

К уровню 3 отнесена информационная составляющая процессов использования результатов, полученных на уровне 2.

К промежуточным уровням (1–2; 2–3) отнесены операции, обеспечивающие согласование процессов, находящихся на разных (основных) уровнях.

Процессы на всех структурных уровнях протекают одновременно, а соподчиненность уровней в иерархической структуре переплетена сложными взаимосвязями. Если цели и задачи информационных процессов определяются наиболее высоким уровнем иерархии (уровень 3, см. таблицу), возможность существования информационных процессов обусловлена наличием материальной базы наиболее низкого уровня (уровень 1), то сущность информационных процессов заключается в операциях обработки информации (уровень 2, таблица).

С точки зрения получения новых знаний об обработке информации непосредственно мозгом человека нас в первую очередь должны интересовать составляющие информационных процессов, относящиеся к уровню 2 (см. таблицу), наименее изученному у биологических объектов. Для этого уровня проведем развернутый анализ, а составляющие информационных процессов в дальнейшем будем называть процессами обработки информации.

Наибольшую сложность в проведении этого анализа представляет то обстоятельство, что процессы обработки информации невозможно отследить непосредственно (с помощью органов чувств или приборов, поскольку у нас нет ни соответствующего органа чувств, ни приборов, способных их зарегистрировать).

С учетом этого обстоятельства выдвигается гипотеза: отслеживание и изучение процессов обработки информации может быть основано только на учете взаимосвязей между всеми уровнями и компонентами информационных процессов, представленных в таблице. Эта гипотеза

согласуется с популярным в нейронауках предположением о том, что интеллектуальное поведение технических объектов, как и биологических, в первую очередь определяется их структурой, архитектурой и свойствами систем управления этими объектами [5. С. 10], однако переносит исследования на другой уровень информационных систем.

Принципиальными особенностями работы ЭВМ являются цифровое кодирование информации и последовательный характер организации вычислительного процесса, обусловленные общими принципами функционирования универсальных вычислительных устройств, сформулированными в 1945 г. американским ученым Джоном фон Нейманом. Принципы фон Неймана по сути являются принципами технологической реализации процессов обработки информации, представленной в цифровой форме. В соответствии с этими принципами информация кодируется в двоичной форме: обычно электрическим импульсам с большей амплитудой напряжения присваивается цифровое значение «1», с меньшей амплитудой (или отсутствием напряжения) – «0». Комбинации двоичных символов, представляющие собой числа, команды и прочие объекты, рассматриваются как самостоятельные информационные объекты и называются словами. Слово обрабатывается в ЭВМ как одно целое – как машинный элемент информации. Слова информации размещаются в ячейках памяти машины и идентифицируются номерами ячеек (адресами слов). Требуемый порядок вычислений предопределяется алгоритмом и описывается последовательностью команд, образующих программу вычислений [1. С. 280–282].

Многоуровневое программное обеспечение ЭВМ (команда – операция – пользовательская программа – операционная система и т.д.) соответствует многоуровневой (иерархической) организации процессов обработки информации. Рост количества уровней программного обеспечения позволяет не только увеличить уровни сложности решаемых задач, но и создает дополнительные удобства работы в программной среде, добавляет сервисные и другие функции. В то же время усложнение программного обеспечения приводит к так называемому семантическому разрыву, заключающемуся в различии принципов, лежащих в основе языков программирования высокого уровня, и принципов, определяющих архитектуру ЭВМ.

Особенности организации информационных процессов в нейрокомпьютерах и нервной системе – аналоговое представление и параллельная обработка информации одновременно многими (для ИНС – всеми) нейронами. Аналоговое представление сигналов основано на подобию (аналогичности) характеристик электрических сигналов (изменений тока и напряжения) представленным ими исходным сигналам (звуковому или механическому давлению, температуре и т.п.).

Благодаря параллельной организации работы нейронов при большом количестве межнейронных связей достигается значительное

ускорение обработки информации, во многих случаях возможна обработка сигналов в реальном масштабе времени. Искусственная нейронная сеть не производит вычислений, она трансформирует входной сигнал (входной образ) в выходной в соответствии со своей топологией и значениями коэффициентов межнейронной связи, которые могут настраиваться в процессе обучения [4. С. 38]. Ответ, выдаваемый ИНС, является вещественным числовым вектором, поэтому для понимания его человеком требуется соответствующая интерпретация [4. С. 85]. Недостаток нейрокомпьютеров заключается в невозможности, как правило, извлечения алгоритма решаемой задачи из обученной нейронной сети [4. С. 101]. Следствие этого недостатка: технологическую организацию решения поставленных задач нейрокомпьютерами невозможно подразделить на иерархические уровни.

Сопоставим полученные результаты сравнительного анализа технических информационных систем с содержанием информационных процессов в нервной системе человека (или животных). Установить принципы взаимосвязи потока нервных импульсов с результатами обработки информации нервной системой до настоящего времени не удастся. Предлагается моделировать процессы обработки информации нервной системой, устанавливая их взаимосвязи с процессами уровня 3 – информационной составляющей активной реакции организмов на воздействия среды и проводя технологические аналогии с соответствующими процессами технических устройств.

Наиболее просто и наглядно эти взаимосвязи проявляются в процессе коррекции движений (человеком или животными). В процессе любого физического движения центральная нервная система непрерывно получает исчерпывающую информацию о ходе этого движения и тут же вносит в него корректировки. Процесс управления движением является многоуровневым с иерархической структурой – ведущий уровень, адекватный смысловой структуре двигательного акта, реализует только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции. В выполнении движения участвует также ряд фоновых уровней, которые обслуживают фоновые или технические компоненты движения. При этом во всяком движении, какова бы ни была его абсолютная уровневая высота, осознаются один только его ведущий уровень и только те из коррекций, которые ведутся непосредственно на нем самом [3. С. 43].

Сопоставив процессы коррекции движений с процессами обработки информации, приходим к следующему выводу: многоуровневый процесс управления движением возможен только в случае существования многоуровневой (иерархической) организации обработки информации центральной нервной системой (причем для этого совершенно не обязательно осознание получаемой информации на всех уровнях).

Различные исследования функций нервной системы также приводят к необходимости формулировок, которые включали бы иерархический принцип организации мозга [5. С. 80].

Таким образом, природе удалось сделать то, что для человека остается пока неразрешимой задачей, – для информации, представленной в аналоговой форме, создать технологические процессы обработки с иерархической организационной структурой. Биологическая нейронная сеть, являющаяся прототипом искусственной нейронной сети, по сложности технологической структуры обработки информации оказывается ближе к ЦВМ, чем к нейрокомпьютерам.

Это возможно только в случае, если в организации функционирования биологических нейронных сетей заложены принципы, аналогичные принципам фон Неймана.

Поясним на наглядном примере, что имеется в виду. При работе на компьютере в графических программах «проведенная» курсором на мониторе линия тут же находит свое воплощение в электрических сигналах, «рисующих» отображение этой линии на экране. Команда на выполнение этой операции, безусловно, выдается в виде электрических импульсов, однако задача, целенаправленно формирующая последовательность электрических импульсов, может быть задана только в информационной форме.

На первый взгляд, здесь предполагается наличие парадокса: информационный код, формирующий задачу выполнения информационной технологической операции, должен существовать раньше, чем его материальный носитель – соответствующая ему последовательность электрических импульсов.

Одним из принципов фон Неймана этот мнимый парадокс разрешается достаточно просто: адрес каждой следующей команды задается в процессе выполнения текущей команды. Обобщив этот принцип (т.е. перенеся его на более высокий системный уровень) таким образом, чтобы он охватывал не только цифровые, но и аналоговые устройства, получим следующее его выражение: информационная постановка задачи текущей команды соответствует последовательности электрических (электрохимических) импульсов, формируемой предыдущей информационной командой.

Аналогично проведем обобщение и других принципов фон Неймана. Для аналоговой формы представления информации, как и для цифровой, должны существовать машинные элементы информации – самостоятельные информационные объекты, соответствующие некоторому количеству электрических (электрохимических) сигналов. Для нейрокомпьютеров информационное содержание соответствует только входным и выходным сигналам; видимо, именно их и надо признать элементами информации. В нервных системах живых организмов информационное содержание определяется психическим отражением,

соответствующим некоторой последовательности афферентных электрохимических импульсов. Для них машинный элемент информации должен определяться минимальным набором импульсов, приводящим к появлению соответствующего психического отражения.

Для нервной системы человека (животных) установленным фактом считается, что получаемая информация подразделяется на отдельные части и хранится как отдельные наборы. Любое распознавание объектов определяется цепочкой наборов нейронов – кортикальных колонок, при воспоминании эти наборы связываются в единое целое [5. С. 80]. По технологическим функциям хранения информации кортикальные колонки соответствуют ячейкам памяти ЭВМ.

Каким же образом изложенные технологические принципы позволяют обосновать многоуровневую (иерархическую) организацию процессов обработки информации?

При цифровом кодировании информации формирование иерархического уровня каждой следующей технологической задачи задается количественно – кодом ячейки, запускающей решение задачи.

Совершенно иное положение для аналоговых устройств: структурный уровень информационной задачи должен быть задан качественно в момент ее формирования. Это возможно, например, в следующих случаях:

- структурный уровень формирования информационной задачи соответствует структурному уровню решения этой задачи (в наиболее простом случае – предыдущая команда, формирующая эту задачу, относится к тому же структурному уровню);

- должна существовать промежуточная команда, переводящая ставящуюся информационную задачу на другой структурный уровень.

Так, структурные уровни построения коррекции движений предопределяются качественным различием ведущих афферентаций (с различными компонентами и стилем) на каждом из уровней.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что независимо от способа представления информации (цифрового или аналогового) в технических устройствах или биологических объектах технологические принципы обработки информации могут быть сформулированы аналогично для цифрового и аналогового представления, различаются только методы и средства воплощения этих принципов.

Одним из направлений использования выявленных закономерностей могут стать нейрокомпьютерные технологии. Однако, по мнению автора, наибольший интерес представляет открывающаяся возможность объяснения (методом технологического моделирования) процессов обработки информации нервной системой животных на высшей стадии развития психического отражения (на стадии перцептивной психики), а в перспективе, возможно, и мышления человека.

Литература

1. Акулов О.А., Медведев Н.В. Информатика: базовый курс: Учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Омега-Л, 2007. 560 с.
2. Антонов А.В. Системный анализ: Учеб. для вузов. 2-е изд. М.: Высш. шк., 2006. 454 с.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 497 с.
4. Комарцова Л.Г., Максимов А.В. Нейрокомпьютеры: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. 400 с.
5. Рапопорт Г.Н., Герц А.Г. Искусственный и биологический интеллект. Общность структуры, эволюция и процессы познания. М.: КомКнига, 2005. 312 с.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF TECHNOLOGIES OF INFORMATION PROCESSING BY NERVOUS SYSTEM AND TECHNICAL DEVICES

Tyulyupov Y.F. (Chita)

Summary. With the purpose of the detection of the technological regularities of information processing is conducted the comparative analysis of information processes in technical devices and the nervous system. As a result carried out analysis are proposed the generalized wordings of the technological principles of information processing presented not only in digital but also in analog form.

Key words: information processing; biologic and technical information system; processes; hierarchical structure.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА МОЛОДЫХ ПОЖАРНЫХ И КУРСАНТОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА

Т.И. Шевченко, О.М. Астафьев, Н.В. Макарова
(Санкт-Петербург)

Аннотация. Проведено психологическое обследование специалистов Государственной противопожарной службы МЧС России Санкт-Петербурга и курсантов пожарно-спасательного колледжа «Санкт-Петербургский центр подготовки спасателей» с целью изучения психологического статуса и выявления критериев прогнозирования саморегуляции жизнедеятельности и профессионального долголетия в экстремальной профессии. В ходе исследования выявлено, что курсанты имеют большую вероятность формирования тревоги и депрессии, у них ниже показатели нервно-психической устойчивости и в меньшей степени, чем пожарные, их сверстники испытывают доверие к окружающему миру, менее уверены в себе, еще недостаточно вовлечены в профессиональный мир.

Ключевые слова: пожарные; курсанты; саморегуляция; жизнестойкость; синдром эмоционального выгорания; нервно-психическая устойчивость.

Введение

Экстремальная профессия требует от человека исключительно быстрой перестройки психической деятельности на фоне возникающего эмоционального напряжения, предъявляет высокие требования к эмоционально-волевым качествам личности и основным нервным процессам, приводит к профессионально ускоренным заболеваниям, снижая профессиональную эффективность и надежность экстремальной деятельности. Для обоснования профилактических мероприятий, которые позволят оптимизировать адаптационные резервы человека при стрессе, избежать снижения работоспособности и возникновения соматических и психических заболеваний, мы в своем исследовании посчитали целесообразным рассмотреть жизнестойкость юношей, проходящих профессиональное обучение в пожарно-спасательном колледже, и молодых пожарных, уже занятых в этой профессии.

Понятие жизнестойкости, введенное Сьюзен Кобейса и Сальваторе Мадди (Kobasa, 1979; Maddi, Kobasa, 1984), находится на стыке теоретических воззрений экзистенциальной психологии и прикладной области психологии стресса и совладания с ним. Прикладной аспект жизнестойкости обусловлен той ролью, которую эта личностная переменная играет в успешном противостоянии стрессовым ситуациям, прежде всего в профессиональной деятельности. По данным иссле-

дователей [1, 2, 5, 6], жизнестойкость оказывается ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности.

Жизнестойкость представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как не очень значимых.

Вовлеченность определяется как убежденность в том, что участие в происходящем даст максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности [6]. Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. Отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. Если человек чувствует уверенность в себе и в том, что мир великодушен, ему присуща вовлеченность [7].

Контроль представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска – убежденность человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности, обедняющим жизнь личности. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование.

Для иллюстрации сказанного можно привести результаты исследования С. Мадди, обнаружившего четкую обратную зависимость между выраженностью компонентов жизнестойкости и вероятностью заболевания в течение года после возникновения стрессовой ситуации у менеджеров крупной телекоммуникационной компании. При низкой выраженности всех трех компонентов жизнестойкости вероятность заболевания равна 92,5%, при высоком уровне одного из компонентов – 71,8%, при высоком уровне двух компонентов – 57,7% и при высоком уровне всех трех компонентов – 7,7% [6, 7]. Эти цифры говорят не только о значимости компонентов жизнестойкости в развитии стрессогенных расстройств, но и о системном, синергическом характере их

взаимодействия между собой, при котором суммарный эффект превышает сумму эффектов каждого компонента в отдельности.

Для определения саморегуляции лиц стрессоопасных профессий в профессиональной среде целесообразно использовать показатель нервно-психической устойчивости (НПУ), который отражает интегральную величину единства энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектов человека. Такие структурные элементы, как самооценка человека, уровень его эмоциональной устойчивости, наличие социального одобрения (поддержки) со стороны окружающих людей, хоть и не являются первоосновой регуляции поведения, но наглядно демонстрируют соотношение потребностей, мотивов, эмоций, самосознания, «я-концепции», которая, в свою очередь, обеспечивает устойчивость процесса регуляции поведения человека.

С целью прогноза нарушений адаптации в профессии лиц разных профессий, в том числе и пожарных, доказана эффективность исследования синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). Термин «эмоциональное выгорание» предложен американским психиатром Н.Г. Фрейдбергом (1974) для описания синдрома разочарования, истощения и отказа от работы у сотрудников служб психического здоровья. Под этим синдромом понимается выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на определенные психотравмирующие воздействия (Бойко В.В., 1996). Эмоциональное выгорание – это процесс, развивающийся во времени, который начинается с чрезмерного и продолжительного стресса на работе и вызывает чувство напряженности, раздражительности и утомления.

В ранее проведенных нами исследованиях установлено, что трудовой стаж более пяти лет наряду с личностными особенностями формирует СЭВ у 7,3% пожарных. Феноменология СЭВ обуславливается механизмом психологической защиты в форме неадекватного избирательного эмоционального реагирования в ответ на хронические психотравмирующие воздействия (симптом Р1 «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» СЭВ сформировался у 36,1% обследованных пожарных) [8].

Обследование сотрудников территориальной противопожарной службы показало, что 26% из них представляют группу риска развития нарушений адаптации, а 6,5% испытывают состояния, которые могут стать причиной неадекватного поведения и снизить эффективность профессиональной деятельности [4].

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в научно-исследовательском отделе «Медицинский регистр МЧС России» Всероссийского центра экстрен-

ной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России. Обследовано 47 респондентов, в том числе 19 специалистов ГПС МЧС России трех пожарных частей Санкт-Петербурга и 28 курсантов пожарно-спасательного колледжа МЧС России. Все пожарные и курсанты – мужчины, проживающие в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Возраст обследуемых колебался от 17 до 25 лет и составил в среднем $20,3 \pm 0,4$ года, стаж работы по специальности варьировал от 0 до 8 лет, средний стаж работы – $3,0 \pm 0,5$ года.

Под понятием «деятельность курсантов» подразумевается учебная деятельность, наполненная частыми практическими занятиями в пожарных отрядах по месту их дислокации.

Методологической основой исследования явилась системная концепция психики человека [3], в рамках которой деятельностный подход позволяет прогнозировать формирование стресса, нарушение работоспособности и возникновение соматических и психических заболеваний.

В исследовании использован тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [6], при создании которого авторами были отобраны 6 шкал из разных опросников (тест отчуждения С. Мадди, Калифорнийский тест оценки целей в жизни М. Хана, тесты личностных особенностей Д. Джексона и локуса контроля Дж. Роттера), содержательно соответствующих компонентам вовлеченности, контроля и принятия риска. В ходе апробации предпочтение отдано наиболее валидным и надежным пунктам, позволяющим исследовать жизнестойкость человека как личностную переменную, характеризующую меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности.

Особенности формирования синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) изучали с помощью методики В.В. Бойко (1996), основанной на учении о стрессе Н. Selye (1974). Она дает подробную картину СЭВ, характеризуя три последовательные фазы: тревожного напряжения, резистенции (или сопротивления) и истощения. Для каждой фазы свойственно наличие определенных симптомов.

Показатели нервно-психической устойчивости (НПУ) определялись с помощью теста «Прогноз», разработанного в психологической лаборатории ФГБОУ ВПО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова» МО РФ [3].

Обработку и анализ полученных данных проводили методами параметрической и непараметрической статистики с помощью программы Statistica 6.0 for Windows.

Результаты исследования и их анализ

В результате проведенного исследования установлено, что из 20 психологических параметров, содержащихся в трех отобранных тес-

тах, статистически значимые различия между курсантами пожарно-спасательного колледжа и молодыми пожарными (пожарными той же возрастной группы) получены только по трем признакам (15%). То обстоятельство, что 85% психологических параметров у курсантов и успешно работающих молодых пожарных имеют близкие значения, свидетельствует о достаточно высоком качестве психологического отбора при поступлении в колледж. Исключение составили: НПУ, симптом Н4 (тревога и депрессия) общего СЭВ и шкала В (вовлеченность) теста «Жизнестойкость».

Показатель НПУ у пожарных ($8,2 \pm 0,26$ балла) оказался выше такового у курсантов ($5,8 \pm 0,42$ балла) в 1,4 раза ($p < 0,001$; рис. 1). Очень важно, что среди пожарных отсутствовали лица с пограничными или неустойчивыми показателями НПУ, в то время как среди курсантов такие лица составили 53,6% (рис. 2). Различие структуры НПУ по степени выраженности нервно-психической устойчивости статистически высокосignificantly ($p < 0,0001$).

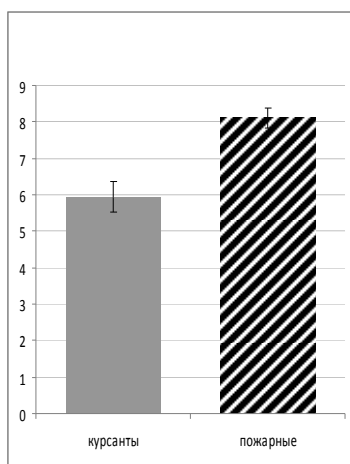

Рис. 1. Средние значения НПУ у лиц сопоставляемых групп, баллы

Рис. 2. Структура НПУ по степени выраженности у лиц сопоставляемых групп

НПУ пожарных ($8,2 \pm 0,26$ балла) выше показателей НПУ курсантов ($5,8 \pm 0,42$ балла). 16 из 28 курсантов (55%) показали III и IV категории НПУ. Приведенные результаты указывают на то, что эмоциональная устойчивость, самооценка, локусы контроля у курсантов ниже, чем у пожарных, что свидетельствует о меньшей степени саморегуляции их жизнедеятельности.

Убежденность молодых пожарных в том, что их вовлеченность ($42,5 \pm 0,98$ балла) в жизненный процесс, в события, в профессию позволяет им интересно жить, развиваться, расширять профессиональный мир, выше показателей убежденности их сверстников – курсантов ($37,3 \pm 1,21$ балла) ($p = 0,002$). У курсантов еще не сформировалась уве-

ренность в своих способностях, в своем профессиональном выборе и в открытости окружающего их мира.

Симптомы тревоги и депрессии общего СЭВ у курсантов ($6,3 \pm 1,45$ балла) почти в 6 раз превышают показатели пожарных ($1,1 \pm 0,48$ балла, $p = 0,001$; рис. 3), что характеризует более высокие адаптационные способности уже работающих специалистов МЧС по сравнению со сверстниками, занятыми учебно-практическими мероприятиями.

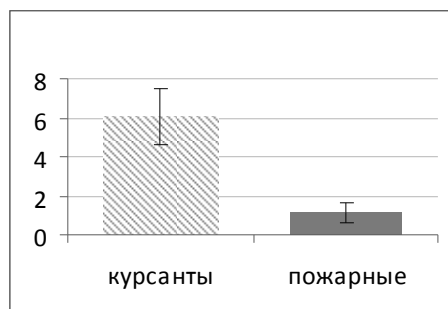

Рис. 3. Средние значения симптомов тревоги и депрессии у лиц сопоставляемых групп (шкала Н4 общего СЭВ)

Наличие только одного статистически значимого симптома общего синдрома эмоционального выгорания не позволяет нам утверждать, что степень профессионального выгорания курсантов выше, чем пожарных, но дает маркер для дальнейших мероприятий, предупреждающих развитие у них депрессивных состояний. Нынешние курсанты, войдя в профессию пожарного, могут составить группу риска возникновения состояний дезадаптации, так как долговременные профессиональные стрессы и «трагические инциденты» с большой вероятностью превышают порог сопротивления эмоционального реагирования и способствуют перенапряжению психофизиологических резервов организма.

Выводы

1. Сравнительный анализ результатов психологического обследования курсантов и успешно работающих молодых пожарных, проведенный с помощью методик СЭВ, жизнестойкости, НПУ, свидетельствует о достаточно высоком качестве психологического отбора при поступлении в пожарно-спасательный колледж.

2. Курсанты пожарно-спасательного колледжа уступают молодым пожарным в психологическом статусе по следующим параметрам:

- нервно-психическая устойчивость (55% курсантов отнесены к III и IV категориям НПУ);
- вероятность СЭВ (симптомы тревоги и депрессии у курсантов формируются в 6 раз чаще, чем у их сверстников пожарных);

– жизнестойкость (для них в большей степени характерны меньшая уверенность в своих силах, недостаточная вовлеченность в профессию, недоверие к окружающему миру).

3. Для формирования цельной саморегулируемой личности будущего профессионала целесообразно дополнить программу учебно-производственной подготовки курсантов колледжа «Санкт-Петербургский центр подготовки спасателей» специальными занятиями и психологическими мероприятиями, направленными на акмеологические инварианты профессионализма.

Литература

1. Абабков В.А., Пере М. Адаптация к стрессу. М.: Речь, 2004.
2. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии / под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. Вып. 2. С. 82–90.
3. Булка А.П. Система организации психофизиологических мероприятий в вооруженных силах Российской Федерации: дис. ... д-ра мед. наук: 19.00.02, 14.02.03 / А.П. Булка; ФГБОУ ВПО ВМА им. С.М. Кирова МО РФ. СПб., 2011.
4. Леви М.В. Методы выявления риска стрессовых расстройств у пожарных: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / М.В. Леви; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2000. 30 с.
5. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 1999.
6. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
7. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / под общ. ред. Г.А. Балла, А.Н. Киричука, Д.А. Леонтьева; пер. с англ. Г.А. Балла, А.П. Погребской. М.: Смысл, 1999. 425 с.
8. Шевченко Т.И. Особенности эмоциональных состояний сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России: дис. ... канд. психол. наук: 05.26.02, 24.05.07 / Т.И. Шевченко; ФГУЗ ВЦЭРМ им. А.М. Никифорова. СПб., 2007.

COMPARATIVE STUDY OF PSYCHOLOGICAL STATUS IN YOUNG FIRE-FIGHTERS AND STUDENTS OF THE FIRE AND RESCUE COLLEGE NRCERM, EMERCOM OF RUSSIA

Shevchenko T.I., Astafiev O.M., Makarova N.V. (Sankt-Peterburg)

Summary. Psychological examination of specialists of the State Fire-Fighting Service, EMERCOM of Russia, St. Petersburg and students of the fire and rescue college named St. Petersburg Centre for Fire Training was conducted in order to study the psychological status and to reveal criteria for prediction of activity self-regulation and professional longevity in extreme professions. During the study the students were revealed to be more likely to form anxiety and depression, their parameters of neuropsychic hardiness were reduced and, compared to fire-fighters of the same age, they had less confidence in the world around them. Besides, they were less self-confident and insufficiently involved into the professional community.

Key words: fire-fighters; students; self-regulation; viability; emotional burning-out syndrome; neuropsychic hardiness.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ К БРЕНДУ

А.Н. Володина (Нижний Новгород)

Аннотация. Рассматривается проблема влияния рекламы на формирование отношения потребителя к бренду. Проанализирован феномен отношения потребителя к бренду как регулятор потребительского поведения. Показана сущность понятия «бренд». Представлены результаты эмпирического исследования, раскрывающие механизмы влияния психологического типа рекламы на формирование отношения к бренду.

Ключевые слова: бренд; отношение; реклама; влияние, потребитель.

Современный этап развития общества характеризуется возрастанием роли потребления в социальной жизни человека. Потребительская мотивация и поведение являются объектом целенаправленных манипуляций со стороны специалистов по рекламным коммуникациям и PR [6, 11]. В этой связи приобретает актуальность задача противодействия манипулятивному влиянию рекламы на потребителя.

Важнейшим объектом влияния рекламы выступает отношение потребителя к бренду, которое является одним из основных регуляторов потребительского поведения. Проблема регуляции социального поведения человека является одной из центральных проблем социальной психологии. В традициях зарубежной социальной психологии изучение регуляции социального поведения человека осуществляется преимущественно через понятие социальной установки, или аттитюда [14].

В отечественной психологии благодаря таким ученым, как А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясичев, Б.Ф. Ломов, сформировалось направление, связанное с разработкой понятия «отношения личности». При сопоставлении этих понятий определилось значительное их сходство с точки зрения влияния на поведение и компонентного состава и механизмов формирования. В то же время между ними существуют определенные отличия: понятие «социальная установка» отражает прежде всего состояние психологической готовности субъекта к определенному поведению, тогда как понятие «отношение» – содержательные и осознанные связи человека с окружающим миром. Сравнение понятий позволило нам сделать вывод, что *понятие «отношение» в большей степени, чем понятие «социальная установка», отражает*

субъектно-оценочную и избирательную сторону отношения к действительности и в силу этого обладает хорошим объяснительным потенциалом при изучении механизмов избирательного потребительского поведения.

В последние годы феномен отношения к различным экономическим объектам – рекламе, собственности, деловому партнерству, деньгам – стал одним из основных объектов исследований как в социальной, так и в экономической психологии [7, 13 и др.]. Установлено, что феномен отношения к экономическим объектам имеет *трехкомпонентную структуру*, которая включает в себя когнитивный, эмоциональный и мотивационный (побудительный) компоненты и *направляет* экономическое поведение субъекта [5]. Такое понимание структуры отношения открывает хорошую перспективу для его использования при изучении феномена отношения потребителя к бренду, которое пока еще не становилось объектом специального исследования.

Как уже отмечалось, отношение к бренду в современных условиях является одним из основных регуляторов потребительского поведения, а понятие бренда является одним из ключевых в маркетинге при этом на сегодняшний день не установлено общепринятого определения этого термина. Тем не менее при всем множестве толкований можно выделить два основных подхода к его пониманию: 1) объект (торговая марка), посредством которого формируется определенное впечатление, и 2) процесс формирования данного впечатления [3. С. 18]. Мы придерживались первого подхода, поскольку он позволяет разделить сам бренд как маркетинговую категорию и процесс формирования впечатления о нем и сделать последний объектом самостоятельного психологического исследования. В качестве рабочего мы приняли определение бренда, предложенное Ф. Котлером, который понимает его как название, термин, знак, символ, рисунок или их сочетание, предназначенные для идентификации товаров или услуг продавцов и их дифференциации от товаров или услуг конкурентов; при этом бренд обладает определенными атрибутами [9. С. 417].

Большинством исследователей в качестве главной психологической составляющей бренда рассматривается образ торговой марки, который выполняет функции идентификации и дифференциации и определяет поведение потребителей при выборе продуктов и услуг. По мнению М.В. Андреевой, базовой психологической основой бренда является система образов, связанных с физическими признаками товаров (услуг), отношениями между товаром и потребителем, процессом и результатом потребления, с социальной и социально-психологической средой, в которой осуществляется потребительское поведение [1].

Изучив содержание образа бренда, мы обнаружили в нем когнитивный и аффективный компоненты: когнитивный компонент представлен комплексом знаний и представлений о данной торговой марке,

аффективный – эмоциональной оценкой и чувствами. На основе этого когнитивно-аффективного образования формируются определенные поведенческие намерения по отношению к данной торговой марке. Таким образом, с психологической точки зрения создание бренда представляет собой формирование отношения, имеющего трехкомпонентную структуру и влияющего на избирательность потребительского поведения. При этом анализ психологической и маркетинговой литературы показал, что в качестве основных факторов формирования отношения потребителя к бренду выступают социальная среда, опыт потребления и влияние рекламы [1, 4].

Обобщая результаты теоретического исследования, нами было дано следующее определение отношения к бренду: *отношение к бренду представляет собой сложившуюся под влиянием социальной среды, опыта потребления и рекламы достаточно устойчивую оценочную диспозицию потребителя, которая включает в свою структуру когнитивный, аффективный и побудительный компоненты и определяет избирательность потребительского поведения.*

Отношение потребителя к различным брендам выполняет ряд важных функций, включая социальную идентификацию потребителя, ориентацию в мире разнообразных товаров и услуг, ослабление эмоционального напряжения в ситуации «деспотии выбора» и др. Параметры отношения к бренду обуславливают избирательность и стабильность потребительского поведения, направляя его к брендам, по отношению к которым сформированы высокая позитивная оценка и доверие.

Говоря о характере влияния рекламы на формирование отношения потребителя к бренду, надо сказать, что он существенно зависит от используемых в рекламе средств психологического воздействия на потребителя. Исследование проблемы влияния рекламы на формирование отношения потребителя к бренду предполагает опору на обоснованную типологию рекламы. При рассмотрении маркетинговых классификаций рекламы мы отметили, что их общим недостатком является формальный характер, при котором не учитываются психологические механизмы ее воздействия. Необходимо построение психологической типологии рекламы, которая опиралась бы не на внешние по отношению к процессу рекламного воздействия характеристики, а на механизмы рекламных воздействий.

Выделение основания для построения психологической типологии рекламы должно опираться на анализ разработанных в психологии рекламы теоретических моделей влияния, таких как модели Р. Батра и М. Рэй, А. Дамазио, Дж. Мак Гвайера, Р. Пети и Дж. Качиоппо, Э. Плесси, Р. Смита и В. Свинярд и др. Анализ моделей влияния рекламы позволил выделить в качестве ключевого основания для построения психологической типологии преобладание одного из относительно независимых каналов воздействия: эмоционального или рационального. Со-

ответственно, *основным критерием для отнесения рекламы к эмоциональному или рациональному типу для нас стало преобладание в ней средств эмоционального или рационального воздействия*. Выделение эмоционального и рационального типов маркетинговой коммуникации позволило сформулировать основную задачу эмпирического исследования: изучить характер влияния эмоционального и рационального типов рекламы на формирование отношения потребителя к бренду.

Одновременно с этим нами было отмечено, что влияние рекламы на формирование отношения к бренду зависит от психологического типа личности потребителя. Психологические типологии потребителя построены чаще всего по трем основаниям: стиль жизни [2, 8], система ценностей [1 и др.] и социально-психологические свойства личности [15 и др.].

Как отмечает К. Муздыбаев, одним из основных социально-психологических свойств личности потребителя, опосредующих влияние рекламы, является «локус ценности». Степень выраженности этого свойства позволяет дифференцировать потребителей на полярные *социально-психологические типы*: «ориентированные на себя» и «ориентированные на других» [12. С. 46]. Выделение социально-психологических типов потребителя позволило нам сформулировать дополнительную задачу эмпирического исследования: изучить особенности влияния социально-психологического типа потребителя на формирование отношения к бренду при эмоциональном и рациональном типах рекламы.

Влияние рекламы на формирование отношения потребителя к бренду является недостаточно исследованным, остаются не до конца разрешенными следующие противоречия:

- между исследовательским потенциалом понятия «отношение к бренду» и его использованием при изучении регуляции избирательного поведения потребителя;
- между особенностями психологических типов рекламы и их учетом в изучении механизма формирования отношения к бренду;
- между запросом на психологическую экспертизу влияния рекламы на потребительское поведение и готовностью прикладной психологии к ответу на этот запрос.

В связи с нерешенными противоречиями существует проблема недостаточной изученности влияния психологических типов рекламы на формирование отношения к бренду, выступающего регулятором избирательного поведения потребителя. Отрицательным последствием этого положения является подмена научно обоснованной психологической экспертизы влияния рекламы на формирование отношения к бренду поверхностной диагностикой отдельных аспектов ее оформления, что приводит к ошибкам в объяснении механизмов влияния рекламы на потребительское поведение. Данные причины обусловили актуальность эмпирического исследования.

Цель эмпирического исследования заключалась в выявлении особенностей формирования отношения потребителя к бренду.

Объектом нашего исследования выступало отношение потребителя к бренду.

Предметом стало влияние психологического типа рекламы на формирование отношения потребителя к бренду.

Задачи исследования:

- 1) изучить феномен отношения потребителя к бренду;
- 2) определить критерий выделения психологических типов рекламы;
- 3) исследовать особенности влияния эмоционального и рационального типов рекламы на формирование позитивного отношения и доверия к бренду;
- 4) определить характер влияния социально-психологического типа потребителя на формирование отношения к бренду при эмоциональном и рациональном типах рекламы.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что психологический тип рекламы влияет на формирование отношения потребителя к бренду. При этом:

– в условиях низкой вовлеченности потребителя и неразличимости альтернатив эмоциональный тип рекламы формирует более высокий уровень позитивного отношения и доверия к бренду, чем рациональный тип;

– влияние социально-психологического типа потребителя на формирование позитивного отношения и доверия к бренду является избирательным при эмоциональном и рациональном типах рекламы.

Для проверки гипотезы о влиянии психологического типа рекламы на формирование отношения потребителя к бренду нами была разработана модель организации эмпирического исследования (рис. 1).

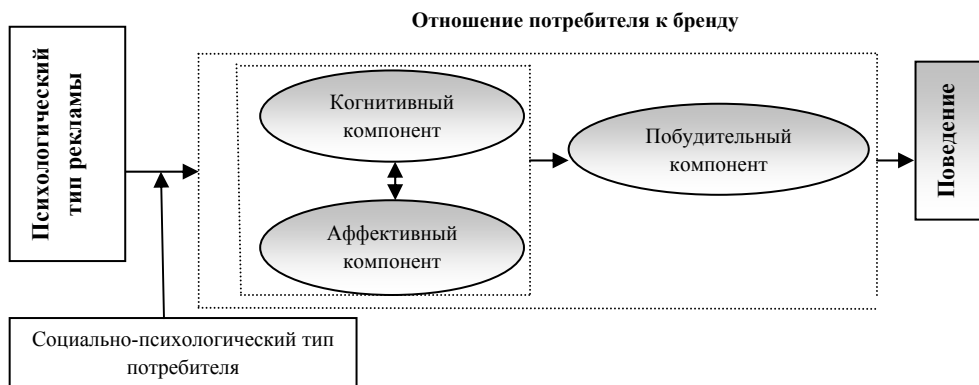

Рис. 1. Модель организации эмпирического исследования

В соответствии с этой моделью проведение эмпирического исследования предполагало решение следующих дополнительных задач.

1. Выбор эмоционального и рационального типов рекламы среди известных брендов;
2. Подбор двух однородных групп потребителей рекламируемых брендов.
3. Диагностику у респондентов сформированности отдельных компонентов, позитивного отношения и доверия к бренду.
4. Диагностику социально-психологического типа потребителей.
5. Статистическое сравнение и анализ результатов диагностики сформированности отношения при разных типах рекламы и социально-психологических типах потребителя.

При решении первой задачи мы исходили из того, что наиболее известными для потребителей являются бренды операторов сотовой связи. Рынок услуг сотовой связи является, с одной стороны, массовым, а с другой – жестко конкурентным, что обязывает компании активно «продвигать» свои бренды средствами рекламы. Крупнейшими в России операторами сотовой связи являются компании «Билайн» и «МТС». Обе компании активно рекламируют свои услуги, используя различные носители рекламы, среди которых основным, очевидно, является телевидение (телевизионные рекламные ролики).

На начальном этапе исследования специалистам в области рекламы и PR было предложено оценить рекламу указанных брендов с помощью опросника Путо–Уэллса в модификации А. Кутлалиева и А. Попова [10]. Статистическое сравнение результатов групповой экспертной оценки рекламы компаний «Билайн» и «МТС» показало, что реклама «Билайн» может быть отнесена к эмоциональному типу, а реклама «МТС» – к рациональному ($p \leq 0,01$). Отнесение означает не полное отсутствие в них альтернативного канала воздействия, а доминирование одного канала.

Подбор двух однородных групп потребителей услуг компаний «Билайн» и «МТС» осуществлялся по следующим признакам: возраст респондентов – от 20 до 35 лет; место проживания – Н. Новгород; группы были смешанными по полу: в группе пользователей «Билайн» 33 мужчины и 71 женщина, в группе пользователей «МТС» 31 мужчина и 58 женщин; непрерывный стаж пользования услугами «своей» компании (на момент проведения исследования) составлял не менее 2 лет; все респонденты являлись активными пользователями услуг сотовой связи и были знакомы с рекламой компаний сотовых операторов.

Методики диагностики сформированности отношения и отдельных его компонентов и блоков представлены в таблице.

Для диагностики социально-психологического типа потребителя была использована шкала поддержки «Самоактуализационный тест»

(Ю.А. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Кроз), позволяющая дифференцировать потребителей на типы «ориентированных на себя» и «ориентированных на других».

Методики диагностики отношения потребителя к бренду

Измеряемые переменные		Методики диагностики
Сформированность позитивного отношения к бренду		Опросник сформированности отношения потребителя к брендам «Билайн» и «МТС» (авторская модификация шкалы Лайкерта)
Сформированность доверия к бренду (когнитивно-аффективный блок)		Методика семантического дифференциала (авторская модификация)
Компоненты отношения	<i>Когнитивный</i>	Тест вспоминания элементов рекламной информации
	<i>Аффективный</i>	Шкала эмоциональной привлекательности бренда
	<i>Побудительный</i>	Шкала намерений потребительского поведения

Статистическое сравнение (по t-критерию Стьюдента) суммарных оценок брендов показало, что *при эмоциональном типе рекламы формируется более высокий уровень позитивного отношения, чем при рациональном* ($p \leq 0,01$). Кроме того, обнаружено, что реклама «Билайн» в большей степени направлена на формирование «имиджевых» атрибутов бренда, а реклама «МТС» – «утилитарных». Было также обнаружено, что *при эмоциональном типе рекламы сформирован высокий уровень аффективного и побудительного компонентов, чем при рациональном* ($p \leq 0,01$).

Сравнение коэффициентов корреляций между компонентами (с помощью Z-преобразования Фишера) показало, что при эмоциональном типе рекламы связи между аффективным и побудительным ($p \leq 0,01$) и между аффективным и когнитивным ($p \leq 0,01$) компонентами сильнее, чем при рациональном типе. Следовательно, *при эмоциональном типе рекламы формируется более устойчивая структура компонентов отношения, чем при рациональном*.

Исходя из полученных результатов и концептуальных представлений о существовании двух независимых каналов воздействия рекламы, нами были построены модели влияния эмоционального и рационального типов рекламы на формирование отношения потребителя к бренду (рис. 2).

Сопоставление моделей влияния свидетельствует о различиях в механизмах формирования отношения. При эмоциональном типе рекламы формируется высокий уровень аффективного компонента, который, помимо сильного влияния на побудительный компонент, усиливает также и когнитивный компонент.

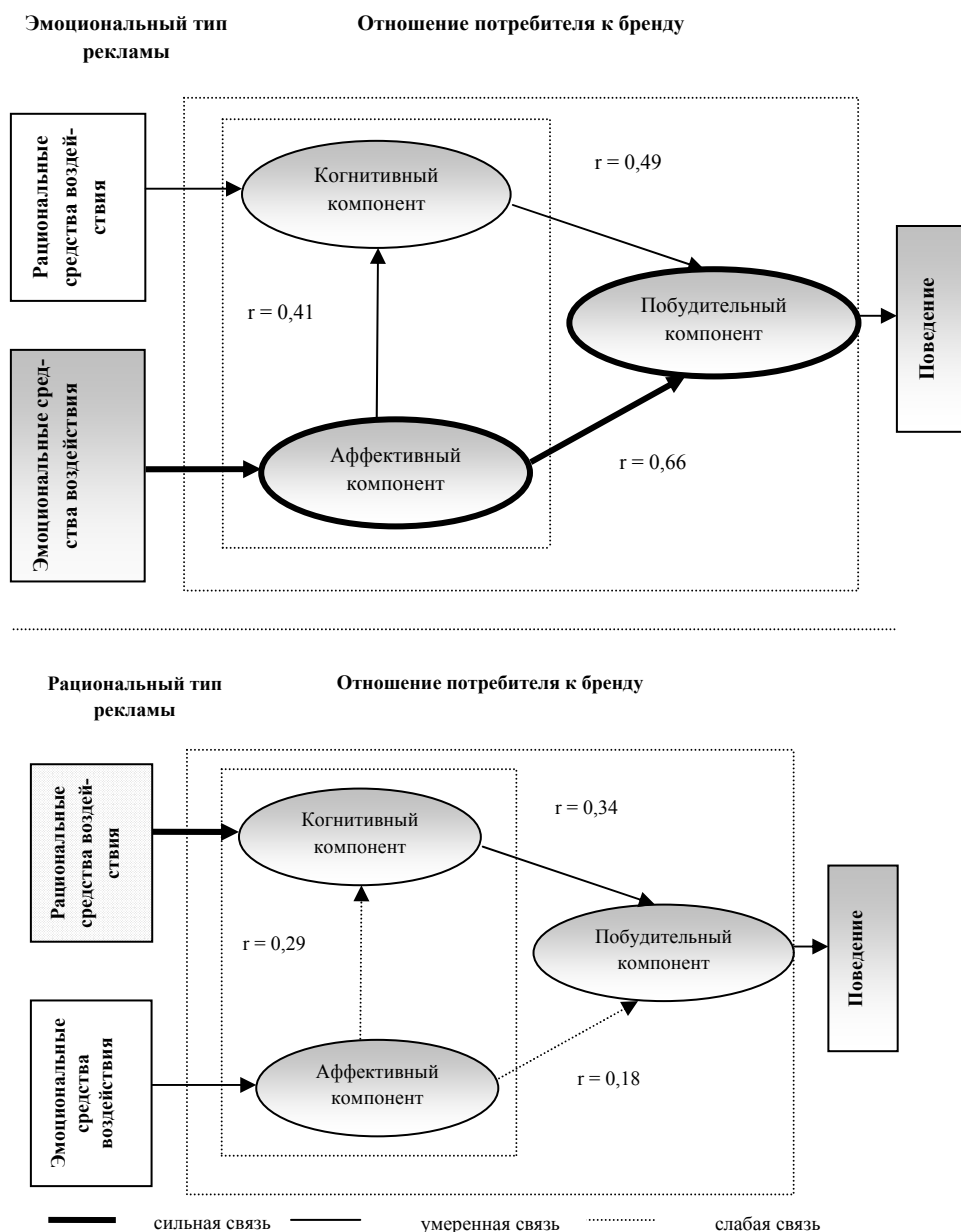

Рис. 2. Модели влияния эмоционального и рационального типов рекламы на формирование отношения потребителя к бренду

При рациональном же типе рекламы формируется средний уровень когнитивного компонента и практически отсутствует влияние аффективного компонента, что приводит к формированию среднего уровня побудительного компонента. Сравнение этих механизмов позволило сделать вывод о том, что *ведущую роль в формировании позитивного отношения потребителя к бренду играет аффективный ком-*

понент. Он оказывает сильное влияние на побудительный компонент и усиливает формирование когнитивного компонента, что в конечном итоге обуславливает высокий уровень позитивного отношения потребителя к бренду.

Анализируя особенности рекламы услуг сотовой связи, мы заключили, что *более высокая эффективность эмоционального типа рекламы в формировании позитивного отношения к бренду проявляется в условиях низкой вовлеченности потребителя и неразличимости альтернатив.*

Наряду с направленностью (уровень позитивного отношения) важную роль в понимании образа бренда имеет характер отношения (уровень доверия к бренду). Определение характера отношения проводилось нами посредством выявления особенностей эмоционально-смысловых образов брендов «Билайн» и «МТС», отражающих интегрированную когнитивно-аффективную оценку брендов.

Анализ результатов статистического сравнения средних значений шкал семантического дифференциала и факторного анализа оценок (методом главных компонент и с включением подпрограммы поворота факторной структуры по принципу varimax) позволил обнаружить различия в эмоционально-смысловых образах брендов. Эмоционально-смысловой образ бренда «Билайн» был интерпретирован как «дружественный», а бренда «МТС» – как «партнерский». Сопоставление этих образов позволило сделать вывод о том, что *эмоциональный тип рекламы формирует более доверительный характер отношения, чем рациональный тип.*

Для изучения влияния социально-психологического типа потребителя на формирование отношения к бренду среди респондентов были выделены группы потребителей «ориентированных на себя» и «ориентированных на других». Из 104 потребителей услуг компании «Билайн» выделилось 39 «ориентированных на себя», 35 «ориентированных на других» и 30 потребителей сгруппировались в «промежуточный тип». Из 89 потребителей услуг компании «МТС» выделилось 33 «ориентированных на себя», 35 «ориентированных на других» и 21 потребитель сгруппировались в «промежуточный тип».

Основанием для группировки потребителей служила линейная стандартизация показателей шкалы поддержки САТ ($M_x = 45$; $y = 7$). Последующее статистическое сравнение проводилось только между полярными типами.

При статистическом сравнении (по t-критерию Стьюдента) суммарных оценок бренда «Билайн» было выявлено, что у потребителей «ориентированных на себя» формируется более высокий уровень позитивного отношения, чем у потребителей «ориентированных на других» ($p \leq 0,01$). Сравнение механизмов формирования отношения к бренду у разнотипных потребителей показало, что *более высокий уро-*

вень позитивного отношения у потребителей «ориентированных на себя» формируется за счет более высокого уровня когнитивного компонента ($p \leq 0,01$) и, соответственно, более сильного его влияния на побудительный компонент ($p \leq 0,05$), что в итоге приводит и к более высокому уровню сформированности побудительного компонента ($p \leq 0,01$).

Одновременно с этим установлено, что социально-психологический тип потребителя не оказывает существенного влияния на содержание эмоционально-смыслового образа бренда «Билайн»: у обоих типов потребителей были сформированы сходные образы «дружественного» бренда, различающиеся только оттенками уверенности – уступчивости, которые отражают психологические особенности типов.

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что влияние социально-психологического типа при эмоциональном типе рекламы проявляется в уровне сформированности позитивного отношения, но отсутствует в уровне доверия к бренду. При этом *потребители «ориентированные на себя» более подвержены влиянию эмоционального типа рекламы, чем потребители «ориентированные на других».*

При статистическом сравнении (по t-критерию Стьюдента) суммарных оценок бренда «МТС» обнаружено отсутствие различий в уровне сформированности позитивного отношения у потребителей «ориентированных на себя» и «ориентированных на других». Сравнение механизмов формирования отношения к бренду у разнотипных потребителей показало, что они являются принципиально сходными с точки зрения сформированности как отдельных компонентов, так и связей между ними.

Однако при этом было обнаружено влияние социально-психологического типа потребителя на содержание эмоционально-смыслового образа бренда «МТС»: у потребителей «ориентированных на себя» был сформирован образ «деятельного» бренда, а у потребителей «ориентированных на других» – «честного» бренда. Сопоставление этих образов позволило сделать вывод о том, что у потребителей «ориентированных на других» при рациональном типе рекламы формируется более доверительный характер отношения, чем у потребителей «ориентированных на себя».

Таким образом, мы заключили, что *влияние социально-психологического типа потребителя на формирование отношения к бренду является избирательным в эмоциональном и рациональном типах рекламы.*

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о существовании различий во влиянии эмоционального и рационального типов рекламы на формирование отношения потребителя к бренду и позволило нам сделать следующие **выводы**:

1. Феномен отношения потребителя к бренду определяется нами как сформированная под влиянием социальной среды, опыта потреб-

ления и рекламы оценочная диспозиция, которая включает в свою структуру когнитивный, аффективный и побудительный компоненты и обуславливает избирательность потребительского поведения.

2. В качестве основного критерия для построения психологической типологии рекламы выступает доминирование в ней эмоционального или рационального каналов воздействия.

3. Специфика эмоционального типа рекламы в условиях низкой вовлеченности потребителя и неразличимости альтернатив формирует более высокий уровень позитивного отношения и доверия к бренду, чем рациональный тип. Ведущую роль в этом играет аффективный компонент, который, помимо сильного влияния на побудительный компонент, усиливает и формирование когнитивного компонента.

4. При эмоциональном и рациональном типах рекламы влияние социально-психологического типа потребителя на формирование позитивного отношения и доверия к бренду различается. При эмоциональном типе рекламы это влияние проявляется в уровне сформированности позитивного отношения, которое выше у потребителей «ориентированных на себя», а при рациональном типе – в уровне доверия к бренду, которое выше у потребителей «ориентированных на других».

Полученные нами эмпирические данные могут быть использованы в качестве основы для разработки рекламной стратегии компании, нацеленной на формирование позитивного отношения потребителя к бренду. При этом открыта возможность использования результатов при психологической экспертизе факторов формирования отношения потребителя к бренду.

Учитывая актуальность данного исследования и других, ему подобных, для меняющегося и развивающегося общества целесообразно продолжить данное исследование в будущем. В частности, необходимо определить характер влияния таких психологических особенностей потребителя, как стиль жизни и система ценностей, на формирование отношения к бренду при эмоциональном и рациональном типах рекламы.

Литература

1. Андреева М.В. Психологические основы образования и функционирования бренда: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 214 с.
2. Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2007. 944 с.
3. Бренды и брендинг / под ред. Р. Клифтон, Дж. Симмонз и др.; пер. с англ. А. Ижорского. М.: Олимп – Бизнес, 2008. 352 с.
4. Джоунс Дж.Ф. Роль рекламы в создании сильных брендов. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. 496 с.
5. Журавлев А.Л., Поздняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журн. высш. шк. экономики. 2004. Т. 1, № 3. С. 46–64.
6. Зыкин В.Г. Психология в рекламе. М.: Дата Стром, 1992. 63 с.

7. Китов А.И. Экономическая психология. М.: Экономика, 1987. 303 с.
8. Коптев С., Кларк Н., Ткачев В. Человечный маркетинг. М.: Медиадом, 2003. 184 с.
9. Котлер Ф. Основы маркетинга / пер. с англ. В.Б. Боброва. М.: Бизнес-книга; ИМА-Кросс-Плюс, 1995. 702 с.
10. Кутлалиев А., Попов А. Эффективность рекламы. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
11. Лебедев А.Н. Психология рекламной коммуникации в изменяющемся обществе: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 425 с.
12. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.
13. Позняков В.П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 346 с.
14. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 238 с.
15. Riesman D. Individualism reconsider and other essays. New York, 1966.

INFLUENCE OF ADVERTISING ON FORMATION OF THE RELATION OF THE CONSUMER TO THE BRAND

Volodina A.N. (Nizhniy Novgorod)

Summary. The problem of influence of advertizing on formation of the relation of the consumer to a brand is considered. The phenomenon of the relation of the consumer to a brand as a regulator of consumer behavior is analysed. The understanding of essence of concept «brand» is shown. The results of empirical research opening mechanisms of influence of psychological type of advertizing on formation of the relation to a brand are presented.

Key words: brand; the relation; advertizing; influence, the consumer.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ АКМЕ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.В. Козлова, Т.Г. Ломоносова (Томск)

Работа подготовлена при поддержке грантов «Профессиональный образ мира студентов из регионов с разным уровнем инновационной активности (на примере Сибири)» (11-06-18011е); «Распределенная информационно-аналитическая система оценки компетентности ИТ-специалистов» (11-06-12010в)

Аннотация. Представлены результаты экспериментально-психологического исследования интеграции показателей управленческого потенциала молодых специалистов в условиях гуманитарных акме-ориентированных технологий. Исследование проводилось на основе оценки динамики взаимосвязей и структуры показателей самоактуализации, смысловых ориентаций, личных качеств руководителя и ригидности поведения, определяющих управленческий потенциал молодых специалистов.

Ключевые слова: управленческий потенциал; акмеология; гуманитарные акме-ориентированные технологии; молодые специалисты.

Анализ проблемы управленческого потенциала молодых специалистов в отдельных аспектах представлен как в отечественной [1, 6, 15, 16, 18], так и в зарубежной [2, 5, 9, 17] научной литературе. Обращаясь к новой методологии психологии инновационного поведения, в рамках системной антропологической психологии [10], а также принимая определение человека как целостной открытой саморазвивающейся системы (В.Е. Ключко), обладающей собственными ресурсами организации самодвижения, системной детерминации и способностью производить факторы, в опоре на которые она может выстраивать стратегию саморазвития и самореализации, мы расширяем и уточняем ранее выделенное нами понятие управленческого потенциала [14]. *Управленческий потенциал* рассматривается как личностный ресурс, позволяющий осваивать и реализовывать новые формы поведения (инициировать инновационное поведение) в управленческой деятельности и включающий совокупность разноуровневых особенностей:

1. Управленческие качества – индивидуально-личностные и социально-психологические особенности человека, в комплексе обеспечивающие успешность его работы в управленческой деятельности (мотивационные, интеллектуальные, предметно-практические, эмоциональные, волевые).

2. Ценностно-смысловые образования, потребность в самореализации, позволяющие включаться в режим саморазвития (перевод

возможности в действительность) в процессе профессиональной деятельности.

3. Степень открытости–закрытости человека как психологической системы, которая позволяет осуществлять собственные изменения и взаимодействия с меняющимся миром.

С позиции акмеологии развитие управленческого потенциала как категории профессионализма связано с определенными условиями и факторами [3, 4], где акмеологические условия – значимые обстоятельства, от которых зависит достижение высокого профессионализма личности и деятельности молодых специалистов, а акмеологические факторы – это объективные причины, обуславливающие самовыдвижение человека к вершинам профессиональной деятельности, т.е. к высоким достижениям.

Для исследования интеграции показателей, определяющих управленческий потенциал молодых специалистов в условиях акме-ориентированных технологий, проведено экспериментально-психологическое исследование. Анализ и интерпретация результатов исследования динамики показателей управленческого потенциала молодых специалистов проводились нами в следующих направлениях:

1. Изучение динамики показателей управленческого потенциала молодых специалистов контрольной и экспериментальной группы, включенной в гуманитарные акме-ориентированные технологии. Первый срез исследования – диагностика показателей управленческого потенциала молодых специалистов контрольной и экспериментальной групп до включения в эксперимент. Второй срез исследования – диагностика показателей управленческого потенциала молодых специалистов контрольной и экспериментальной групп через полгода после окончания эксперимента.

2. Сравнение показателей – выходных данных – управленческого потенциала молодых специалистов экспериментальной и контрольной групп в условиях гуманитарных акме-ориентированных технологий и показателей управленческой группы.

Молодые специалисты ОАО «НПЦ «Полюс», выпускники Томских вузов 2007–2009 гг. в возрасте от 23 до 30 лет, были разбиты на 3 группы: *экспериментальную* (40 чел.), члены которой принимали участие в развивающей программе; *контрольную* (41 чел.), работавшую в обычном режиме предприятия; *управленческую* (20 чел.) – группу уже действующих специалистов, вступивших в должности: ведущий специалист, начальник лаборатории, заместитель начальника отдела, начальник отдела в период 2007–2009 гг. Общее количество респондентов составило 101 чел.

Для изучения основных характеристик управленческого потенциала как личностных переменных мы использовали следующие методики: тест смысловых ориентаций (далее СЖО) Д.А. Леонтьева

(1992), направленный на диагностику особенностей смыслового состояния личности, выявление индивидуальных представлений о системе значимых ценностей, определяющих наиболее общие ориентиры жизнедеятельности личности; томский опросник ригидности Г.В. Залевского (далее ТОРЗ); определение личностных качеств руководителя, включая социальную нравственность, духовную зрелость, эмоциональную зрелость, социальный интеллект и лидерство А. Аграшенкова; тест самоактуализации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, М.В. Загика, М.В. Кроза (далее САТ).

Для исследования интеграции показателей управленческого потенциала проведено изучение взаимодействия в условиях гуманитарных акме-ориентированных технологий. *Акме-ориентированные технологии* рассматриваются как совокупность методов, приемов и техник, посредством которых организуется и реализуется движение личности к вершинам самореализации. Отличительной особенностью технологий является подчиненность их принципам гуманизма, ориентированность на достижение высших уровней развития человека, в том числе в сфере профессиональной деятельности.

При разработке программы «Развитие управленческого потенциала молодых специалистов» мы опирались на векторы проектных разработок в пространстве психолого-образовательных технологий психологии инновационного поведения (Е.В. Ключко, Э.В. Галажинский), акмеологический тренинг и тренинг программно-целевой направленности (по А.П. Ситникову), а также профессионально-ситуативный акмеологический тренинг (по В.В. Воронину) [13]. Разработанная нами программа развития управленческого потенциала молодых специалистов представляет собой комплексный акмеологический проект, имеющий сложную организационную структуру, включающую диагностические и тренинговые акме-направленные занятия по проблемам лично-профессиональной самореализации в управленческой деятельности с элементами ролевого тренинга, деловой игры, лекций-дискуссий, «мозгового штурма», рефлексии эффекта упражнений.

Исследование проводилось с помощью корреляционного анализа, с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена. Обработка экспериментального материала осуществлялась на ПЭВМ с помощью пакета прикладных программ STATISTICA.

В результаты корреляционного анализа по всем возможным сочетаниям, отображающим структуру взаимодействия показателей управленческого потенциала молодых специалистов контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента, а также управленческой группы, не включены корреляционные связи между шкалами одной методики. Их психологическое содержание взаимосвязано, что и отражала корреляция. Все они коррелируют между собой с коэффициентом не ниже $r = 0,45$, но для нашего исследования больший научный инте-

рес представляют корреляционные связи между показателями представленных методик. В интерпретации учитывались только средние и высокосвязные корреляции ($r \geq 0,60$).

В процессе изучения взаимосвязей между показателями управленческого потенциала **контрольной группы до и после эксперимента** были выявлены группы с положительными и отрицательными связями (рис. 1).

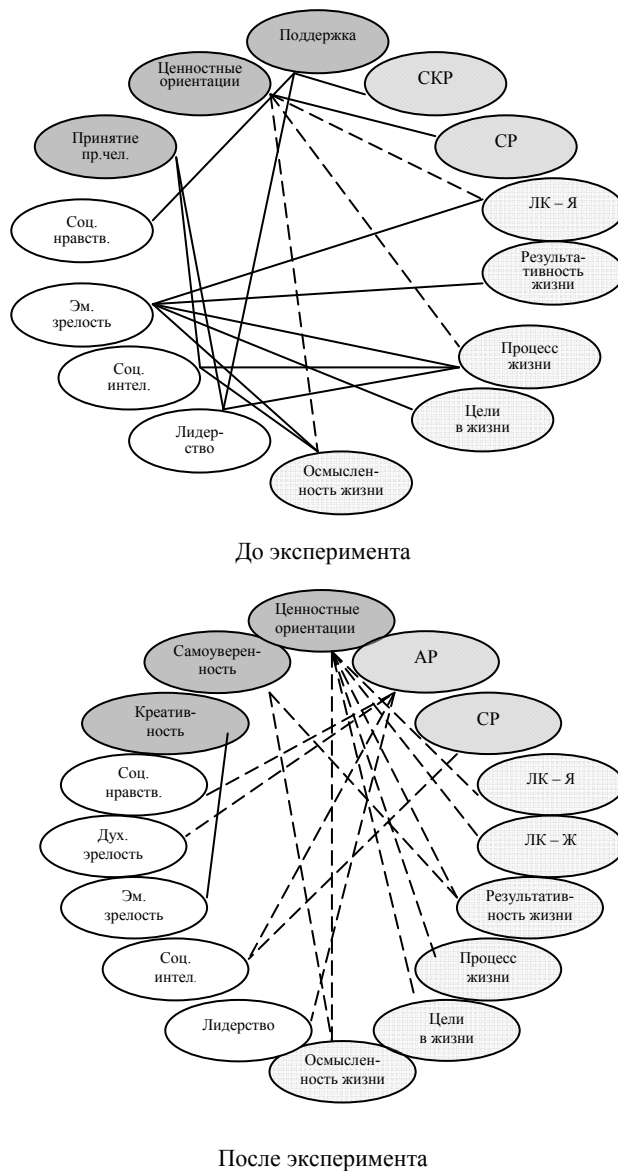

Рис. 1. Взаимосвязи показателей управленческого потенциала контрольной группы до и после эксперимента (положительные взаимосвязи отмечены пунктирной линией, отрицательные – сплошной; цветом выделены показатели одной методики)

Взаимосвязи между TOP3 и личными качествами руководителя являются для нас показателем, определяющим ригидность как фактор, образующий управленческий потенциал. Как отмечает Г.В. Залевский, именно гибкие формы поведения лежат в основе регуляции деятельности во взаимосвязи с системой ценностей [7].

В итоге после эксперимента рассмотренные выше взаимосвязи в большинстве существенно ослабевают. Это подтверждает полученные ранее результаты: без сопровождения в условиях акме-ориентированных технологий взаимосвязи между факторами управленческого потенциала существенно ослабевают, что говорит о понижении управленческого потенциала в контрольной группе.

В процессе изучения взаимосвязей между показателями управленческого потенциала **экспериментальной группы до и после эксперимента** тоже были выявлены группы с положительными и отрицательными связями (рис. 2).

При некотором ослаблении взаимосвязей между показателями САТ и TOP3 корреляционные взаимосвязи остаются практически в том же количестве. В контрольной группе высокосignимые корреляции не сохраняются. Таким образом, можно сделать вывод, что акме-ориентированные технологии позволяют сохранить взаимосвязь факторов (ригидности и самоактуализации) управленческого потенциала молодого специалиста, основываясь на мнении Э.В. Галажинского, который отмечает ригидность как динамизирующую непричинную детерминацию самореализации [11].

После эксперимента происходит усиление взаимосвязей между показателями методик личных качеств руководителя и САТ, а также между показателями методик личных качеств руководителя и TOP3. Это говорит о том, что в условиях акме-ориентированных технологий происходит сохранение и укрепление взаимосвязей между факторами (самоактуализация и личные качества руководителя, ригидность и личные качества руководителя), обуславливающими управленческий потенциал молодого специалиста.

В процессе изучения взаимосвязей показателей **управленческой группы** также были выявлены группы с положительными и отрицательными связями (рис. 3).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Существуют сходные корреляционные связи между контрольной и управленческой группами. Это взаимосвязи между показателями методик САТ и СЖО, а также между показателями методик TOP3 и личными качествами руководителей. Отметим, что при высоких статистических значениях показателей управленческого потенциала в управленческой группе наблюдается небольшое количество взаимосвязей. Это говорит о необходимости более детального изучения, а также сопровождения развития и сохранения управленческого потен-

циала молодых специалистов управленческой группы как действующих управленцев и будущих топ-менеджеров оборонно-промышленного инновационного предприятия.

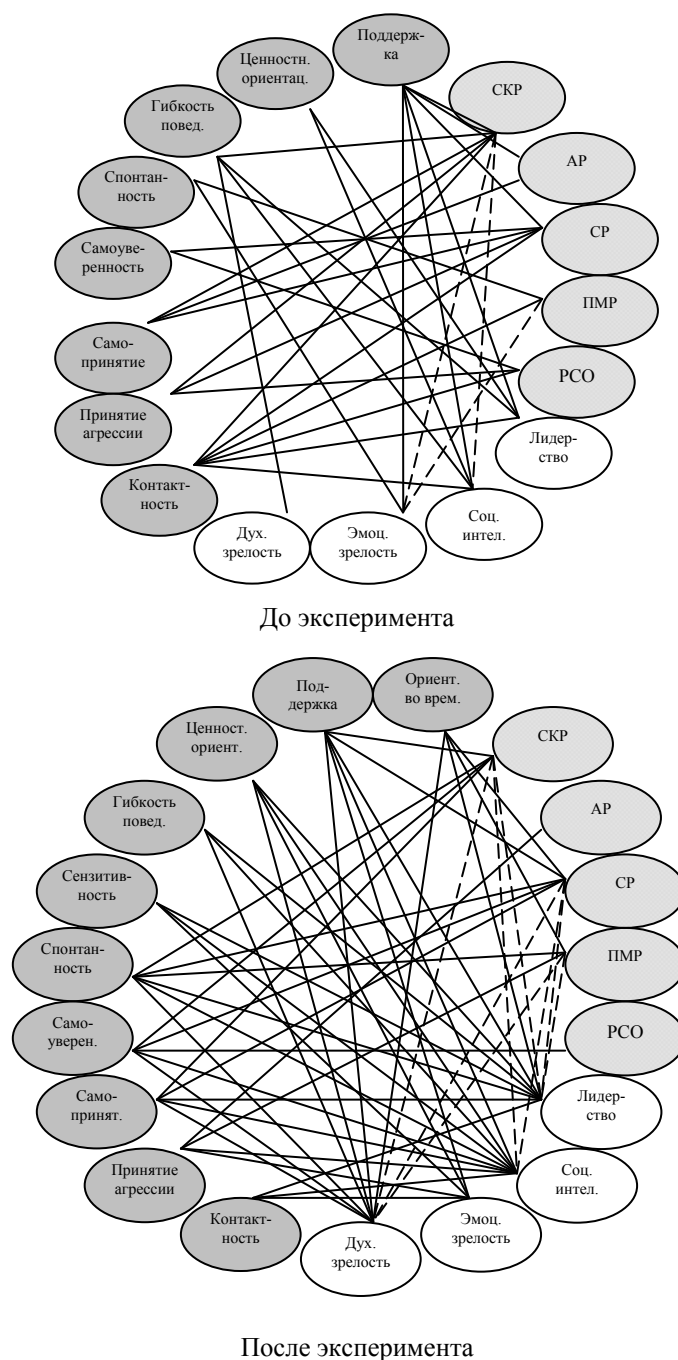

Рис. 2. Взаимосвязи показателей управленческого потенциала молодых специалистов контрольной группы до и после эксперимента (обозначения те же, что на рис. 1)

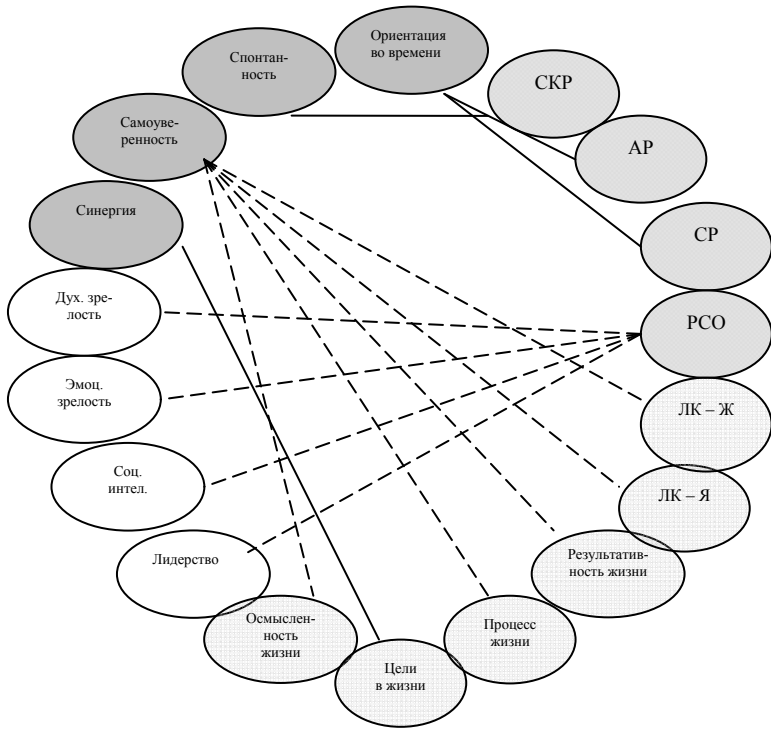

Рис. 3. Взаимосвязи показателей управленческого потенциала молодых специалистов управленческой группы (обозначения те же, что на рис. 1)

2. Смыслоразнообразные ориентации становятся одним из факторов поддержки управленческого потенциала молодого специалиста и управленца вне акме-ориентированной системы сопровождения.

3. Взаимодействие между ригидностью и личными качествами руководителя наблюдается в полной мере во всех представленных группах. Это говорит о том, что ригидность–флексibilität является неотъемлемым составляющим фактором, определяющим управленческий потенциал. Это подтверждается Н.В. Козловой, определившей психическую ригидность–флексibilität как общий инвариант профессионализма вне зависимости от специфики профессиональной деятельности [12].

4. Взаимосвязи в экспериментальной группе после эксперимента показывают эффективность развивающей программы на основе акме-ориентированных технологий. Взаимосвязи расширяются и укрепляются, что подтверждают корреляции между самоактуализацией, флекси-бильными формами поведения и личными качествами руководителей, т.е. происходит интеграция параметров, определяющих управлен-ческий потенциал.

Более полно и четко структура и динамика показателей управленческого потенциала просматриваются по результатам разведывательного

факторного анализа, поскольку явления в определенной области исследований, несмотря на свою разнородность и изменчивость, могут быть описаны относительно небольшим числом функциональных единиц, параметров или факторов. Для определения различий между значениями показателей контрольной и экспериментальной групп мы провели факторный анализ отдельно по каждой группе до и после эксперимента. В силу недостаточной выборки интерпретацию результатов факторного анализа имеет смысл расценивать не как финальный этап исследования, а как этап выдвижения гипотез. Такая точка зрения дополняет представление о факторном анализе как аппарате проверки гипотез, касающихся детерминации наблюдаемых переменных [7].

Для выделения факторов использовался метод главных компонент (principal components) вращения факторов варимакс (varimax). В табл. 1 и 2 отображены результаты для каждой группы до и после эксперимента. Структура каждого фактора представлена в таблице выделением более темным шрифтом значения признака, входящего в фактор. Факторные нагрузки указаны в скобках.

Как видно из таблиц, в контрольной группе выделилось 7 факторов до и после эксперимента, в экспериментальной – 6 факторов до и 7 – после эксперимента. В каждой группе было определено 4 общих фактора, сохраняющих основную структуру до и после эксперимента («осмысленность жизни», «управленческий фактор», «концепции человека» и «приобретение знаний»), и по 3 специфических для каждой группы.

Из табл. 1 видно, что фактор «осмысленность жизни» в контрольной группе до эксперимента включает в себя высокие значения смысло-жизненных ориентаций (0,73), целей в жизни (0,60), процесса жизни (0,62), результативность жизни (0,69), локус контроля – я (0,60), локус контроля – жизнь (0,65), преморбидной ригидности (–0,73), ригидности как состояния (–0,66) и сенситивной ригидности (–0,63). «Управленческий фактор»: лидерство (–0,81), эмоциональная зрелость (–0,76), социальный интеллект (–0,74). Фактор «концепция человека»: принятие природы человека (–0,59), синергии (–0,62). Фактор «приобретение знаний»: контактность (–0,58), познавательные потребности (0,59).

Фактор «хозяин жизни» в контрольной группе до эксперимента представлен высокими значениями показателей: локус контроля – я (–0,67), цели в жизни (–0,67), осмысленность жизни (–0,59), результативность жизни (–0,56), сензитивности (0,55).

Фактор «базовая самоактуализация» в контрольной группе до эксперимента обусловлен показателем поддержки (–0,58).

Фактор «ригидность–флексibilität» представлен в контрольной группе до эксперимента показателем установочной ригидности (–0,55).

Значения факторных весов контрольной группы до (Дэ) и после (Пэ) эксперимента

Показатели	Factor 1		Factor 2		Factor 3		Factor 4		Factor 5		Factor 6		Factor 7	
	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Комп-ть во времени	0,46	0,53	0,39	-0,13	0,12	-0,35	0,28	-0,17	0,18	-0,07	0,21	-0,64	0,04	0,02
Поддержка	0,11	0,75	0,31	0,25	-0,44	-0,41	0,13	-0,03	-0,04	-0,12	-0,58	-0,15	0,09	0,27
Ценностные ориентации	0,43	0,67	0,24	-0,21	-0,19	0,03	-0,06	0,33	0,12	-0,13	-0,09	0,12	-0,41	0,49
Гибкость поведения	0,52	0,61	0,17	0,33	-0,22	-0,23	0,10	-0,23	-0,50	-0,13	0,43	-0,31	-0,11	0,32
Сензитивность к себе	0,31	0,16	0,55	0,30	-0,51	-0,57	0,39	0,10	-0,02	-0,04	-0,04	0,41	-0,09	0,39
Споганность	0,48	0,68	0,40	0,39	-0,46	-0,32	0,21	0,06	-0,26	-0,13	-0,09	0,25	-0,02	0,14
Самоуважение	0,41	0,62	0,10	-0,21	-0,14	0,05	0,41	0,05	0,32	-0,15	-0,14	-0,26	-0,45	0,22
Самопринятие	0,49	0,61	0,26	0,17	0,10	-0,34	0,32	-0,31	-0,06	0,11	0,16	-0,41	0,32	0,00
Представление о природе человека	0,49	0,36	0,23	0,05	0,31	0,32	-0,59	0,60	-0,03	-0,06	0,23	-0,24	-0,16	0,08
Синергия	0,44	0,36	0,09	0,02	-0,11	-0,15	-0,62	0,69	-0,28	-0,24	0,09	-0,10	-0,14	0,22
Принятие агрессии	-0,05	0,50	0,32	0,04	-0,28	-0,51	-0,17	0,10	-0,34	0,25	-0,11	0,35	-0,04	0,23
Контактность	0,06	0,31	0,22	0,24	0,08	-0,45	0,47	-0,38	-0,58	0,39	0,15	0,26	0,02	0,29
Познавательные потр.	0,18	0,05	0,24	0,06	0,02	-0,02	0,24	0,56	0,59	0,55	0,19	0,05	0,13	-0,16
Креативность	0,38	0,46	0,37	0,34	-0,37	-0,23	-0,17	-0,03	0,15	-0,44	0,31	0,34	-0,01	-0,26
Симптомокомплекс р.	-0,55	-0,59	-0,48	-0,21	-0,14	0,36	0,21	-0,02	-0,21	-0,10	0,20	0,24	0,04	0,46
Актуальная ригидность	-0,49	-0,70	-0,35	-0,23	-0,07	0,11	0,09	0,03	0,06	-0,05	0,36	-0,18	-0,42	0,30
Установочная ригидность	-0,24	-0,35	-0,45	-0,43	-0,10	0,16	0,16	-0,27	-0,14	-0,25	-0,08	0,29	-0,55	0,44
Сенситивная ригидность	-0,63	-0,71	-0,09	-0,08	0,04	0,12	0,31	0,08	-0,37	0,08	-0,16	-0,11	-0,05	0,48
Ригидность как составляющая	-0,66	-0,41	-0,05	0,10	-0,12	-0,04	-0,02	0,16	-0,24	0,16	0,22	-0,21	0,29	0,59
Преморбидная ригидность	-0,70	-0,53	-0,28	-0,22	0,02	0,11	0,05	-0,33	0,07	-0,02	-0,20	-0,10	-0,06	0,41
Общий показатель осмысленности жизни	0,73	0,77	-0,59	-0,53	-0,22	0,21	0,02	-0,07	0,00	0,08	0,01	0,07	-0,03	0,04

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Цели в жизни	0,60	0,65	-0,67	-0,59	-0,17	0,20	0,09	-0,15	0,04	0,06	-0,06	0,09	0,11	0,05
Процесс жизни	0,62	0,74	-0,40	-0,57	-0,32	0,02	0,06	0,05	0,01	0,08	0,02	-0,02	0,12	0,04
Результат. жизни	0,69	0,77	-0,56	-0,42	-0,23	0,15	0,01	-0,15	-0,09	-0,10	-0,03	0,06	0,06	-0,14
Локус контроля – Я	0,60	0,67	-0,67	-0,64	-0,17	0,14	0,09	0,06	0,04	0,05	-0,06	0,15	0,11	-0,07
Локус контроля – Ж	0,65	0,75	-0,39	-0,55	-0,06	0,00	-0,10	-0,02	-0,10	0,16	-0,01	0,06	0,09	0,01
Соц. нравственность	-0,38	-0,39	0,10	-0,40	-0,55	-0,58	-0,22	0,15	0,08	-0,30	-0,32	-0,09	0,14	-0,13
Духовная зрелость	-0,47	-0,58	-0,15	-0,41	-0,41	-0,48	0,21	0,07	0,28	-0,16	0,45	0,13	0,09	-0,23
Эмоц. зрелость	-0,35	-0,43	0,07	-0,39	-0,76	-0,66	-0,18	0,03	0,02	0,24	0,02	-0,13	-0,09	0,06
Соц. интеллект	-0,45	-0,55	0,02	-0,47	-0,74	-0,64	-0,12	0,04	0,10	0,05	0,37	-0,01	0,00	-0,08
Общий уровень лидерства	-0,20	-0,52	-0,07	-0,48	-0,81	-0,66	-0,17	0,10	0,06	-0,11	-0,08	-0,04	0,14	-0,13

Значения факторных весов экспериментальной группы до (Дэ) и после (Пэ) эксперимента

Показатели	Factor 1		Factor 2		Factor 3		Factor 4		Factor 5		Factor 6		Factor 7	
	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ	Дэ	Пэ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Комп-ть во времени	0,63	0,66	-0,02	0,12	0,10	-0,10	-0,41	0,02	-0,25	-0,41	-0,39	0,35	–	-0,01
Поддержка	0,76	0,90	0,43	0,27	0,25	0,01	-0,26	0,05	-0,02	-0,18	0,19	-0,08	–	0,03
Ценностные ориентации	0,81	0,81	0,09	-0,06	-0,01	0,14	-0,23	0,10	0,16	-0,24	0,07	-0,27	–	-0,01
Гибкость поведения	0,68	0,67	0,39	0,27	0,19	0,07	-0,29	-0,07	-0,12	-0,39	0,03	0,08	–	0,13
Сензитивность к себе	0,24	0,50	0,45	0,43	0,38	-0,06	0,12	-0,11	-0,02	0,00	0,51	-0,48	–	-0,05
Споганность	0,57	0,63	0,25	0,17	0,29	0,04	0,04	0,20	0,48	0,18	0,25	-0,03	–	0,01
Самоуважение	0,83	0,76	-0,13	-0,04	0,11	-0,32	-0,15	-0,09	-0,05	-0,21	-0,01	-0,20	–	0,07
Самопринятие	0,69	0,73	0,09	0,36	0,31	-0,17	-0,39	0,03	-0,16	-0,19	-0,12	0,09	–	0,20

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Представление о природе человека	0,13	0,37	0,07	-0,06	-0,47	0,38	-0,53	-0,44	0,32	-0,10	0,19	-0,14	-	0,18
Синергия	0,29	0,18	0,22	-0,02	-0,40	0,14	-0,66	0,40	0,23	-0,44	0,12	0,07	-	-0,11
Принятие агрессии	0,55	0,63	0,31	0,36	0,28	-0,40	0,13	0,16	-0,33	0,16	0,25	-0,25	-	-0,10
Контактность	0,65	0,74	0,35	0,23	0,19	0,28	-0,08	0,00	-0,21	-0,30	0,16	-0,03	-	-0,08
Познавательные погр.	0,21	0,12	0,54	-0,16	-0,18	0,03	0,24	-0,17	0,41	0,58	0,02	-0,39	-	0,13
Креативность	0,62	0,51	0,00	-0,08	0,11	0,24	0,18	-0,25	0,36	-0,12	-0,21	-0,02	-	0,49
Симптомокомплекс р.	-0,76	-0,79	-0,02	-0,10	-0,28	0,40	-0,27	-0,09	0,00	-0,18	0,23	-0,06	-	-0,04
Актуальная ригидность	-0,75	-0,74	0,07	0,17	-0,28	0,41	-0,31	0,01	0,05	-0,29	-0,05	-0,01	-	0,00
Установочная ригидность	-0,35	-0,39	0,00	0,06	0,34	0,03	-0,23	-0,16	0,40	-0,59	-0,44	-0,48	-	0,08
Сенситивная ригидность	-0,75	-0,70	0,12	0,01	-0,37	0,55	0,00	0,09	0,10	0,06	0,25	-0,14	-	-0,09
Ригидность как сост.	-0,70	-0,58	0,24	0,18	0,12	0,27	-0,08	-0,03	-0,04	-0,12	0,21	-0,07	-	0,30
Преморбидная ригидность	-0,63	-0,67	0,02	-0,10	-0,31	0,41	-0,18	0,27	-0,10	-0,13	0,21	-0,08	-	0,07
Общий показатель осмысленности жизни	0,59	0,39	-0,74	-0,88	-0,21	0,02	0,06	0,05	0,05	0,01	0,14	0,00	-	0,03
Цели в жизни	0,48	0,18	-0,59	-0,83	-0,31	0,08	0,02	0,29	-0,09	-0,06	0,30	-0,10	-	-0,05
Процесс жизни	0,55	0,39	-0,68	-0,80	-0,14	0,08	0,04	-0,01	0,08	0,10	0,01	-0,14	-	0,07
Результат. жизни	0,57	0,44	-0,65	-0,60	-0,11	-0,03	0,04	-0,33	0,20	-0,03	0,10	0,13	-	0,19
Локус контроля – Я	0,55	0,25	-0,66	-0,82	-0,19	-0,21	0,11	0,17	-0,20	-0,15	0,19	-0,06	-	-0,09
Локус контроля – Ж	0,52	0,35	-0,69	-0,83	-0,21	0,15	-0,09	-0,13	0,04	-0,19	-0,10	0,05	-	0,03
Соц. нравственность	-0,30	-0,56	-0,35	-0,12	0,58	-0,36	0,01	0,26	0,38	-0,15	0,18	-0,37	-	0,28
Духовная зрелость	-0,35	-0,60	-0,48	-0,09	0,52	-0,35	-0,11	-0,15	0,19	-0,16	0,12	-0,17	-	-0,55
Эмоц. зрелость	-0,61	-0,68	-0,38	-0,10	0,31	-0,41	-0,33	-0,17	-0,31	-0,23	0,02	0,24	-	0,25
Соц. интеллект	-0,58	-0,77	-0,50	-0,11	0,48	-0,46	-0,27	-0,19	-0,10	-0,23	0,08	0,06	-	-0,14
Общий уровень лидерства	-0,53	-0,79	-0,50	-0,13	0,61	-0,49	-0,16	0,01	0,15	-0,23	0,15	-0,14	-	0,05

Для экспериментальной группы до эксперимента (см. табл. 2), фактор «осмысленность жизни» представлен показателями с высокими значениями смысложизненных ориентаций (–0,74), целей в жизни (–0,59), процесса жизни (–0,68), результативности жизни (–0,65), локуса контроля – я (–0,66), локуса контроля – жизнь (–0,69). «Управленческий фактор»: лидерство (0,61), духовная зрелость (0,52), социальная нравственность (0,58). Фактор «концепция человека»: принятие природы человека (–0,53), синергии (–0,66). Фактор «приобретение знаний»: спонтанность (0,48), познавательные потребности (0,41) и установочная ригидность (0,40).

Фактор «ценность самоактуализации» представлен показателями с высокими значениями самоуверенности (0,83), ценностных ориентаций (0,81), поддержки (0,76), симптомокомплекса ригидности (–0,76), актуальной ригидности (–0,75), сенситивной ригидности (–0,75), ригидности как состояния (–0,70).

Фактор «сензитивность» описывается единственным показателем сензитивности (0,51).

После эксперимента данные факторы сохраняют основную структуру, при этом в экспериментальной группе добавляется 2 фактора, один из которых за счет обогащения показателей приобретает другие форму и содержание.

После эксперимента фактор «осмысленность жизни» в контрольной группе (см. табл. 2) включает показатели осмысленности жизни (0,77), результативности жизни (0,77), локуса контроля – жизнь (0,75), процесса жизни (0,74), сенситивной ригидности (–0,71), поддержки (0,75). «Управленческий фактор» характеризуется теми же показателями, что и до эксперимента, но при ослаблении значений. Фактор «концепция человека» после эксперимента также сохраняет свою структуру. Фактор «приобретение знаний» обусловлен лишь показателем познавательных потребностей (0,55).

Фактор «базовая самоактуализация» в контрольной группе после эксперимента обусловлен показателем компетентности во времени (–0,64). Так как показатели поддержки и компетентности во времени относятся к базовым шкалам методики САТ, то название фактора остается прежним.

Фактор «ригидность–флексibilität» представлен в контрольной группе после эксперимента показателем ригидности как состояния (0,59). Так как показатели установочной ригидности и ригидности как состояния обуславливают особенности проявления психической ригидности, то название фактора остается прежним.

Для экспериментальной группы после эксперимента (см. табл. 2) фактор «осмысленность жизни» представлен такими же показателями, что и до эксперимента, с усилением значений, кроме показателя результативности жизни. «Управленческий фактор» включает: лидерство (–0,49),

социальный интеллект (–0,46), сенситивную ригидность (0,55). Фактор «концепция человека» после эксперимента сохраняет свою структуру. Фактор «приобретение знаний» обусловлен показателями познавательных потребностей (0,58), установочной ригидности (–0,59).

Фактор «сензитивность» описывается показателем сензитивности (–0,48) и добавлением показателя установочной ригидности (–0,48).

Фактор «ценность самоактуализации» трансформируется в новый фактор – «квазипотенциал» – за счет усиления значений показателей поддержки (0,90), ценностных ориентаций (0,81), а также добавления показателей с высокими значениями самопринятия (0,73), контактности (0,74) и добавления показателей социального интеллекта (–0,77) и лидерства (–0,79).

Новый фактор «духовное творчество» в экспериментальной группе (см. табл. 1, 2) после эксперимента обусловлен показателями духовной зрелости (–0,55) и творчества (0,49).

В условиях акме-ориентированных технологий происходит не только сохранение основных факторов «осмысленность жизни», «управленческий фактор», «концепции человека», «приобретение знаний», но и появляются новые факторы («потенциал», «духовное творчество»), характеризующие и обуславливающие управленческий потенциал молодого специалиста.

Таким образом, применение разведывательного факторного анализа позволило выделить латентные характеристики (факторы), которые являются линейными комбинациями факторов управленческого потенциала, сформированных на начальном этапе исследования и передающих большую часть информации. В процессе исследования подтвердилась необходимость сопровождения развития управленческого потенциала молодых специалистов оборонного предприятия в условиях акме-ориентированных технологий.

Литература

1. Виханский О.С. Стратегическое управление. М., 1998.
2. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 2001.
3. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология управления: учеб. пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2008. 320 с.
4. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология – наука о путях достижения вершин профессионализма. М., 1993. 23 с.
5. Друкер П. Эффективное управление. Сер. Университеты бизнеса. М.: Фаир-Пресс, 2003.
6. Егоришин А.П. Управление персоналом: учеб. для вузов. 4-е изд. Н.Новгород: НИМБ, 2003. 720 с.
7. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Москва; Томск, 2004. 458 с.
8. Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 238.
9. Кантер Р.М. Рубежи менеджмента. М., 1999.

10. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: Том. гос. ун-т, 2009. 240 с.
11. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 154 с.
12. Козлова Н.В. Личностно-профессиональное становление в условиях вузовского образования: акме-ориентированный подход: дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008.
13. Князев А.М., Одинцова И.В. Режиссура и менеджмент технологий активно-игрового обучения. М.: РАГС, 2008. 233 с.
14. Ломоносова Т.Г. Развитие управленческого потенциала молодых специалистов: теоретико-методологические основания // Вестник ТГУ. 2011. № 344. С. 174–177.
15. Ломоносова Т.Г. Акмеологический подход в развитии управленческого потенциала молодых специалистов // Социально-гуманитарный вестник Юга России: научный журнал. 2010. № 6/1. С. 47–53.
16. Пугачев В.П. Руководство персоналом организации. М.: Аспект Пресс, 2000. 54 с.
17. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.
18. Шпалинский В.В. Психология менеджмента. М., 2000.

INTEGRATION OF INDICES DECISIVE THE MANAGEMENT POTENTIAL OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE CONDITIONS OF THE HUMANITARIAN AKME-ORIENTED TECHNOLOGIES

Kozlova N.V., Lomonosova T.G. (Tomsk)

Summary. The results of experimentally psychological research of integration of indices management potential of young professional in humanitarian akme-oriented technologies are presents. The study was conducted based on an assessment of the dynamics of relationships and the structure of the indices of self-actualization, vitally meaningful orientations, personal property of the head and rigidity of the behavior that determine the management potential of young professionals.

Key words: the management potential; akmeology; the humanitarian akme-oriented technologies; young professionals.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

УДК 159.9

ОПЫТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ФАКТОРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ

Е.Ю. Савин (Калуга)

Аннотация. Приведены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению факторов, лежащих в основе склонности к педагогической импровизации у студентов-педагогов. Показано, что значимыми факторами педагогической импровизации являются профессиональный опыт и личностные характеристики. Выявлено, что высокая степень самооценки собственной опытности не во всех случаях сочетается со склонностью к импровизации в силу недостаточного развития определенных личностных качеств. В то же время импровизация, основанная только на личностных качествах, соотносится с меньшей продуктивностью в решении педагогических задач.

Ключевые слова: педагогическое мышление; педагогическая импровизация; профессиональный опыт учителя; личностные характеристики.

Одной из важных характеристик профессиональной компетентности учителя является возможность реализации им педагогической импровизации [1, 3, 11]. В педагогической психологии импровизация рассматривается прежде всего как черта профессионального педагогического мышления, и под ней понимается «нахождение неожиданного педагогического решения и его мгновенное воплощение, совпадение процессов создания и применения при их минимальном разрыве» [1. С. 21]. В педагогической импровизации наиболее ясно выражается творческий, продуктивный характер педагогического мышления, возможность педагога выйти за рамки привычных, стереотипных, автоматизированных способов действия, представленных в его прошлом профессиональном опыте [3].

Импровизация противопоставляется детальному, пошаговому рефлексивному планированию уроков и обучению с опорой на заранее подготовленный план [11]. Педагогическая импровизация может рассматриваться как процесс и соответственно анализироваться с точки зрения этапов и особенностей протекания этого процесса. С другой стороны, педагогическая импровизация может рассматриваться как некая стабильная характеристика мышления и деятельности педагога (такая трактовка представлена, например, в работе А.К. Марковой [1]).

Мы понимаем педагогическую импровизацию как относительно устойчивую склонность педагога ориентироваться в планировании и

проведении уроков на ситуативно складывающиеся обстоятельства, переживать каждую ситуацию педагогического взаимодействия как неповторимую и не имеющую полных аналогов в прошлом, требующую для своего разрешения действий «здесь и сейчас», опоры на интуицию, а не на логические рассуждения.

Такая трактовка позволяет ставить вопрос о факторах, которые лежат в основе склонности к педагогической импровизации, и отвечать на него в рамках эмпирического исследования.

Первый фактор, который должен быть рассмотрен в связи с педагогической импровизацией, это профессиональный опыт учителя. Здесь мы сталкиваемся с определенным противоречием, суть которого состоит в том, что содержательно импровизация выступает в качестве своего рода психологической оппозиции по отношению к профессиональному опыту, поскольку предполагает не столько опору на этот опыт, сколько возможность его проблематизации и переосмысления. Таким образом, возникает некий разрыв между профессиональной компетентностью учителя, в основе которой – накопленный педагогический опыт, и возможностью осуществления им педагогической импровизации.

С нашей точки зрения, в основе данного противоречия лежит упрощенная трактовка опыта человека исключительно как «прошлого опыта», являющегося источником некоторых шаблонов, стереотипных схем мыслей и действий, которые выступают как барьер для осмысления новых, нестандартных ситуаций. Между тем современная трактовка предполагает, что опыт человека включает в себя разные формы. Это «и фиксированные формы опыта (то, что человек усвоил в прошлом), и оперативные формы опыта (то, что происходит в ментальном опыте этого человека в настоящем), и потенциальные формы опыта (то, что появится в его ментальном опыте в качестве новообразований в ближайшем или отдаленном будущем)» [4. С. 82–83]. Понимаемый таким образом опыт является психологической основой как частных проявлений интеллектуальной активности человека (конвергентных и дивергентных способностей, обучаемости, интеллектуальных стилей), так и системных характеристик интеллекта, например интеллектуальной компетентности [4, 5].

Подобный взгляд находит свое подтверждение в исследованиях педагогического мышления, проведенных в рамках когнитивного подхода [8–10, 12]. Одним из главных итогов этих исследований стало понимание того, что в основе успешной педагогической деятельности лежат особым образом организованные когнитивные схемы – обобщенные и стереотипизированные формы организации знания относительно педагогической деятельности. Эти схемы позволяют учителю без опоры на сознательные размышления осуществлять последовательности привычных действий относительно планирования и проведения уроков. Становление профессионального опыта в рамках данно-

го подхода предполагает развитие целой сети подобных гибких и легкодоступных схем. Важно, что в таком понимании профессиональный опыт не противопоставляется импровизации, а напротив, рассматривается как ее основа. Так, Х. Борко и К. Ливингстон отмечают, что успешная импровизация в обучении требует, чтобы у учителя была обширная сеть связанных, легкодоступных схем. Учитель должен быть способен выбирать специфические стратегии, стереотипы действий и информацию, опираясь на эти схемы в ходе обучения, учитывая текущие события, происходящие в классе [9. Р. 485]. То, что стороннему наблюдателю представляется как импровизация, при более детальном изучении оказывается функционированием хорошо организованных схем и процедур. Опытные учителя не столько *порождают* принципиально новые педагогические решения, сколько оперативно *настраивают* уже имеющиеся у них структуры к изменяющимся условиям, возникающим в ходе взаимодействия в школьном классе.

Однако соотношение профессионального опыта и склонности к педагогической импровизации не является однозначным. На это указывают результаты исследования, проведенного нами ранее [6]. Было показано, что у учителей (в отличие от студентов) самооценка собственной опытности и самооценка склонности к педагогической импровизации соотносятся на уровне корреляционного анализа ($r = 0,22$; $p < 0,05$). Иными словами, свой опыт учителя рассматривают как важный ресурс импровизации. Вместе с тем абсолютное значение этой связи невелико, что указывает на иные источники педагогической импровизации, помимо опыта, возможно, личностные. Это обстоятельство побудило нас более детально исследовать роль личностных характеристик в связи с педагогической импровизацией. Кроме того, выводы нашего предыдущего исследования были основаны исключительно на данных самооценки характеристик собственного мышления. Как эта самооценка соотносится с реальными проявлениями педагогического мышления (например, решением педагогических задач), оставалось неясным.

Таким образом, исследование, представленное ниже, предполагало поиск ответов на два взаимосвязанных вопроса:

1) в какой степени склонность к педагогической импровизации опирается на профессиональный опыт, а в какой – соотносится с личностными характеристиками;

2) как характеристики мышления, выявляемые на основе самооценки (самооценка опытности и самооценка склонности к импровизации), соотносятся с объективными характеристиками (решением педагогических задач). В контексте ответа на этот вопрос мы учитывали результативные характеристики решения и его метакогнитивные составляющие (в виде уверенности в правильности решения).

Методика исследования

Испытуемые ($n=65$) – студенты 3-го и 5-го курсов различных факультетов КГУ им. К.Э. Циолковского – после прохождения педагогической практики выполняли четыре задания, направленных на оценку особенностей их педагогического мышления и индивидуально-психологических характеристик.

1. Авторский опросник «Самооценка педагогического мышления» позволял получить оценку выраженности двух основных параметров: а) степени склонности к педагогической импровизации и б) самооценку сформированности различных аспектов педагогического опыта (процедура конструирования данного опросника описана ранее [6]).

2. Решение шести педагогических задач из методики «Педагогические ситуации» (Р.С. Немов [2]), предполагало выбор способа реагирования в затруднительной педагогической ситуации. Дополнительно предлагалось оценить степень своей уверенности (в процентах) относительно правильности выбранного варианта решения. Использовались показатели: а) *продуктивность* решения в виде суммы баллов за каждое решение, начисляемых в соответствии с ключом методики; б) степень *ориентации на норму* педагогического мышления (по выборке для каждого варианта ответа рассчитывалась частота его выбора и в соответствии с этим каждому ответу присваивался вес). Сумма весов для каждого испытуемого характеризовала степень воспроизведения в его ответах нормы педагогического мышления; в) средняя степень уверенности в решении всех задач как характеристика *метакогнитивного* компонента их решения.

3. Личностный дифференциал, или ЛД (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд), позволял получить самооценку выраженности у испытуемого таких личностных качеств, как «оценка» (общий уровень самоуважения), «сила» (уверенность в себе, волевые качества) и «активность» (экстравертированность и общительность).

4. Краткая форма личностного опросника Г. Айзенка (ЛЮА-К) позволяла оценить уровень экстраверсии/интроверсии, нейротизма, а также социальной желательности (степени выраженности мотивации социального одобрения) [7].

Результаты и обсуждение

На первом этапе был проведен анализ парных корреляций (по Спирмену) между основными показателями, полученными в исследовании. Он позволил установить следующие факты.

Склонность к педагогической импровизации не связана с продуктивностью решения педагогических задач (по методике Р.С. Немова). Это подтверждает наше предположение о том, что импровизация мо-

жет носить как продуктивный, так и непродуктивный характер. Она не связана и с самооценкой опытности (что воспроизводит результат ранее проведенного исследования [6]). Это указывает на то, что импровизация может опираться как на опыт, так и на другие источники. Вместе с тем склонность к импровизации оказалась соотнесена с показателями выраженности некоторых личностных характеристик – шкалами «сила» ($r = 0,23$; $p < 0,1$) и «активность» ($r = 0,27$; $p < 0,05$) ЛД. Это подтверждает предположение о том, что значимым ресурсом педагогической импровизации (по крайней мере, у студентов) являются личностные характеристики (уверенность в себе и активность).

Самооценка опытности значимо коррелирует с продуктивностью решения педагогических задач ($r = 0,37$; $p < 0,01$) и с уверенностью в их решении ($r = 0,25$; $p < 0,05$). Эти взаимосвязи соответствуют нашей трактовке шкалы опытности как выявляющей общую осведомленность индивида о степени сформированности у него структур опыта, релевантных решению профессиональных задач. Эта осведомленность презентуется субъекту в форме глобальной оценки собственной эффективности в педагогической деятельности, которая, в свою очередь, выступает как один из источников уверенности в правильности решения педагогических задач.

Отметим, что характеристики решения педагогических задач достаточно тесно соотнесены между собой. Уверенность в решении взаимосвязана с продуктивностью ($r = 0,37$; $p < 0,01$) и ориентацией на норму ($r = 0,40$; $p < 0,001$), а ориентация на норму взаимосвязана с продуктивностью ($r = 0,79$; $p < 0,001$). Это указывает на взаимосвязь метакогнитивных и результативных аспектов решения педагогических задач.

Следующий этап анализа заключался в разделении общей выборки на субгруппы, соответствующие различным сочетаниям высокого и низкого значения показателей склонности к импровизации и самооценки опытности. Сравнение выделенных субгрупп позволило более точно зафиксировать характер взаимосвязи этих параметров с характеристиками, измеряемыми в исследовании. Использовался медианный критерий: лица, имеющие значения ниже медианы, были отнесены к группе с низким значением показателя, выше – к группе с высоким. Испытуемые, чьи значения были равны медиане хотя бы по одному из показателей, исключались из дальнейшего анализа. Таким образом, были сформированы четыре субгруппы: с низкой самооценкой опытности и низкой склонностью к импровизации; с низкой самооценкой опытности и высокой склонностью к импровизации; с высокой самооценкой опытности и низкой склонностью к импровизации; с высокой самооценкой опытности и высокой склонностью к импровизации. Средние значения каждого показателя в субгруппах представлены в таблице.

Сначала соотнесем субгруппы «опытных, не импровизирующих» и «опытных, импровизирующих». Это сравнение позволяет выявить

роль личностных характеристик как фактора склонности к педагогической импровизации. Так, субгруппа «опытных, не импровизирующих» отличается от группы «опытных, импровизирующих» более низкими показателями по шкалам «сила» ($U = 32$; $p = 0,001$), «активность» ($U = 41,5$; $p = 0,005$) и экстраверсии ($U = 47,5$; $p = 0,02$). Вместе с тем субгруппы не отличаются по характеристикам решения педагогических задач. Значения показателей уверенности, нормативности и продуктивности в этих субгруппах практически равны и вместе с тем выше, чем в двух других субгруппах. Таким образом, с одной стороны, опыт выступает как условие, определяющее результативные и метакогнитивные характеристики решения педагогических задач. С другой стороны, опыт не является достаточным условием для осуществления педагогической импровизации. Своеобразным барьером для ее реализации является недостаточное развитие определенных личностных качеств (уверенность в себе, независимость, склонность рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, экстравертированность).

**Средние значения и стандартные отклонения измеряемых показателей
в субгруппах с разными сочетаниями склонности к импровизации
и самооценки опытности**

Показатели	Неопытные, не импровизирующие (n=11)	Неопытные, импровизирующие (n=11)	Опытные, не импровизирующие (n=13)	Опытные, импровизирующие (n=16)
Склонность к импровизации	26,8 (1,2)	36,4(2,6)	26,2(2,6)	35,4(2,7)
Самооценка опытности	43,3(2,8)	42,2 (3,5)	50,7(2,5)	51,7(3,1)
Личностные характеристики				
ЛД: Оценка	38,2 (6,0)	39,9 (4,7)	41,9(3,9)	41,9(5,9)
ЛД: Сила	35,2 (6,1)	33,7(9,8)	31,4(7,0)	39,1(4,9)
ЛД: Активность	38,6 (4,7)	35,9 (7,6)	29,8(8,2)	37,7(5,3)
Экстраверсия / интроверсия	6,3(1,2)	5,3(1,8)	3,9(2,5)	6,1(1,5)
Нейротизм	3,4(2,1)	3,8 (2,1)	3,5(1,4)	3,1(1,7)
Социальная желательность	2,9(2,1)	2,5(0,8)	4,1(1,5)	3,6(1,5)
Особенности решения педагогических задач				
Уверенность в правильности решения	67,0(13,4)	63,3(18,8)	75,6(13,9)	75,8(14,0)
Нормативность решения	1,7(0,6)	1,8(0,6)	1,9(0,2)	2,0(0,3)
Продуктивность решения	25,2(4,0)	24,8(4,0)	27,8(1,9)	27,8(1,6)

Далее соотнесем субгруппы «неопытных, импровизирующих» и «опытных, импровизирующих». Эти субгруппы не отличаются друг от друга по степени выраженности личностных характеристик. Вместе с тем субгруппа «неопытных, импровизирующих» характеризуется более

низкими значениями результативных и метакогнитивных показателей решения педагогических задач: нормативности (не знач.), продуктивности ($U = 48$; $p = 0,05$) и уверенности ($U = 42,5$; $p < 0,05$). Таким образом, если в основе склонности к педагогической импровизации лежат только личностные качества (на фоне недостаточной опытности), она не всегда сочетается с продуктивным решением педагогических задач.

Вывод о непродуктивном характере склонности к педагогической импровизации в субгруппе «неопытных, импровизирующих» также подтверждается, если обратиться к более углубленному анализу структуры этой склонности в данной субгруппе. В ранее проведенном исследовании нами было показано, что склонность к импровизации сочетает в себе два аспекта [6]. В соответствующий фактор входят, с одной стороны, вопросы, акцентирующие предпочитаемые способы подготовки и проведения уроков (например, «На уроке я скорее склонен скорее импровизировать в зависимости от складывающихся обстоятельств, чем следовать заготовленному плану»), а с другой – утверждения, описывающие негативное отношение к внешним нормам и правилам (например, «Я полагаю, что учебный план, программа и прочие нормативы в большой степени сковывают инициативу учителя»). Фактически это указывает на двойственную природу склонности к педагогической импровизации, включающую как продуктивный компонент, так и непродуктивный (негативизм по отношению к внешним нормативам). Соответствующие этим компонентам подшкалы опросника (обозначенные нами как «спонтанность» и «отвержение норм») в целом по выборке достаточно тесно коррелируют между собой. Однако соотношение субгрупп «неопытных, импровизирующих» и «опытных, импровизирующих» с точки зрения сравнительной выраженности этих компонентов (рис. 1) указывает, что первая субгруппа значительно превосходит вторую по подшкале «отвержение норм» ($U = 43$; $p < 0,05$).

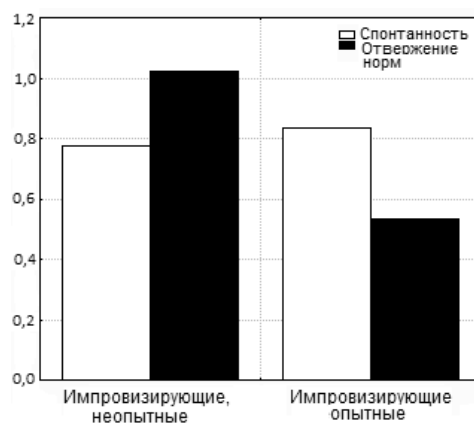

Рис. 1. Соотношение аспектов склонности к импровизации в субгруппах, различающихся по степени опытности (данные представлены в z-оценках)

Этот факт дополнительно свидетельствует о том, что в структуре склонности к импровизации на фоне низкой опытности доминирует ее непродуктивная составляющая.

К сказанному необходимо добавить, что максимальные значения показателей, характеризующих эффективность решения педагогических задач (степень нормативности, продуктивности и уверенности), достигаются при сочетании высокой степени импровизации и самооценки степени опытности (субгруппа «опытные, импровизирующие»). Это обстоятельство дает основания полагать, что именно такое сочетание параметров педагогического мышления является для студентов наиболее оптимальным вариантом развития с точки зрения соответствия требованиям их будущей профессиональной деятельности.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Накопление профессионального опыта прямо не приводит к развитию склонности к импровизации в педагогическом мышлении. Недостаточное развитие определенных личностных качеств (экстравертированность и уверенность в себе) может препятствовать этому. Полноценным ресурсом педагогической импровизации опыт становится при условии сочетания с данными личностными качествами.

2. Склонность к импровизации, основой которой являются только личностные качества, носит непродуктивный характер, поскольку, с одной стороны, соотносится с более низким уровнем результативных и метакогнитивных характеристик решения педагогических задач, а с другой – в структуре этой склонности доминирует непродуктивный аспект (в виде отвержения внешних правил и нормативов).

3. Накопление профессионального опыта, отражаемое в виде общей самооценки опытности, соотносится с результативными и метакогнитивными характеристиками решения педагогических задач, что свидетельствует о валидности показателя самооценки опытности.

Разумеется, следует принимать во внимание, что описанная картина характеризует лишь начальный этап профессионального становления. Возможно, по мере овладения профессиональной деятельностью роль опыта и личностных характеристик может измениться, что требует дополнительного исследования. Тем не менее индивидуально-своеобразные варианты профессионального мышления, зафиксированные в нашем исследовании, могут стать опорой в выстраивании индивидуализированных стратегий развития компетентности будущего учителя.

Литература

1. Маркова А.К. Психология труда учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
2. Немов Р.С. Психология: В 3 кн. М.: Просвещение; Владос, 1995. Кн. 3. 507 с.
3. Харькин В.Н. Педагогическая импровизация: теория и методика. М.: NB Магистр, 1992. 159 с.

4. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
5. Савин Е.Ю. Понятийный и метакогнитивный опыт как основа интеллектуальной компетентности в научной деятельности // Психол. журн. 2004. Т. 25, № 5. С. 50–59.
6. Савин Е.Ю. Импровизация и опыт как параметры оценки педагогического мышления в сознании учителей и студентов // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию психологической науки и образования в Герценовском университете. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 82–84.
7. Слободская Е.Р., Князев Г.Г., Сафронова М.В. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 3. Р. 94–105.
8. Berliner D.C. In pursuit of the expert pedagogue // Educational Researcher. 1986. Vol. 15, № 7. С. 5–13.
9. Borko H., Livingston C. Cognition and improvisation: Differences in mathematics instruction by expert and novice teachers // American Educational Research Journal. 1989. Vol. 26, № 4. Р. 473–498.
10. Hogan T., Rabinowitz M., Craven J.A. Representation in teaching: Inferences from research of expert and novice teachers // Educational Psychologist. 2003. Vol. 38, № 4. Р. 235–247.
11. Sawyer R.K. Creative teaching: Collaborative discussion as disciplined improvisation // Educational Researcher. 2004. Vol. 33, № 2. Р. 12–20.
12. Westerman D.A. Expert and novice teacher decision making // Journal of Teacher Education. 1991. Vol. 42, № 4. Р. 292–305.

EXPERIENCE AND PERSONAL CHARACTERISTICS AS FACTORS OF PEDAGOGICAL IMPROVISATION AT STUDENTS

Savin E.Yu. (Kaluga)

Summary. The results of the empirical research devoted to studying of factors of pedagogical improvisation in thinking of students are describes. It is shown that significant resources of pedagogical improvisation are the experience and personal traits. It is taped that high degree of a self-appraisal of own experience not in all cases is combined with predilection to improvisation owing to an underdevelopment of certain personal qualities. At the same time the improvisation based only on personal traits, corresponds with smaller efficiency in the decision of pedagogical problems.

Key words: pedagogical thinking; pedagogical improvisation; teacher's experience; personal traits.

ДИАДНЫЙ КОПИНГ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ю.В. Толмачева, Т.Г. Бохан (Томск)

Аннотация. Обосновывается необходимость изучения диадного копинга родителей и детей для понимания генезиса личностных копинг-ресурсов и эффективного совладания с трудными жизненными ситуациями, приводятся и обсуждаются результаты исследования диадного копинга родителей и детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: диадный копинг; дети дошкольного возраста; родители; трудные ситуации; онтогенетический потенциал; совладающее поведение; идеальная форма; стресс как сверхадаптивный синдром; трансформация переживания; развитие.

Согласно выдвинутому К. Левиным [10] принципу психологического единства личности и окружающего ее мира, гармоничным можно назвать такое взаимодействие человека с окружающей средой, при котором сохраняются здоровье человека, его способность к адекватному поведению и деятельности, а также появляются возможности для полноценного личностного развития. Особый интерес в связи с этим вызывает проблема стресса, конкретизированная в проблематике трудных ситуаций [24]. Переживание трудных ситуаций в жизни человека связывают как с препятствием его развитию, формированием социального, психического и соматического нездоровья [2, 8, 10], так и с процессом прогрессивного развития человека [3, 11, 20–22]. Такая амбивалентная направленность выхода из трудных ситуаций определяется, согласно многочисленным исследованиям, активностью самого человека, которая разнообразно представлена в разных методологических подходах, моделях и концепциях стресса (личностными копинг-ресурсами и стратегиями, субъектной активностью, личностно-адаптационным потенциалом, осознанной саморегуляцией, личностным ростом, жизнестойкостью, стресс-трансформацией, расширением смысла и мужеством быть и т.д.).

Накопленный в психологической литературе багаж знаний о стрессе и эффективном совладании с ним, интеграция этих знаний с позиции принципа историко-системного подхода [1, 3, 4, 6, 12] позволяют говорить об отношении к стрессу и стратегиям совладания, существующим в культуре, как идеальным формам [5], которые возникают в определенных историко-общественных условиях и интериоризируются через социальное взаимодействие в процессе онтогенетического развития. Разработка онтогенетического аспекта проблематики стресса в рамках культурно-исторического подхода необходима для понимания генезиса личностных копинг-ресурсов и совладающего поведения, условий их

формирования на этапах онтогенеза, что может быть положено в основу воспитательной саногенной и психопрофилактической работы.

Представители культурно-исторического подхода в психологии (К.Г. Юнг, Э. Эриксон, И. Меерсон, Ж.-П. Вернан, К. Судзуки, Л.С. Выготский и др.) рассматривали культуру не как «среду», не как внешний фактор психической жизни, а как ее внутренний источник. Л.С. Выготский считал, что вращение в живую почву культуры, которую творчески осваивают и заново творят живые люди, – это единственный путь становления человека. Именно в культуре (орудиях и знаках) индивид обретает средства и силы для духовного роста, в итоге – свой человеческий образ, а не только и не столько социальный образец. Согласно теории Л.С. Выготского, сущность психологического развития человека заключается в постепенном овладении своим поведением и превращении психических функций в произвольные. Механизмом этого овладения выступает социальное взаимодействие: усваивая способы, которыми взрослый управляет его поведением, ребенок сам начинает применять их для воздействия на поведение взрослого, а затем обращает их на себя, формируя механизмы произвольного управления собственным поведением [5].

Такое взаимодействие осуществляется посредством психологических средств – знаков, представленных значениями, смыслами, ценностями. Знак, согласно Д.Б. Эльконину, организует поведение человека благодаря тому, что знак, который вводится другим человеком, – это введение в организацию поведения другого человека. Д.Б. Эльконин предполагает, что образец действия, задаваемый взрослым, противопоставлен спонтанному детскому поведению в совместном (совокупном) действии с ним. Внутренний план действий возникает только там и тогда, где возникает необходимость ориентировки на действие другого человека, результат этого действия в условиях совместной деятельности при наличии общей цели [19]. Именно использование особых «психологических орудий» позволяет человеку преодолеть непосредственные стереотипные реакции и встать «над» ситуацией, осуществляя произвольное поведение. Таким образом, в психологии проблема средств овладения поведением связывается с социальной природой человека.

Эта методологическая позиция обусловила исследовательский интерес к изучению диадного копинга родителей и детей дошкольного возраста. Под диадным копингом понимается форма межличностного (совместного) преодоления нагрузок [23]. Согласно литературным данным, диадный копинг помогает преодолеть более эффективно индивидуальный или диадический стресс и способствует индивидуальному преодолению нагрузок, эмоциональной регуляции, разрешению проблем и социальной регуляции. Это позволяет уменьшить стрессовый потенциал, которому подвержены оба партнера, благодаря чему улучшается психическое и физическое самочувствие, увеличивается общая

удовлетворённость взаимоотношениями. Такая совместность в преодолении трудных, стресс-напряженных ситуаций (диадный копинг) ведёт к появлению и становлению «ощущения мы» со стороны родителя и ребенка, укрепляет доверие между ними, повышая удовлетворённость их отношениями и ощущение безопасности [7].

Обращение к дошкольному возрасту в изучении проблемы генезиса совладания человека с трудными ситуациями определяется следующими аргументами. Во-первых, недостаточной разработанностью проблемы в психологической науке. Существующие в психологии исследования по возрастным особенностям совладающего поведения в основном носят констатирующий характер, их изучение начиналось с возраста младшего школьника. При этом изучался характер эмоциональных состояний и психологических защит (исключая психоанализ, где особенности формирования психологических защит затрагивают весь период детства). В современных исследованиях по возрастным проблемам совладающего поведения практически не учитывался «диадический принцип» как вариант реализации «принципа социогенеза психики» в культурно-историческом подходе Л.С. Выготского. В существующих немногочисленных работах по совладанию с трудными ситуациями детей младшего школьного возраста и подростков стратегии совладания взрослых (родителей, педагогов), взаимодействующих с ними, рассматривались изолированно [7, 13, 16].

Во-вторых, возможностью рассмотрения возрастных новообразований дошкольного возраста в качестве онтогенетической основы формирования личностных копинг-ресурсов и эффективного совладания как результата интериоризации «идеальной», «культурной» формы совладания со стрессом. К таким новообразованиям относится прежде всего становление смыслового сознания. В смыслах выражается субъективное искажение среды, позволяющее избирательно взаимодействовать с объективной реальностью, в силу чего жизненный мир становится реальностью, переживается ребенком. Становление смыслового сознания открывает новые психические возможности ребенка – «соподчинение мотивов» (Л.И. Божович), появление «логики чувств» (Л.С. Выготский), децентрации (Ж. Пиаже), что позволяет осуществлять более гибкое и осмысленное поведение (на уровне тех начальных средств рефлексии, которыми располагают дошкольники). В дошкольном возрасте через переживания, возникающие во взаимодействии со взрослыми, начинают формироваться базовые структуры личности, личностные свойства и способы поведения [15, 17, 18].

В-третьих, в этом возрасте возникают и психологические риски-препятствия для развития копинг-ресурсов личности и эффективных стратегий совладания. Трудности переживания стрессовых ситуаций лежат в основе формирования нервно-психических расстройств у детей дошкольного возраста. К таким рискам развития можно отнести про-

блемы в развитии смыслового сознания, связанные с фиксацией (ригидизацией – Г.В. Залевский [9]) смыслов вследствие фрустрации значимых потребностей ребенка. Такая фиксация смыслов определяет негибкость, стереотипность стратегий поведения ребенка, имеющих характер психологических защит. В результате формируются такие личностные свойства, которые снижают онтогенетический потенциал совладания, делая ребенка уязвимым к стрессам. Реактивно-защитный способ взаимодействия с миром свидетельствует о том, что психологическая система становится закрытой по отношению как к среде, так и к собственным изменениям. Проявлениями такой закрытости в дошкольном возрасте являются эмоционально-поведенческие проблемы, неврозы, соматические расстройства. Таким образом, изучение онтогенетического потенциала совладающего поведения позволит решать задачи профилактики детских неврозов, проблем дезадаптации младших школьников.

При определении идеальной культурной формы совладающего поведения мы обращаемся к пониманию сущности стресса и условий стрессоустойчивости с методологической позиции отечественного культурно-исторического подхода, согласно которой стресс рассматривается как явление, связанное с процессом становления многомерного мира человека: стресс не просто сопровождает процесс выхода человека на новые параметры развития, но и является условием этого выхода, выступая, с одной стороны, в качестве механизма саморазвития человека, а с другой – проявлением присущей ему самоорганизации, имеющей культурную обусловленность. В этом случае психологический стресс понимается как «сверхадаптивный синдром». Его функция заключается в том, что человек ищет, находит и реализует возможности выхода на новые параметры собственного развития, к новым сферам самореализации [3]. В связи с таким пониманием культурной формы стресса и стрессоустойчивости нами была поставлена цель исследования: изучить особенности диадного копинга родителей и детей дошкольного возраста и их связь с поведением детей в трудных ситуациях. В данной статье приводится фрагмент исследования, касающийся особенностей диадного копинга родителей и детей на протяжении дошкольного возраста. В качестве методов исследования использовались анкетирование, опрос, контент-анализ свободных высказываний, включенное наблюдение. В исследовании принимали участие дети дошкольного возраста (123 чел.) и их родители.

С помощью метода контент-анализа высказываний родителей и педагогов на вопросы «Что такое “трудная ситуация” для вашего ребенка» и «Укажите встречающиеся в жизни вашего ребенка ситуации, трудные для него» были выделены следующие сферы трудных ситуаций, которые, по представлениям взрослых, вызывают психоэмоциональное напряжение у дошкольников (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Сферы трудных ситуаций детей младшего дошкольного возраста
в представлениях родителей и педагогов**

Сферы	Родители	Педагоги
Общение со взрослыми	9 (20,9%)	11 (25,5%)
Общение со сверстниками	6 (13,9%)	25 (58,1%)
Отрицательные переживания и эмоции	12 (27,9%)	11 (25,5%)
Игровая деятельность	1 (2,3%)	0 (0%)
Занятия	0 (0%)	6 (13,9%)
Проблема лидерства	0 (0%)	6 (13,9%)
Самостоятельные действия	11 (25,5%)	3 (6,9%)
Нет или не знаю	11 (25,5%)	0 (0%)

Т а б л и ц а 2

**Смысловые категории трудных ситуаций детей среднего дошкольного возраста
в представлениях родителей и педагогов**

Сферы	Родители	Педагоги
Общение со взрослыми	5 (12,5%)	13 (30,5%)
Общение со сверстниками	3 (7,5%)	13 (30,5%)
Отрицательные переживания и эмоции	13 (30,5%)	12 (30%)
Игровая деятельность	1 (2,5%)	6 (15%)
Занятия	0 (0%)	11 (27,5%)
Самостоятельные действия	14 (35%)	0 (0%)
Удовлетворение требований взрослого	5 (12,5%)	6 (15%)
Нет или не знаю	4 (10%)	0 (0%)

В представлениях родителей достоверно чаще трудными являются ситуации, когда у ребенка проявляются негативные эмоциональные реакции и состояния, среди которых «упрямство», «взрыв эмоций», «страх остаться одной», «неуверенность перед новым делом», «нежелание признать вину». На втором месте по частоте встречаемости – трудные ситуации, связанные с освоением детьми самостоятельных действий (продуктивных и по самообслуживанию): «рисовать», «что-то не получается сделать самому», «закрыть дверь самому», «включить свет». Общение с незнакомыми и малознакомыми людьми также, по мнению родителей, формирует у детей стресс-напряжение. Также к трудным моментам жизни детей данного возраста родители относят смену детского коллектива, новые социальные условия, ситуации взаимодействия с другими детьми.

По мнению педагогов, дети младшего дошкольного возраста чаще всего испытывают стрессовые ситуации в общении со сверстниками: им трудно устанавливать контакты в незнакомом коллективе, они избирательны в общении, т.е. общаются только с тем, с кем чувствуют

себя привычно и комфортно. На втором месте по частоте встречаемости – сфера «отрицательные эмоции и состояния»: «страх наказания», «страх неправильно ответить», «страх врачей, боли», «страх перед незнакомыми», «пассивность». Также среди трудных ситуаций – отсутствие интереса и неуспешность на занятиях, осуществление навыков бытового самообслуживания.

Как показал частотный анализ, родителями детей среднего дошкольного возраста чаще называются трудными ситуации, связанные с самостоятельными действиями по самообслуживанию: «самостоятельно одеваться», «завязывать шнурки», «убирать за собой игрушки». На втором месте стоит категория «отрицательные переживания и эмоции»: «страх воды», «страх животных», «страх темноты», «выплеск негатива в случае несправедливости» (табл. 2).

В свою очередь, мнение педагогов, работающих с детьми среднего дошкольного возраста, расходится с представлениями родителей: они достоверно чаще указывают, что трудными для детей являются ситуации «общения со сверстниками», «общения со взрослыми», а также, как и родители, указывают на «отрицательные переживания и эмоции» детей. Так, в общении со сверстниками дети испытывают трудности в установлении контактов, переживают отвержение со стороны сверстников, конфликты в общении. В общении со взрослыми напряжение и недоверие вызывают незнакомые взрослые. Среди отрицательных переживаний – «страх неудач», «переживает, если что-то не так», «страх животных», «разочарование от неожиданного плохого результата». Трудные ситуации переживают и во время занятий в группе, когда что-либо не получается в выполнении заданий в силу отсутствия навыка или особенностей развития («слабо развита мелкая моторика, поэтому сложно все, что связано с действиями руками»).

Т а б л и ц а 3

Смысловые категории трудных ситуаций детей старшего дошкольного возраста в представлениях родителей и педагогов

Смысловые категории	Родители	Педагоги
Общение со взрослыми	8 (20%)	9 (22,5%)
Общение со сверстниками	8 (20%)	12 (30%)
Отрицательные переживания и эмоции	9 (22,5%)	10 (25%)
Игровая деятельность	1 (2,5%)	8 (20%)
Занятия	11 (27,5%)	18 (45%)
Самостоятельные действия	5 (12,5%)	1 (2,5%)
Удовлетворение требований взрослого	3 (7,5%)	11 (27,5%)
Нет или не знаю	3 (7,5%)	0 (0%)

В группе старших дошкольников трудные ситуации, по мнению родителей, достоверно чаще возникают при выполнении домашних заданий: «не хочет выполнять задания, которые задали в детском саду», «нужно заставлять выполнять домашние задания». Также в качестве трудных для детей отмечаются ситуации категории «отрицательные переживания и эмоции». Дети переживают страх темноты, страх лифта, страх ошибки, страх не успеть что-то сделать. В общении со взрослыми менее четверти детей испытывают стресс-напряжение с агрессивно настроенными людьми, эмоционально напряженно переживают неумение объяснить «чего я хочу», а также непонимание со стороны взрослых. В общении со сверстниками трудными для детей становятся ситуации соперничества с сиблингами за любовь родителей, обида на подругу, когда она дружит с другими девочками, конфликты с детьми (табл. 3).

Детям трудно удовлетворять требования взрослого: «высидеть все занятие», «усидеть определенное количество времени», «посидеть и помолчать», «съесть то, что предлагают». Также отмечаются ситуации сферы «отрицательные переживания и эмоции» – психоэмоциональное напряжение возникает, если требуется признать свою вину, дети испытывают страх ответить перед всеми детьми, страх неудач, страх темноты.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о динамике и усложнении смыслового содержания трудных ситуаций на протяжении дошкольного периода. В связи с этим можно говорить о том, что динамика и смысловое содержание трудных ситуаций связаны с процессом психического развития, при этом усложнение смыслового содержания отражает процесс прогрессивного развития детей дошкольного возраста.

На втором этапе исследования изучались особенности диадного (родитель и ребенок) копинга в возрастных группах дошкольников. На основании свободного описания того, как ведут себя родители с детьми в трудных ситуациях, были получены представления о стратегиях родительского поведения в отношении совладания детей с трудными ситуациями. Согласно частотному анализу были отобраны наиболее часто указываемые типичные стратегии. Выделенные стратегии по своему содержанию были сгруппированы в соответствии с классификацией диадного копинга Гай Боденманна и Анетте Син [23]: предметно ориентированный поддерживающий, совместный предметно ориентированный, эмоционально ориентированный поддерживающий, эмоционально ориентированный, совместный эмоционально ориентированный, делегирующий обращающийся, делегирующий ребенку, делегирующий себе. Эти стратегии были представлены в анкете, которая затем была предложена родителям экспериментальных групп. Анализ этих стратегий осуществлялся на основе их классификации в соответствии с основными стратегиями диадного копинга (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Представленность стратегий диадного копинга в экспериментальных группах

Стратегии диадного копинга	Младший д/в	Средний д/в	Старший д/в
Предметно ориентированный поддерживающий	7 (16,2%)	13 (32,5%)	15 (37,5%)
Совместный предметно ориентированный	38 (88,3%)	37 (92,5%)	25 (62,5%)
Эмоционально ориентированный поддерживающий	19 (44,1%)	28 (70%)	22 (55%)
Эмоционально ориентированный	0 (0%)	6 (15%)	4 (10%)
Совместный эмоционально ориентированный	1 (2,3%)	11 (27,5%)	5 (12,5%)
Делегирующий обращающийся	3 (6,9%)	6 (15%)	3 (7,5%)
Делегирующий ребенку	4 (9,3%)	1 (2,5%)	5 (12,5%)
Делегирующий себе	1 (2,3%)	6 (15%)	2 (5%)

Частотный анализ показал, что наиболее часто в группе младшего возраста у родителей преобладает совместный предметно ориентированный диадный копинг («обсуждаем вместе с ребенком ситуацию и ищем ее решение», «обсуждаю совместно с ребенком, что нужно делать, чтобы разрешить трудную ситуацию»), также немногим меньше половины родителей данной группы используют эмоционально ориентированный поддерживающий диадный копинг («успокаиваю ребенка», «жалую ребенка», «пытаюсь ободрить ребенка», «уговариваю ребенка не обращать внимание»). Такая же тенденция наблюдается в группе средних дошкольников, где явно доминируют совместный предметно ориентированный диадный копинг и эмоционально ориентированный поддерживающий диадный копинг. В группе старших дошкольников на первом месте по частоте встречаемости – совместный предметно ориентированный, на втором – эмоционально ориентированный поддерживающий и на третьем – предметно ориентированный поддерживающий («предлагаю конкретный совет», «переключаю внимание ребенка на другую деятельность»). К последнему виду диадного копинга прибегает треть родителей группы старших дошкольников.

Как видно из данных частотного анализа, на протяжении дошкольного детства родители в совладании с трудными ситуациями, возникающими у детей, чаще используют совместный предметно ориентированный и эмоционально ориентированный поддерживающий диадные копинги, в старшем дошкольном возрасте к ним добавляется предметно ориентированный поддерживающий диадный копинг. Полученные результаты позволяют поставить новую исследовательскую задачу, заключающуюся в выявлении тех стратегий диадного копинга, которые позволяют трансформировать трудные ситуации в контекст

прогрессивного развития дошкольников, как вклада в становление онтогенетического потенциала личностных копинг-ресурсов и эффективного совладания.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл: Академия, 2002. 414 с.
2. Бодров В.А. Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
3. Бохан Т.Г. Проблема стресса в психологии: транспективный анализ. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2008. 152 с.
4. Ваулина Т.А. Типы профессионально-психологического мышления : исторический и общепсихологические аспекты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 22 с.
5. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
6. Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопр. психологии. 2005. № 6. С. 98–103.
7. Данилова Т.А. Формирование копинг-поведения у учителей средней школы и его роль в профилактике психологических нарушений у школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 24 с.
8. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Социальный стресс и психическое здоровье. М., 2001. 248 с.
9. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М.: Мысль, 2004. 460 с.
10. Исаев Д.Н. Психологический стресс и психосоматические расстройства в детском возрасте. СПб.: ППМИ, 1994.
11. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности. М.: Смысл, 2005. 248 с.
12. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 174 с.
13. Крюкова Т.О. Психология совладающего поведения. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. 344 с.
14. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским мышлением в современной психологии // Психол. журн. 1990. Т. 11, № 5. С. 134–158.
15. Мухина В.С. Возрастная психология. СПб., 1995.
16. Стрельцова И.П. Возрастные особенности применения стратегий совладающего поведения // Ребенок в современном мире: Тез. докл. науч-практ. конф. Нижний Тагил, 2002. С. 14–18.
17. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
18. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 144 с.
19. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
20. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. 379 с.
21. Рассказова Е.И. Динамика смысла в процессе совладания с тревогой // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию В. Франкла): Материалы междунар. конф. / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 176–179.
22. Шакуров Р.Х. Психология преодоления // Вопр. психологии. 2003. Вып. 4. С. 21–29.
23. Boodenmann G., Cina A. Der Einfluss von Stress, individueller Belastungsbewältigung und dyadischem Coping auf die Partnerschaftsstabilität: Eine 4-Jahres-Langsschnittstudie // Zeitschrift für Klinische Psychologie. 1999. Vol. 28(2). P. 130–139.
24. Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N.Y.: Springer Publishing House, 1984.

DYADIC COPING OF PARENTS AND PRESCHOOL CHILDREN

Tolmacheva Y.V., Bokhan T.G. (Tomsk)

Summary. The necessity of studying dyadic coping of parents and children is presented. It is necessary to understand the genesis of the personal coping resources and coping effectively with difficult life situations. Also in this article research results of dyadic coping of parents and preschool children presents and discussed.

Key words: dyadic coping; preschool children; parents; difficult situations; ontogenetic potential; coping behavior; ideal form; stress as super-adaptive syndrome; transformation of experience; development.

ИНФОРМАЦИЯ

Международная научно-практическая конференция **«ПРОБЛЕМА ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ» (Владивосток)**

15–19 сентября 2011 г. во Владивостоке прошла Международная научно-практическая конференция **«Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии»**, организованная Владивостокским государственным медицинским университетом при участии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета им Г.И. Невельского и при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-14081 г).

Приветствуя участников конференции, ректор ВГМУ **В.Б. Шуматов** подчеркнул растущую востребованность в обществе профессиональных психологов, выразил признательность Российскому гуманитарному научному фонду за возможность познакомить дальневосточных студентов, аспирантов, преподавателей с ведущими психологами не только Владивостока, но Москвы, Томска и других городов Сибири и пожелал конференции успехов.

На пленарных заседаниях выступили известные российские психологи. **Б.С. Братусь** (Москва) в своем сообщении «Специфика личностного уровня психического здоровья» представил концепцию психического здоровья, в которой различаются три основных уровня: психофизиологический, индивидуально-исполнительский и личностный. Задача последнего уровня состоит в строительстве системы смысловой ориентировки в мире, стержнем которой является общий смысл жизни, неуничтожимый фактом физической смерти. **Г.В. Залевский** (Томск) осветил основные проблемы здоровья личности в клинической психологии. Он отметил, что в рамках интегративного подхода здоровье рассматривается как многомерный феномен, сложный и неоднородный по своему составу, сочетающий в себе гетерогенные, качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого существования (биопсихосоционотическая модель здоровья и его нарушения). Было подчеркнуто, что проблемы состояния здоровья людей всех возрастов – это и вызов современной науке.

М.С. Яницкий и **А.В. Серый** (Кемерово) представили ценностно-смысловые индикаторы психологического здоровья личности, заметив, что проблема построения адекватной модели оценки психологического здоровья личности и выделения его индикаторов, помимо уточ-

нения понятия «психологическое здоровье», требует определения того, что именно мы понимаем под развитием личности, каковы его цели и движущие силы. **Н.В. Козлова** (Томск) в своем выступлении «Личностное развитие молодежи с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности» показала, что психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга и находятся во взаимодействии. При этом психологическая безопасность выступает важным индикатором качества психического и личностного развития.

В.С. Чернявская (Владивосток) представила сообщение «Здоровье и творчество личности в образовательном процессе вуза: к вопросу о релевантности целей образования». Она обратила внимание собравшихся на то, что в документах о реформе образования крайне мало места отводится вопросам здоровья и развития духовности, что проявляется на практике в сокращении психологической службы в школах, в отсутствии ее как таковой в вузах. **Н.Л. Карпова** (Москва) выразила признательность вузам – организаторам конференции – за помощь в проведении работы групп семейной логопсихотерапии во Владивостоке и отметила тревожные тенденции вытеснения специалистов-психологов и логопедов из школ. Анализируя психологические проблемы социореабилитации личности, она остановилась на вопросе отношения человека к своему здоровью и болезни и рассмотрела понятие «внутренняя картина здоровья», введенное Ю.Б. Некрасовой в авторской методике групповой логопсихотерапии – лечении заикания у подростков и взрослых. Тему семейной психотерапии продолжила **Т.Н. Глебова** (США, Сакраменто). Она представила ряд исследований нейробиологии межличностных отношений и психотерапии, которые убеждают, что терапевтический альянс является значимым «общим фактором» в терапевтическом процессе независимо от типа или модальности терапии. Разнообразные техники, направленные на эмоциональную регуляцию, способствуют общей нейробиологической регуляции, что в свою очередь позволяет повысить общий уровень здоровья человека.

Н.А. Кравцова (Владивосток) рассмотрела личностные predispositions психосоматической патологии и отметила, что они формируются на ранних этапах онтогенеза и во многом обусловлены личностью матери и характером детско-материнских отношений, формирующих готовность ребенка к оценкам ситуаций и типу реагирования. Искажение хода психосоматического развития при симбиотическом и авторитарно-отрицающем отношении к ребенку детерминировано искажением развития всей системы психологического опосредования личности: ценностного, смыслового, когнитивного. **Ж.М. Глозман** (Москва) представила богато иллюстрированную тему «Внутренняя картина болезни как фактор успешности ее преодоления». Было показано, что изменение структуры внутренней картины болезни и формирование сбалансированного типа отношения к болезни, а также опти-

мизация межличностных отношений в семье опосредствуют процесс реабилитации. В докладе **Н.В. Ининой** (Москва) «Невротические формы религиозности и проблемы личностного здоровья» вера рассматривалась как феномен, влияющий на здоровье личности. На основании анализа ряда работ в области психологии веры предложена классификация различных форм веры по степеням осознанности и активности субъекта, что позволяет отличать деструктивные и невротические проявления веры (предрассудки, суеверия, фанатизм) от позитивных. Пленарные заседания завершило выступление **А.Н. Кричевца** (Москва) на тему «Античные греки и позитивная психология». Были рассмотрены истоки и основные положения современной позитивной психологии, появившейся в первое десятилетие нового века. Это направление провозглашает переход от изучения дефектов и слабостей людей к научному исследованию оптимального функционирования человека, т.е. к изучению наиболее здорового состояния личности.

В рамках конференции профессора **Б.С. Братусь** и **Г.В. Залевский** провели интересную лекцию-дискуссию по проблемам современной психологии личности, ответив на многочисленные вопросы аудитории. В работе секций «Психология здоровой и аномальной личности» и «Проблемы психотерапии и социореабилитации личности» участвовало 90 человек.

В рамках лектория «Соединяя Восток и Запад» для преподавателей, аспирантов и студентов владивостокских вузов были прочитаны лекции: «Современные проблемы социореабилитации личности» (**Н.Л. Карпова**, Москва), «Личность в системе общественных отношений» (**М.С. Яницкий**, Кемерово), «Ценностно-смысловая сфера личности в технократизированном обществе» (**А.В. Серый**, Кемерово). 20 практикующих психологов участвовали в обучающем семинаре **Т. Глебовой** (США) «Семейная системная терапия: Основные принципы работы с «отношениями» (Американская школа)». Более 150 студентов, преподавателей и специалистов участвовали в **Мастер-классах**: «Нейропсихологическое обследование школьника с трудностями обучения (выявление механизмов трудностей и построение стратегии коррекции)» (вела **Ж.М. Глозман**); «Личностно-направленная система семейной групповой логопсихотерапии» (вела **Н.Л. Карпова**); «Психологическая супервизия: практика в поисках теории» (вел **Г.В. Залевский**).

В рамках конференции состоялось заседание УМО, где прошло обсуждение Федеральных образовательных стандартов по специальности «клиническая психология». Присутствующие преподаватели и руководители подразделений вузов говорили о недопустимости сокращения часов по общей психологии, как это предлагается в примерном учебном плане, а также высказались за внесение уточнений в учебные планы по дисциплинам специализации. В интересной форме было проведено за-

седание **Круглого стола** по обсуждению перспектив развития психологии в Дальневосточном регионе с выездом на остров Русский для знакомства со строящимся Дальневосточным федеральным университетом.

По итогам работы конференции было принято **обращение** к профессиональному сообществу и студентам, членам Российского психологического общества, Министерству здравоохранения и социального развития, Министерству образования и науки Российской Федерации:

Участники Международной научно-практической конференции «Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии» (Владивосток, 15–19 сентября 2011 г.) выражают глубокую озабоченность следующим: на фоне общего ухудшения состояния здоровья подрастающего поколения, снижения продолжительности жизни российского населения, роста алкоголизма и наркомании, повышения преступности среди молодежи, что требует значительного усиления профессиональной психологической помощи, происходит сокращение психологических служб в школах, услуги специалистов в медико-психолого-социальных центрах все чаще оказываются на платной основе и становятся недоступными для большинства населения. Проблему увеличения мест в детских садах городские власти недальновидно решают за счет специализированных групп: так, при постоянно растущем количестве детей с различными речевыми нарушениями и патологиями (треть нынешних первоклассников не способны полноценно воспринимать и усваивать учебную программу) сокращаются логопедические группы в детских садах и ставки логопеда в школах (только во Владивостоке за последние 2 года из 108 групп прекратили работу 70, базовый речевой детский сад перепрофилирован в комплексный, и в нем осталось только 3 специализированные группы).

Отмечая сложность, многогранность и неоднозначность феномена «здоровье» в отношении отдельного человека и всего общества, участники конференции считают необходимым объединение усилий ученых и практиков, общественных организаций и общества в целом для осознания здоровья как основной жизненной ценности. Необходима целенаправленная государственная политика в образовании, медицине, науке и культуре по формированию грамотного отношения всех слоев населения к своему физическому, психическому и духовному здоровью. В медицине в целом и психотерапии в частности в основном анализируются и исследуются проблемы нарушений в работе организма и психики человека, но гораздо меньше внимания уделяется вопросам укрепления и охраны здоровья, – следует устранить этот диссонанс.

Признавая значимость психопрофилактической работы в формировании здоровой личности, необходимо изменить отношение общества к феномену материнства, отцовства, семьи: признать беременность социально значимым и общественно ценным периодом жизни женщины. Необходимо поддерживать инициативу организации

центров материнства и детства, центров культуры здоровья студентов и т.д. вне поликлиник и больниц. В психотерапевтической и психокоррекционной работе, социореабилитационном процессе следует отметить продуктивность ориентации не столько на «внутреннюю картину болезни», сколько на «внутреннюю картину здоровья» пациента и его семьи.

Учитывая сложность и недостаточную разработанность проблемы здоровья человека, общества, нации, участники конференции считают необходимым создание экспертного сообщества психологов для анализа вновь вводимых законодательных документов по образованию, культуре, медицине и социальному обеспечению. В психолого-педагогических и других периодических изданиях требуется вести постоянную рубрику «Здоровье» и призвать все виды СМИ активно пропагандировать здоровый образ жизни и знакомить с успешными начинаниями в этом направлении. Необходимо признать проблему здоровья личности и общества особо актуальной, требующей дальнейшего изучения, а также дополнительного финансирования научно-исследовательских проектов, семинаров и конференций.

Участники конференции единодушно высказались за продолжение обсуждения проблемы психологии здоровья личности, человека, нации в рамках очередного 5-го съезда РПО в 2012 г. и поддержали инициативу представителей Сибири о проведении следующей конференции в 2013 г. на базе Кемеровского государственного университета.

Н.А. Кравцова, Б.С. Братусь, Г.В. Залевский,
сопредседатели конференции

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – доктор психологических наук, профессор Т.Г. Бохан.

2 декабря 2011 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Кузьминой Ю.В. «Самооценка уровня здоровья и образа жизни студентов во взаимосвязи с биосоциальными факторами и личностными ресурсами» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Табуровой Т.С. «Образ значимого Другого как ресурс совладания личности с трудной жизненной ситуацией» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– Буравцовой Н.В. «Взаимосвязь структурно-содержательных характеристик психологического пространства и эмпатии личности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии».

*Ученый секретарь совета
доктор психологических наук, профессор
Т.Г. Бохан*

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2008 г. № 937-802 открыт диссертационный совет Д 212.267.20 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.13 – «психология развития, акмеология» (психологические науки); 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (педагогические науки).

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием ФП ТГУ Г.Н. Прозументова; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии личности, декан факультета психологии ТГУ Э.В. Галажинский; ученый секретарь – доктор педагогических наук, профессор И.Ю. Малкова.

15 декабря 2011 г. состоятся заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Вержицкой Е.Н. «Особенности личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13. – «психология развития, акмеология» (научный руководитель – профессор Н.В. Козлова).

– Байгуловой Н.В. «Разработка и реализация модели разновозрастной сельской малокомплектной школы» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный руководитель – доцент Е.Е. Сартакова).

– Зубаревой Т.А. «Использование сетевого взаимодействия для инновационного развития образовательных учреждений» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный руководитель – доцент А.О. Зоткин).

– Ломоносовой Т.Г. «Динамика управленческого потенциала молодых специалистов в условиях акме-ориентированных технологий» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13. – «психология развития, акмеология» (научный руководитель – профессор Н.В. Козлова).

*Ученый секретарь совета
доктор педагогических наук, профессор
И.Ю. Малкова*

НАШИ АВТОРЫ

Астафьев Олег Михайлович, кандидат медицинских наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий НИО «Медицинский регистр МЧС России» ФГУЗ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова» МЧС России (Санкт-Петербург).
E-mail: Vektor-V@yandex.ru

Беляева Екатерина Николаевна, клинический психолог, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории репродуктивных технологий Института перинатологии и педиатрии ФГУ «Федеральный центр сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова» (Санкт-Петербург).
E-mail: eksaveta@yandex.ru

Бохан Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).
E-mail: Bokhan909@sibmail.com

Братусь Борис Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии естественных наук Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии образования, зав. кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. лабораторией философско-психологических основ развития человека Психологического института РАО (Москва).
E-mail: kop@psy.msu.ru

Виноградова Марина Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).
E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Вассерман Людвиг Иосифович, доктор медицинских наук, руководитель лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: psy.lab@inbox.ru

Володина Анна Николаевна, кандидат психологических наук, директор по рекламе и пиар ООО «Центрстрой» (Нижний Новгород).
E-mail: annvolodin@yandex.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, зав. кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Козлова Наталья Викторовна, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: akme_2003@scalpnet.ru

Королёв Андрей Александрович, медицинский психолог Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана (Барнаул).

E-mail: korollev-psy@mail.ru

Кравцова Наталья Александровна, доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток).

E-mail: kranatali@yandex.ru

Ломоносова Татьяна Геннадьевна, соискатель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: lomonosova@sibmail.com

Мазо Галина Элевна, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, руководитель Группы эндокринологической психиатрии, профессор кафедры психиатрии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

E-mail: psy.lab@inbox.ru

Макарова Наталья Васильевна, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделением статистического анализа и прогнозирования НИО «Медицинский регистр МЧС России» ФГУЗ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова» МЧС России (Санкт-Петербург).

E-mail: Vektor-V@yandex.ru

Рыжов Андрей Леонидович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: andrey.ryzhov@gmail.com

Савин Евгений Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга).

E-mail: sey71@yandex.ru

Соколов Ярослав Владимирович, медицинский психолог Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана (Барнаул).

E-mail: yar_sokoloff@mail.ru

Сутормин Олег Юрьевич, практический психолог, соискатель кафедры клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток).

E-mail: OlegSumarin@mail.ru

Толмачева Юлия Валерьевна, педагог-психолог МДОУ «Центр развития ребенка – д/с №45», соискатель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Северск).

Тюлюпов Юрий Федорович, кандидат технических наук, начальник лаборатории неразрушающего контроля ООО «Учебно-научный центр ТЭС» (Чита).

E-mail: tylypov-tcita@mail.ru

Черменская Галина Германовна, старший преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск).

E-mail: ggchtomsk@mail.ru

Шевченко Татьяна Ивановна, кандидат психологических наук, научный сотрудник отделения медицины труда НИО «Медицинский регистр МЧС России» ФГУЗ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова» МЧС России (Санкт-Петербург).

E-mail: Vektor-V@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и оформляется в алфавитном порядке.

Например:

1. *Вассерман Л. И.* Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств [Текст] / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. А. Трифонова, О. Ю. Щелкова // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 38. – С. 24–29.
2. *Залевский Г. В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Залевский. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. – 224 с.
3. *Залевский Г. В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г. В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. – М. : ИП РАН, 2008. – С. 314–340.
4. *Морозов С. М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л. С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С. М. Морозов. – М., 2002. – 24 с.

Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СОДЕРЖАНИЕ

«Сибирского психологического журнала» за 2011 г.

№ 39

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Соловьев А.В.</i> ПСИХОЛОГИЯ: НА ПУТЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ (российский вариант)	6
<i>Залевский Г.В.</i> ПСИХОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ	21
<i>Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н.</i> ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	28
<i>Тюлюпов Ю.Ф.</i> СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАДИИ СЕНСОРНОЙ ПСИХИКИ	36

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Карнышев А.Д., Иванова Е.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	43
<i>Шульгин М.В.</i> УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ	60
<i>Шелехов И.Л., Слободчикова М.Ю., Грицкевич Н.К., Морева С.А.</i> ПРОТИВОРЕЧИЯ МОТИВАЦИЙ В ВЫБОРЕ СТУДЕНТКАМИ УНИВЕРСИТЕТА ПАРТНЕРА ДЛЯ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	71

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

<i>Бохан Т.Г., Филоненко А.Л., Бабушкина О.Н., Мацута В.В., Правосуд Л.Ш.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ДЕТЕЙ, ЛИШЕННЫХ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ	80
<i>Чичканова И.Н.</i> К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА	91
<i>Савкина Т.О., Слободская Е.Р.</i> СТРУКТУРА ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ЗА КОМПЬЮТЕРОМ: СВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ	97

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Сафронова М.В., Гаврилова Е.В.</i> ЗНАЧЕНИЕ СТАТУСА СЕМЬИ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕБЕНКА	104
---	-----

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ – ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

<i>Николаева И.А.</i> НОВЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. Часть 2. СТРУКТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	112
--	-----

№ 40

«СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ» 15 ЛЕТ

<i>Залевский Г.В.</i> РОЛЬ И МЕСТО «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В РЕГИОНЕ	5
<i>Попов Ю.В., Карвасарский Б.Д., Вассерман Л.И.</i> ПОЗДРАВЛЕНИЕ	11

ПО СТРАНИЦАМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ПРОШЛЫХ ЛЕТ

<i>Петровский А.В.</i> ПРИВЕТСТВИЕ И ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ И ЧИТАТЕЛЯМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»	12
<i>Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.</i> НАСЛЕДИЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО	13
<i>Асмолов А.Г.</i> У ПОРОГА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	24
<i>Леонтьев А.А.</i> РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	40
<i>Брушлинский А.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ПРАКТИКЕ	46
<i>Залевский Г.В., Залевский В.Г.</i> ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА	52
<i>Демина Л.Д., Лужбина Н.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	60
<i>Карнышев А.Д.</i> ВОСПРИЯТИЕ БАЙКАЛА И СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ	67
<i>Мазилев В.А.</i> М.С. РОГОВИН: ФИЛОСОФ ПСИХОЛОГИИ	80
<i>Козлова Н.В.</i> РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФИКСИРОВАННЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО	89

МАТЕРИАЛЫ К IV СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ФОРУМУ

<i>Юревич А.В.</i> ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «СХИЗИС» И КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ	101
<i>Знаков В.В.</i> ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТЕЗАУРУСНОЕ И НАРРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ	118
<i>Вассерман Л.И., Трифонова Е.А.</i> ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ	129
<i>Клочко В.Е.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УСЛОЖНЕНИЯ	136
<i>Кабрин В.И.</i> КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИЗ ОПЫТА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК)	152
<i>Красноярцева О.М., Баланев Д.Ю., Щеглова Э.А.</i> ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОПРОСНИКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	164

РЕЦЕНЗИИ

<i>Юревич А.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»	176
<i>Знаков В.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»	177

№ 41

ОБЩАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Серебровская Н.Е.</i> ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РУСЛЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА	7
<i>Клюева Н.Ю.</i> ПСИХОЛОГИЯ БЕЗДОМНОГО И БЕЗДОМНОСТИ	15
<i>Никитина А.А.</i> ИЗУЧЕНИЕ «МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В РОССИЙСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	20

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

<i>Иванова Н.В.</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЬНОМ ЗВЕНЕ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	25
<i>Петрова В.Н.</i> ДИНАМИКА ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	36
<i>Мурафа С.В.</i> ПРОДУКТИВНОСТЬ МНЕМИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ 7–12 ЛЕТ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	42

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Кузьмина Ю.В.</i> ФАКТОРНЫЙ И КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗЫ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНО-УРОВНЕВОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ И СТИЛЯ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ	50
<i>Урываев В.А., Тарасова А.А.</i> СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СТРУКТУРА ЗАЩИТНЫХ РЕАКЦИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА	58
<i>Твердохлебова Н.В., Бохан Т.Г.</i> СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОСОЗНАНИЯ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА С РАЗНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ПИВНОЙ АДДИКЦИИ	64
<i>Денисова В.А., Кравцова Н.А.</i> Я-ФУНКЦИИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН И СТИЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ	76
<i>Заворотная М.И., Жилиев А.Г.</i> РОЛЬ ПРЕВЕНТИВНОГО СЦЕНАРИЯ УТРАТЫ В АСПЕКТАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ВДОВАМ ЛЕТЧИКОВ-ИСПЫТАТЕЛЕЙ	81
<i>Орлова М.М.</i> АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ	94
<i>Нимаева С.М.</i> РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА	105

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

<i>Циринг Д.А., Евстафеева Е.А.</i> ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ	111
<i>Сметанова Ю.В.</i> ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИННОВАЦИОННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ	121

№ 42

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Беляева Е.Н., Вассерман Л.И., Мазо Г.Э.</i> КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА И ОЦЕНКА ФАКТОРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ПАЦИЕНТОК С ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИЕЙ	6
<i>Королев А.А., Соколов Я.В.</i> К ВОПРОСУ О ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ ПРИ КОМОРБИДНЫХ ФОРМАХ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЯ ЭКЗОГЕННО-ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ПСИХОГЕННОЙ ДЕПРЕССИИ)	14

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Черменская Г.Г.</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	19
<i>Виноградова М.Г., Рыжов А.Л.</i> МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В РАБОТЕ С ТЕСТОМ РИСУНОЧНОЙ ФРУСТРАЦИИ С. РОЗЕНЦВЕЙГА. I. Мотивационный аспект	29
<i>Сутормин О.Ю.</i> ФЕНОМЕН АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	44
<i>Тюлюпов Ю.Ф.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМОЙ И ТЕХНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ	52
<i>Шевченко Т.И., Астафьев О.М., Макарова Н.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА МОЛОДЫХ ПОЖАРНЫХ И КУРСАНТОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА	60

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Володина А.Н.</i> ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ К БРЕНДУ	67
---	----

<i>Козлова Н.В., Ломоносова Т.Г.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ АКМЕ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	79
--	----

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

<i>Савин Е.Ю.</i> ОПЫТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ФАКТОРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ	93
<i>Толмачева Ю.В., Бохан Т.Г.</i> ДИАДНЫЙ КОПИНГ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	102

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 42. 2011 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».
Телефон редакции: (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10.
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор К.В. Полькина
Оригинал-макет и дизайн обложки
В.К. Савицкого

Подписано к печати 15.12.2011 г. Формат 70x108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times.
Ризография. Усл. печ. л. 7,44. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТомУниверИздат»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83

Отпечатано на оборудовании
ООО «РГ «Графика»
634050, г. Томск, ул. Беленца, 15
Тел. 8-3822-52-65-15